

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА

БУ ВО «СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт гуманитарного образования и спорта

**«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО
ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ...»**

**Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти И. П. Захарова**

**Сургут
Издательский центр
2026**

УДК 94(571.1)(063)
ББК 63.3(2)я43
Р765

Издается по решению
Редакционно-издательского совета СурГУ

Редакционная коллегия:

Севостьян Игоревич Веселов,

ответственный редактор

(канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры),

Денис Валериевич Кирилук

(канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры),

Анастасия Александровна Кузнецова

(канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры),

Александр Иванович Прищепа

(д-р ист. наук, профессор кафедры истории России,
Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)

Р765 **«Российское могущество прирастать будет Сибирью...»** : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И. П. Захарова, Сургут, 12 декабря 2025 г. / ответственный редактор С. И. Веселов ; Сургутский государственный университет. – Сургут : Издательский центр СурГУ, 2026. – 151 с.

В сборник включены статьи с результатами исследований вопросов политического, социально-экономического и культурного развития Сибири в доиндустриальную эпоху, периода становления индустриального общества и изучения современных проблем региональной истории, представленные студентами, магистрантами, аспирантами и учеными российских городов: Сургута, Нижневартовска, Томска, Омска, Новокузнецка, Альметьевска, Барнаула, Муравленко.

Издание адресовано обучающимся учебных заведений всех уровней, научным сотрудникам, учителям школ и преподавателям вузов, работникам архивных, музейных учреждений, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей Югры и Западной Сибири.

УДК 94(571.1)(063)
ББК 63.3(2)я43

© Коллектив авторов, 2026

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	6
-----------------------	---

Раздел I

ПРОСТРАНСТВО, ВЛАСТЬ И ХОЗЯЙСТВО: СИБИРЬ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Зяблицева Е. Ю.

Миссии Русской православной церкви в Западной Сибири (1830–1919 гг.)	7
--	---

Нормайкин Е. В.

Примеры злоупотреблений лесной стражи в Томской губернии в последней трети XIX в.	12
---	----

Просвиркина В. В.

Сдача в аренду как направление женского предпринимательства Западной Сибири в 1857–1918 гг.	18
---	----

Исламова Р. Р.

Торговля как направление предпринимательской деятельности женщин Западной Сибири в 1857–1917 гг.	21
--	----

Кирий П. Д.

Мифологизация старообрядческого предпринимательства в Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.)	25
--	----

Галлямова Л. В.

Деятельность Тюменского общества поощрения коннозаводства по организации работы городского ипподрома в конце XIX – начале XX вв.	28
--	----

Завьялова И. Е.

Строительство железной дороги А.А. Лещевым как экономический фактор развития купечества в городе Шадринске в конце XIX – начале XX вв.	32
--	----

Кокшарова М. В.

Технологические и производственные аспекты судостроения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.	35
--	----

Раздел II

СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА И КУЛЬТУРЫ: ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К ПОВСЕДНЕВНОСТИ (1930–1980-Е ГГ.)

Кирилюк Д. В.

Между директивой и тундрой: три вызова реализации закона о всеобщем в Ямало-Ненецком национальном округе в 1930-е гг.	40
---	----

Сташкин П. Р.

Строительство Белогорского лесозавода как отражение особенностей индустриализации и политического режима на севере Западной Сибири в 1930-х гг.	46
---	----

Ковалева О. А.

Воспоминания как источник о трудовой сфере города Тюмени в годы Великой Отече- ственной войны (1941–1945 гг.)	51
--	----

Морозов Н. И.	
Боевое участие телеутского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	54
Туржанов Е. К.	
Проблемы функционирования областной газеты «Советская Сибирь» в годы Великой Отечественной войны	58
Асеева А. С.	
Библиотечные учреждения Югры в годы Великой Отечественной войны: виды, численность, книжные фонды	62
Никора В. Я.	
Ответ системы профессионально-технического образования Тюменской области на вызов ускорения научно-технического прогресса в СССР во второй половине 1950-х гг.	67
Веселов С. И.	
Репрезентация повседневности в производственных практиках участников транспортного освоения Тюменского Севера	70
Раздобреев О. В.	
Совершенствование подготовки актерских кадров драматических театров Западной Сибири в 1950–1960-е гг.	76

Раздел III

ОСВОЕНИЕ РЕСУРСОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОЕКТЫ, ПРАКТИКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ (1960-Е ГГ. – НАЧАЛО XXI В.)

Прищепина А. И.	
Общежитие как форма расселения трудовых ресурсов «Главтюменнефтегазстрой» в 1960–1980-е гг.	80
Магарамов А. А.	
Развитие геологоразведочных работ на севере Западной Сибири в 1960–1980 гг.: попытка периодизации	85
Полиенко В. А., Шурыгин А. С.	
Опыт промышленного освоения западных районов Ханты-Мансийского округа в 1960–1980-е гг.	88
Пядухова Д. Д.	
Роль женщины в кинематографе нефтегазового освоения Западной Сибири (1960–1980-е гг.)	95
Сердюков Д. В.	
Отражение августовского кризиса 1991 г. в политическом пространстве севера Западной Сибири	99
Кетоков А. Б.	
Отечественная историография о рыбной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в XX в.	103
Кузнецова А. А.	
Конфессиональный состав населения Тюменской области в начале 1980-х гг. (по данным уполномоченного Совета по делам религий)	107
Зиятдинова И. И.	
Диверсификация сибирского топливно-энергетического комплекса Сибири на основе развития водородной энергетики	112

Зиятдинова И. И.

Исторический контекст и эволюция вызовов оптимизации логистики «последней мили» для снабжения удаленных поселков Азиатской России	116
---	-----

Раздел IV

**НАСЛЕДИЕ СИБИРИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПАМЯТЬ,
АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Бауман Д. А.

Этнический состав населения Тюменской области (1989–2021 гг.)	121
---	-----

Визгалов Г. П., Шевченко Д. Д.

История археологического исследования урочища Сайгатино (2011–2025 гг.)	126
---	-----

Болкунова Е. В.

«Жилищный вопрос» в деятельности адвокатуры России в 2002–2010 гг. (на примере Кемеровской области – Кузбасса)	133
--	-----

Кутакова Е. А.

Деятельность Тюменского музейно-просветительского объединения (2017–2024 гг.)	138
--	-----

Федосеева А. С.

Реставрационное волонтерство в Западной Сибири: на примере деятельности волонтерского движения «Том Соьер Фест»	142
---	-----

<i>Сведения об авторах</i>	149
---	-----

Введение

Сборник объединяет материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российское могущество прирастать будет Сибирью...», посвященной памяти известного сургутского журналиста, почетного гражданина города И. П. Захарова. Мероприятие, прошедшее 12 декабря 2025 года в Сургуте, собрало исследователей из разных научных центров и специалистов из сферы сохранения историко-культурного наследия, что позволило осуществить многогранный анализ исторического пути Западной Сибири.

Структура сборника отражает ключевые темы, обсуждавшиеся на пяти секциях конференции. Первый раздел посвящен имперской интеграции Сибири в XIX – начале XX вв., где детально рассмотрены административные, культурные и религиозные механизмы включения обширной территории в общероссийское пространство, а также неизбежные противоречия этого процесса. Проанализирована хозяйственная жизнь края на рубеже эпох, многообразие экономических акторов: от женского предпринимательства и купечества до развития транспортной и производственной инфраструктуры, заложившей основу для будущего развития Сибири.

Второй раздел охватил советский период (1930–1980-е гг.), раскрыв диалектику перехода от логики тотальной мобилизации к изучению повседневности. В центре внимания – трудовой и фронтовой вклад региона, система плановой подготовки кадров, а также трансформации в культурной и общественной сферах.

Третий раздел посвящен индустриальным практикам нефтегазового освоения Севера Западной Сибири с начала 1960-х гг. В статьях исследован генезис нефтегазового комплекса, его глубокие социальные и экологические последствия, а также отражение этой героической и противоречивой эпохи в общественном сознании, политике и культуре.

Четвертый раздел обращен к осмыслению наследия Сибири в широком контексте. В нем затронуты вопросы формирования исторической памяти и региональной идентичности, а также актуальные музейные, образовательные и волонтерские практики, направленные на сохранение и интерпретацию уникального культурного ландшафта.

Материалы сборника представляют интерес для профессиональных историков, педагогов, краеведов и всех, кто изучает прошлое и настоящее Сибири – региона, чей потенциал продолжает во многом определять траекторию развития России.

Раздел I
**ПРОСТРАНСТВО, ВЛАСТЬ И ХОЗЯЙСТВО:
СИБИРЬ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

УДК 271.22(571.1)-76-9

Миссии Русской православной церкви в Западной Сибири (1830–1919 гг.)

Зяблицева Е. Ю.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена история духовных миссий Западной Сибири, их деятельность, особенности взаимодействия с инородческим населением, выраженные путями и целями, изначально обозначенные миссиями, и результаты данной коммуникации. Отдельно изучена практика Обдорской, Сургутской и Кондинской миссий на территории Тобольской губернии, Алтайской и Киргизской миссии на территории Томской губернии и частично Акмолинской области. Выделены трудности, с которыми сталкивались миссии в процессе функционирования.

Ключевые слова: духовные миссии, просвещение, миссионерство, инородцы, миссионеры

Missions of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (1830–1919)

Zyabliceva E. Yu.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article examines the history of the spiritual missions of Western Siberia, their activities, the specifics of interaction with the foreign population, expressed in ways and goals originally designated by the missions, and the results of this communication. The practice of the Obdorsk, Surgut and Kondinsk missions in the territory of the Tobolsk province, the Altai and Kyrgyz missions in the territory of the Tomsk province and partly the Akmola region has been studied separately. The difficulties faced by the missions in the process of functioning are highlighted.

Keywords: missions, enlightenment, missionary work, foreigners, missionaries

Миссионерство XIX в. в Российской империи представляло собой общественное движение, главной целью которого было приобщение представителей других религиозных конфессий к православию посредством распространения веры и просветительской деятельности, а также укрепление в русском народе веры и нравственности. Действовало данное движение на территории Российской империи для проповеди, а также с целью противостояния старообрядчеству и распространявшимся сектантским течениям, в том числе и за границей – в проповеди православия среди народов других стран. Все это усиливало значение миссионерства. Для управления в 1865 г. создано Православное миссионерское общество, деятельность которого полностью регламентировалась российским законодательством.

Документы регулировали как функции, цели, задачи, деятельность миссий, так и особенности взаимодействия миссионеров и представителей инородческого населения. Многие из документов были локальными, что делало их действительными только для конкретной территории. Объяснить появление таких документов можно особыми нуждами народа Сибири. «В Сибири на первый план выступают церковное строительство, подготовка пастырей и увеличение числа приходов и школ» [4]. Обусловлено это было необходимостью освоения данной территории, которая имела свои природно-климатические особенности.

Все документы можно разделить на категории:

1. Уставы: Устав духовных консисторий (1841 г., 1883 г. – исправлен) [18, с. 115], суть которого сводилась к установлению управления и духовного суда в епархиях; Устав об управлении инородцами (1822 г.) [18, с. 115] закреплял правила и нормы во всех сферах жизни, а также определял систему управления различными группами инородцев в зависимости от их образа жизни.

2. Духовный регламент (1721 г.) [15], смысл которого сводился к реформированию системы управления Русской православной церковью.

3. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства (1860 г.), являвшийся нормативно-правовой базой для православного духовенства, регламентировал многие аспекты деятельности духовенства [11].

4. Указы Святейшего Синода и прилагаемые к ним инструкции. Например, указ от 10 марта 1867 года «Об усилении миссионерских действий в Березовском крае и об усилении причта Сургутской церкви» [9]. Он составлял не только отдельные положения касательно миссионерской деятельности на территории Березовского края, но и вводил инструкции, согласно которым «были определены точные правила и нормы крещения людей, относящихся к инородческому населению». Нужно также выделить указы от 1722 г. и 1857 г. [18, с. 115].

На территории Западной Сибири было создано несколько духовных миссий по территориальному принципу: в Тобольской, Томской губерниях и Акмолинской области. На Обском Севере (Тобольская губерния) для просвещения и духовного приобщения представителей инородческого населения к православию созданы Обдорская, Сургутская и Кондинская миссии.

Самой значимой и обширной была Обдорская духовная миссия. Период ее существования охватывает 1854–1904 гг. За это время миссия успела значительно повлиять на жизнь местного населения, а именно на культуру, образование и быт. Следует учитывать, что на мероприятия по привлечению инородцев в православие повлияло как появление походных проповедников, выезжавших в станы для привлечения инородцев к православию, так и сложности территории, что делало разезд по территории тяжелым делом. Помимо походных миссий и проповедников существовали штатные проповедники, со временем появились и специальные учебные заведения, позволявшие детям-инородцам получать образование. «В 1898 году в Обдорске было открыто миссионерское “инородческое” училище с пансионом для учащихся, в основном русских и зырян и приют для ненецких и ханты-мансийских сирот-малолеток» [13]. Одним из учеников данного учебного заведения был П. Попов, впоследствии занимавший должность священника Петропавловской церкви в Обдорске. Он также предпринимал многочисленные поездки на дальние стойбища в пределах Обдорской волости Березовского уезда. При П. Попове была организована одна из церковных школ в Обдорске, где обучались несколько мальчиков-инородцев.

Необходимо сказать об Иване Семеновиче Шемановском, имя которого напрямую ассоциируется с Обдорской духовной миссией и ее деятельностью. «В 1898 году настоятелем Миссии становится иеромонах Иринарх (И. С. Шемановский). Одним из важнейших его деяний является создание в 1904 г. Обдорского миссионерского Братства, целью которого была помощь миссии в распространении христианства среди местных народов. Он возглавлял Обдорскую миссию в течение многих лет, что позволило организовать помимо просветительской деятельности и научно-исследовательскую» [10], поскольку сам иеромонах также занимался историей, практикой перевода и педагогикой. Основная работа по истории, написанная иеромонахом Иринархом, заключала в себе историю самой Обдорской духовной миссии, основные моменты ее функционирования. Он создал первый на Обдорской земле музей, посвященный этнографии и культуре местных народов. При иеромонахе Иринархе впервые начался перевод богослужебных книг на языки коренных народов. Его педагогическая деятельность проявилась в образовании им миссионерской школы, изучении особенностей преподавания

для детей Севера и возрастной психологии учеников. Он часто был в разъездах с миссионерскими целями по стойбищам, стараясь привлечь местное население к православию. Можно сказать, что Обдорская миссия внесла значительный вклад в просвещение представителей инородческого населения, поскольку не только привлекала в православие проповедями, но и внедряла образование.

Второй по значению на территории Тобольского Севера стала Сургутская духовная миссия. Сама миссия функционировала с 1867 г., когда в Сургуте был открыт первый миссионерский стан, по 1897 г. Она имела свои организационные особенности. Долгое время миссией управлял Василий Александрович Кайдалов, занимавший пост настоятеля соборной Троицкой церкви и бывший в то время благочинным Сургутского уезда [17]. Помимо самого Кайдалова в состав миссии в разные годы могло входить от четырех до шести человек, считая миссионеров и проповедников. Деятельность данной миссии состояла в проповедях как на месте, так и походных, помощи населению, укреплении веры у уже крещенного населения.

Сургутская духовная миссия достаточно преуспела в своем деле. Об этом можно судить из того факта, что уже к 1870-м гг. миссия привлекла 5 500 остяков, то есть больше в два раза, чем Обдорская, которая в период 1872–1897 гг. привлекла в христианство 2 734 человека. Следует уделить особое внимание тому факту, что в основном она опиралась на инструкции Святейшего Синода 1867 г. Согласно данной инструкции, основными направлениями были «окормление» тех представителей инородческого населения, кто уже принял христианство, крещение инородцев, еще не принявших христианство, командировки священнослужителей и миссионеров с проповедями в отдаленные территории окраинных земель, и обучение детей знаниям грамоты. Они стремились привлечь не только оседлые, но и кочующие народы. «К числу язычников относились преимущественно “кочующие самоеды”, приезжавшие в декабре – январе в Сургут на ярмарку или оказывавшиеся в округе во время перекочевков. Миссионерам нужно было специально выбирать место и время встречи удобное для проповеди христианского вероучения, так как ненцы прибывали в город для продажи пушнины и покупки муки, рыболовных и охотничьих припасов и поэтому не всегда были расположены к общению с миссионерами» [16, с. 22]. Миссия стремилась привлекать абсолютно всех представителей инородческого населения в православие.

Третьей духовной миссией являлась Кондинская, располагавшаяся на территории Березовского края и существовавшая в 1836–1891 гг. Она стала первой миссией, образованной на данной территории. Начальником миссии и настоятелем стал насельник воронежского Митрофанова монастыря иеромонах Арсений. При церкви он служил не один: ему помогали просвещать и обучать инородцев два иеромонаха. Говоря об оказываемом миссией влиянии, стоит сказать о количестве крещенных, которое в год достигало 10 человек. С 1844 по 1885 гг. в монастырской школе ежегодно обучались от 1 до 24 русских и от 5 до 14 инородцев. Стоит сказать, что уже в 1882 г. качество образования было признано неудовлетворяющим требования. Государственное содержание было установлено для 10 учеников, в то время как остальные находились на попечении самой миссии [7]. Помимо учебного заведения при монастыре, известные еще три школы, направленные на обеспечение образования детей из остяцких семей.

Миссия имела достаточно сложную историю. Изначально она была образована как самостоятельная, но позже в ее состав вошла Сургутская духовная миссия, полномочия и территории с которой были разграничены. Через некоторое время миссии были разделены, а уже в 1860-х гг. Кондинская миссия оказалась под угрозой закрытия в связи с фактом абсолютной христианизации местного инородческого населения Березовского края. За годы своего существования она претерпела множество изменений, и уже в 1891 г. было принято решение о преобразовании миссии в женскую миссионерскую общину, хотя сама школа при церкви продолжала деятельность вплоть до 1918 г.

Миссионерство на территории Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. сыграло значительную роль в изменении убеждений и философии представителей местных коренных народов, что плодотворно повлияло на национальную политику государства в этот период времени.

Второй по размеру в Западной Сибири являлась Томская губерния. На ее территории главной была Алтайская духовная миссия, годы функционирования которой приходятся на период 1830–1919 гг., а регион распространения – Кузнецкий и Бийский округа Томской губернии. Целями миссии являлись максимальное обращение населения в православие и борьба со старообрядчеством и сектантством [12, с. 290], которые были довольно распространены на данной территории. Для достижения целей они предпринимали как выездные и штатные проповеди, так и просто оказывали социальную помощь населению посредством создания образовательных учреждений, больниц и богоделен, шефствования над приютами и другими необходимыми для местных заведений. Они «занимались профилактическими беседами и обучали местное население базовым правилам гигиены» [8, с. 2].

Для образования представителями миссии созданы различные образовательные учреждения. Среди них следует выделить катехизаторское училище, миссионерские школы, которых за все годы деятельности миссии образовано 59 в 318 территориальных единицах [8, с. 2]. Также для развития образования и привлечения населения многие богослужебные книги были переведены на местные языки (алтайский, шорский и киргизский).

Необходимость миссионерской деятельности читалась также и в невежестве народа. Многие сельские жители отличались неграмотностью, пьянством, верой в колдунов и знахарей. Стоит сказать, что и проблема, и вариант ее решения, и даже результаты были отражены в периодической печати. Примером тому могут служить статьи из «Епархиальных ведомостей», иллюстрировавшие низкий уровень образования населения, методы, применяемые миссионерами с целью просвещения и варианты борьбы со старообрядчеством и сектантством на данной территории, например, «не только проповеди, молебны и крестные ходы, но и насаждение цивилизации и культуры среди крестьянского народа» [14].

Алтайская духовная миссия внесла неопределимый вклад в жизнь и историю Томской губернии. Именно благодаря ее усилиям созданы многие учреждения, помогавшие и улучшавшие жизнь населения (во многом сельского). Для понимания эффективности школы, следует упомянуть тот факт, что только одним миссионером Василием Вербицким за 36 лет крещены 2 117 инородцев [1]. Всего же к 1917 г. Алтайской миссией крещено 46 729 человек.

Для Томской губернии и Акмолинской области большое значение имела Киргизская духовная миссия. Главной причиной ее возникновения стала «нарастающая исламизация казахов» [2]. Начала свою деятельность миссия в 1881 г. и закончила в 1917 г. Изначально она была открыта в Семипалатинской области и подчинялась Алтайской миссии, но с образованием Омской епархии и упразднением Акмолинского стана в 1895 г. она производила миссионерскую деятельность самостоятельно [2]. В состав миссии в определенные годы входило разное количество человек (от 3 до 10), но неизменны были три должности: миссионер, псаломщик и переводчик. Различие было и в сфере проповедования – исключительно среди казахов.

Отличались и станы. Для большинства миссий станы представлялись местом пребывания миссионера. «Киргизский стан – это селение, состоявшее из новокрещенных, обзаведшихся усадьбами, живших приходской жизнью. Селение имело также приюты для новокрещенных, миссионерские здания, миссионерские школы и библиотеки, то есть своего рода миссионерский приход. Штат служащих в миссии постоянно менялся и состоял из начальника миссии, помощника начальника миссии и миссионеров по одному в каждом стане» [2].

Все члены миссии могли быть преподавателями в миссионерских школах. «Помимо всего, членами миссии уже к концу 1885 года были переведены на казахский язык. “Символ Веры”, все книги Нового Завета, необходимые молитвы, огласительные слова для готовящихся к Св. Крещению» [2].

Оценить результативность школы можно по количеству крещенных. Всего на 1893 г. крещено Томской Киргизской миссией 69 человек. В среднем показатели Киргизской духовной миссии не превышали 60 крещений в год. «В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. число крещений в дальнейшем составляло в среднем 10 человек в год... С началом Первой мировой войны деятельность миссии не прекращалась, но существенно ограничилась» [2]. Постепенно стали упраздняться станы и уже к 1918 г. миссия прекратила свою деятельность.

Таким образом, деятельность духовных миссий привела не только к распространению православия на территории Западной Сибири, но и к развитию культуры, образования, изменению быта и облегчению жизни представителей инородческого населения. Трудности были связаны с кочевым образом жизни населения, климатическими и географическими особенностями регионов, низким уровнем грамотности и устойчивыми традиционными верованиями местных народов, бюрократическими и финансовыми ограничениями. Деятельность миссий стала важным инструментом национальной политики, помогая внедрению инородческого населения в состав основной части населения Российской империи.

Литература

1. Выдающийся миссионер и ученый протоирей // Управление культуры. URL: <https://tashcult.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).
2. Голубцов С. В. Киргизская (казахская) миссия русской православной церкви // Вестник Омского университета. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirgizskaya-kazahskaya-missiya-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi> (дата обращения: 18.08.2025).
3. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. 683 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/ocherki-po-istorii-missionerstva-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (дата обращения: 18.08.2025).
4. Иринарх (Шемановский), иером. История Обдорской духовной миссии 1854–1904 г. М. : печатня А. И. Снегиревой, 1906. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2047793/ (дата обращения: 18.08.2025).
5. Казанцев П. П. История Обдорской миссии. Обдорская духовная миссия 1893–1897 гг. // Образование Ямала. 2014. № 6. URL: <https://yamal-obr.ru/articles/istoriya-obdorskoy-missii/> (дата обращения: 18.08.2025).
6. Манькова И. Л. Кондинский (Кодинский) во имя Святой Троицы монастырь // Православная энциклопедия. 2019. URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).
7. Маньковская О. В. Деятельность Алтайской духовной миссии на территории Южной Сибири в XIX – начале XX вв. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-altayskoj-duhovnoy-missii-na-territorii-yuzhnoy-sibiri-v-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 18.08.2025).
8. Мышинская Ж. М. История деятельности Обдорской православной миссии // Образование Ямала. 2014. № 6. URL: <https://yamal-obr.ru/articles/istoriya-deyatelnosti-obdorskoy-pr-missi/> (дата обращения: 18.08.2025).
9. Пономарев В. История Свято-Троицкой церкви города Сургута // Кафедральный собор Преображения Господа Иисуса Христа города Сургута. URL: <https://surgut.cerkov.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).
10. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства / сост. Н. Александров. СПб. : тип. Глав. штаба его Имп. Величества по воен.-учеб. заведениям, 1860. 232. VIII с. URL: <https://www.prlib.ru/item/443183> (дата обращения: 18.08.2025).
11. Секирин А. А. Миссионерские съезды и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в борьбе с расколом старообрядчества и сектантством во второй половине

XIX века // Христианское чтение. 2017. № 3. URL: https://scientific-journals-spbda.ru/f/21_sekirin.pdf (дата обращения: 18.08.2025).

12. Симонова Е. В. Историческая деятельность Обдорской православной миссии // Образование Ямала. 2020. № 25. URL: <https://yamal-obr.ru/articles/istoricheskaya-deyatelnost-obdorskoj-pro/?ysclid=mmw8ovituo211810857> (дата обращения: 04.10.2024).

13. Смокотин С. В. Православная церковь и крестьянство в Томской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1586/files/47_034.pdf (дата обращения: 18.08.2025).

14. Феофан (Прокопович), еп. Духовный регламент. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/ (дата обращения: 18.08.2025).

15. Цысь О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История РПЦ. 2012. № 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surgutskaya-pravoslavnaia-missiia-1867-1898-gg-vozniknovenie-sostav-osnovnye-napravleniya-i-rezultaty-deyatelnosti> (дата обращения: 18.08.2025).

16. Шемановский И. С. Дневник обдорского миссионера. URL: <https://kateho.ru/missiologia/issledovanie-istorii-missii/dnevniki-obdorskogo-missionera> (дата обращения: 18.08.2025).

17. Юрганова И. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири (XVII – нач. XX вв.) : историко-аналитический обзор // История: факты и символы. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missionerskaya-deyatelnost-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-v-sibiri-xvii-nach-hh-vv-istoriko-analiticheskij-obzor> (дата обращения: 18.09.2025).

УДК: 94(571.16):347.45

Примеры злоупотреблений лесной стражи в Томской губернии в последней трети XIX в.

Нормакин Е. В.

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье проанализированы системные причины и конкретные проявления злоупотреблений со стороны лесной стражи Томской губернии в последней трети XIX в. Рассмотрена роль крестьянской общины по охране лесов, а также первые шаги государственной политики, направленные на регулирование лесопользования. Неудовлетворительное материальное положение лесной стражи и ее тесная взаимосвязь с сельскими обществами приводили к формальному исполнению служебных обязанностей. Выделены две основные формы злоупотреблений. Первая группа включает случаи, основанные на добровольных устных договоренностях с общинами, а вторая – прямые факты вымогательства и шантажа в отношении крестьянских обществ. Официальное лесное законодательство вступало в противоречие с общинными нормами природопользования, что способствовало распространению неформальных договоренностей и злоупотреблений служебным положением, сводивших на нет усилия государства по сохранению лесов.

Ключевые слова: Томская губерния, XIX в., лесная стража, злоупотребления, крестьянская община, лесное хозяйство, государственное управление

Examples of Abuses by the Forest Guard in the Tomsk Province in the Last Third of the 19th Century

Normaikin E. V.

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the systemic causes and specific manifestations of abuses by the forest guard in Tomsk Province in the last third of the 19th century. The role of the peasant commune in forest protection is considered, as well as the first steps of state policy aimed at regulating forest use. The poor material conditions of the forest guard and its close connection with rural communities led to a formal performance of official duties. Two main forms of abuse are identified. The first group includes cases based on voluntary oral agreements with communities, while the second consists of direct instances of extortion and coercion against peasant communities. It is shown that official forest legislation conflicted with communal norms of natural resource use, which contributed to the spread of informal agreements and abuses of office, reducing the effectiveness of state efforts to preserve forests.

Keywords: Tomsk Governorate, 19th century, forest guard, abuses, peasant commune, forestry, public administration

В последней трети XIX в. развитие лесного хозяйства Томской губернии сопровождалось многочисленными противоречиями. Огромные лесные массивы, занимавшие около 134 тыс. км², или почти 16 % территории губернии (по некоторым данным 25 %), нуждались в рациональном использовании и охране [25, с. 145]. При этом лес, составлявший жизненную основу крестьянского хозяйства, подвергался интенсивной постоянно возрастающей эксплуатации. Масштабы уничтожения лесов от самовольных порубок и пожаров были настолько велики, что этот факт давал повод общественности свидетельствовать о превращении региона «в пустошь» [19, с. 8]. В связи с этим усиление хозяйственной эксплуатации требовало внедрения новой государственной системы надзора за лесными ресурсами, которые могли бы заменить существующие малоэффективные традиционные общинные способы регулирования. Однако государственная политика привела к созданию уязвимой и порочной системы, которая не только не смогла защитить леса от истребления, но и способствовала возникновению практик неформальных договоренностей между крестьянскими общинами и лесными служащими, сопровождающимися со стороны последних злоупотреблениями в виде взяточничества и откровенного вымогательства.

Цель исследования – проанализировать причины и особенности злоупотреблений лесной стражи Томской губернии в последней трети XIX в.

Историография темы: проблематика лесоохраны, а также описания правового статуса, функций и полномочий лесной стражи фундаментально изучена М. О. Тяпкиным [23]. Особенности крестьянской общины Западной Сибири рассмотрены в работах Н. А. Миненко [10]. При этом, отдельные аспекты неформального взаимодействия лесной стражи и крестьянских общин остаются малоизученными, несмотря на доскональное освещение в исследованиях по истории государственной охраны лесов.

Источниковая база исследования базируется на материалах периодической печати: «Сибирская газета» [15–18], «Сибирский вестник» [19, 20], «Восточное обозрение» [1, 2], а также делопроизводственной части документов Государственного архива Алтайского края (ГААК) [4–7], содержащих сведения о злоупотреблениях служащих лесной охраны, случаях вымогательства и неформальных договоренностях между стражниками и крестьянскими общинами.

До создания специализированной лесной охраны регулирование лесопользования осуществлялось преимущественно на уровне сельских общин, которые в меру своих возможностей проявляли заботу о находившихся в их использовании лесных угодьях. Правительство было заинтересовано в общинной охране лесов, поскольку это сокращало материальные и бюрократические издержки. В результате значительная доля осуществляемых мер, в виде ограничения сплошных рубок, введения «заповеди» (запрета на рубку), избрание общественных полесовщиков, а также борьба с лесными пожарами и другими угрозами формально до середины XIX в. находились в ведении сельских обществ [24, с. 190]. Управление лесами на уровне общины отличалось гибким и адаптивным подходом, учитывавшем различное

состояние отдельных лесных массивов. Например, для сбережения прилегающих лесов община могла принять решение («взятие на приговор») о запрете рубок – бессрочно или на определенный срок. Так, в с. Усть-Гавриловке Бийского округа рубка была запрещена на 9 лет, а надзор возлагался на избранных полесовщиков [8, с. 44]. Лесоохранные практики крестьянской общины были не только глубоко укоренены в жизни сибирской деревни, но и в определенной мере эффективны, поэтому отход от них был не только затруднительным, но и не всегда целесообразным.

Частные меры, принятые сельскими обществами, не спасли от истощения и вырубке леса, поэтому государство, видевшее в лесных ресурсах источник дохода для казны, стремилось максимально ограничить вырубку, превратив ее в регулируемый и платный процесс.

Первые шаги в отношении охраны лесов в Западной Сибири были предприняты изданием 21 апреля 1863 года «Временных правил о попенных и посаженных деньгах за пользование лесами в Тобольской и Томской губерниях», ставших реальным правотворческим шагом в ограничении бесконтрольного крестьянского лесопользования [22, с. 60–61]. С целью охраны лесных массивов от «самовольных порубок» 3 июня 1869 года правительством было утверждено «Положение о лесной страже в казенных лесах» [13]. Оно предусматривало создание категории государственных служащих, обязующихся осуществлять охрану казенных и общественных лесов. На основе «Положения» был составлен «Наказ лесному объездчику и леснику», в соответствии с которым стража получила четкие обязанности, включавшие охрану лесов от самовольных порубок, пожаров и так далее [21, с. 51]. До 1869 г. охрана казенных лесов возлагалась на общественных полесовщиков, избираемых из числа крестьян местных сельских обществ в виде натуральной повинности (1–3 года). Должность носила формальный характер, и крестьяне продолжали пользоваться лесами в прежнем порядке.

Переход на вольнонаемную стражу, получавшую обеспечение от казны, происходил несвоевременно и сопровождался финансовыми затруднениями в результате чего, к 1886 г., в Томской губернии насчитывалось всего лишь 29 вольнонаемных стражников против 155 общественных полесовщиков [22, с. 65].

Не в лучшем состоянии было и положение кабинетской лесной стражи Алтайского горного округа. Ее статус понизился после перевода в 1867 г. с воинских званий на гражданские чины, а переход к вольнонаемному принципу комплектования привел к кадровому дефициту, когда численность лесничих снизилась с 269 человек в 1849 г. до 181 человека в 1880 г. Непосильно огромные участки для охраны (от 14 тыс. десятин на человека) делали физически невозможным исполнение обязанностей [22, с. 89–90, 92]. Кабинетская стража, как и казенная, оказалась в ситуации хронического недофинансирования и организационной нестабильности, что в одинаковой степени предопределяло ее уязвимость для злоупотреблений.

Материальная неустроенность лесных служащих и низкая мотивация к добросовестному выполнению своих прямых обязанностей явились одними из важнейших причин выстраивания неформальных отношений с общинами. Общественность еще в начале 1880-х гг. отмечала, что на имеющееся жалование (36 руб. в год) лесничий «не может себя содержать» [1, с. 10]. К концу XIX в. «объездчики получали 15 руб. в месяц, а лесники – 8–9 руб., что по оценкам современников по-прежнему было недостаточно. Дополнительные отягчающие факторы в виде необходимости «иметь на свой счет двух верховых лошадей» еще больше усложняли материальное положение стражи, что в результате провоцировало ее «создавать из своего положения постоянную и почти необходимую статью дохода» [9, с. 258]. Согласно «Положению» от 1869 г., лесные стражники должны были получать «особые дома за счет казны», а в тех местностях, где жилье отсутствовало, выделялись «квартирные деньги» – по 18 руб. в год [13, с. 593]. В условиях сибирской периферии сумма отчасти покрывала расходы лесничих на жилье, однако не в полной мере, что так же провоцировало стражу искать другие способы решения своих материальных проблем.

В виду низкого уровня обеспечения и регулярного противодействия со стороны крестьянской общины лесная стража неизбежно вовлекалась в неформальные договоренности,

иногда перераставшие в откровенные факты злоупотребления и даже мошенничества. Периодическая печать, характеризуя состояние лесного хозяйства в губернии, вполне обоснованно обвиняла лесную стражу в «наблюдении исключительно своих интересов» [15, с. 228]. Зачастую лесничие действовали сообразно с заинтересованными сельскими обществами. Из данных фактов складывается первая обширная группа случаев злоупотреблений стражников, когда действия сторон осуществлялись по добровольному согласию. Сельские общества, стремившиеся к сохранению привычных форм лесопользования на принципах устоявшегося обычного права, давали взятки лесным объездчикам с целью избежать контроля с их стороны. Например, в Павловском имении Алтайского горного округа объездчики получили от крестьян с Чистюнского взятку в размере 1 руб. 30 коп., а также «подарок» в сумме 15 руб. «по добровольному согласию сельского общества» за разрешение безбилетного вывоза леса из прилегающего Барнаульского бора [7, л. 3, 35, 124]. Действие осуществлялось в тайне от сельского старосты и некоторых других крестьян, что так же косвенно указывает на существование противоречивых взглядов на вопрос внутри самой общины. В других случаях сговор носил открытый, ритуализированный характер, представляя собой нечто само собой разумеющееся. Сельский сход заранее постановлял о «подарке» лесничему, который являлся в селение, получал деньги, после чего игнорировал нарушения [20, с. 3]. Подобные случаи фиксировались в корреспонденциях от 1885 г. в Бердской волости (Алтайский округ), где право крестьян на бесплатное пользование лесом из кабинетских дач сопровождалось неформальным сбором в пользу лесной стражи. С каждой платежной души взималось 30 коп., что в общей сумме составляло 1 100 руб. 40 коп. в год [17, с. 605–606]. Эти средства шли на «негласный расход» стражи и позволяли населению откупаться от контроля. Каждая община дополнительно сдавала полесовщику по две плети муки с каждого члена общины, не считая дополнительных неучтенных сборов, которые просто не фиксировались. Важно отметить, что подобные сборы в отдельных случаях носили добровольно-принудительный характер. Лесная стража в полной мере пользовалась имевшейся у нее властью. Отказ в выдаче «дани» отдельными обществами мог повлечь неблагоприятные последствия как для отдельного крестьянина, так и для всей общины. В ответ на отказ от «добровольных» выплат лесничий мог применить административные репрессии, например, отвести отдельному обществу участок в труднодоступных «дебрях» или лишить целую деревню близлежащего леса, указав для рубки отдаленный и недоступный бор [2, с. 12–13]. В результате общественность наблюдала закономерность: когда крестьяне отдельных селений прекращали снабжать лесную стражу продовольствием и деньгами, стража тут же инициировала кампанию жалоб на пожары и самовольные порубки с целью повлиять на местные общества. В результате крестьяне возобновляли снабжение лесничих «нагруженными повозками съестных припасов» [1, с. 10]. В ряде случаев лесная стража оказывалась в зависимом положении от вышестоящего начальства. Например, в с. Ояшинское Томского округа местные лесничие оформляли лесопорубочный билет задним числом и «лишь на половину объема» древесины для местного волостной писаря. Остальная древесина считалась неформальной платой за его покровительство. При этом обычное население находилось в зоне жесткого контроля в вопросе отпуска леса [18, с. 197].

Помимо договорных примеров взаимодействия лесничих и крестьянских общин выделяются случаи прямого вымогательства и принудительных поборов, когда лесная стража использовала положение для получения дополнительного дохода за счет крестьян, не имея на то согласия или законных оснований. Лесничие, пользуясь неграмотностью крестьянского населения и апелляцией к вышестоящей власти, инициировали серию мелкого жульничества. Некоторые из них отправлялись в города и сельские поселения с целью выдачи фиктивных квитанций, а полученные взамен средства «не вносили в официальные книги учета». В случае угрозы поимки сотрудники стражи меняли месторасположение и продолжали взимание нелегальных пошлин в других селениях, где «собирали до 90 коп. с сажени дров» [16, с. 181].

Яркой иллюстрацией подобного рода поборов является дело 1888–1892 гг. в отношении объездчиков Павловского лесничества Ивана Худякова и бывшего лесничего Ефима Кузеванова. Их деятельность представляла собой отлаженную систему вымогательства. Объезжая местные деревни, они под угрозой составления протоколов за «неклеимый лес» вымогали деньги у крестьян, получая с отдельных хозяев от 1 до 3 руб. [5, л. 16–17]. Кроме того, лесничие требовали «подарки» от сельских обществ, ссылаясь на «издавна существующий обычай» дарить лесничим деньги, в результате чего получили от сельских обществ по 6–8 руб. [5, л. 19–19 об]. При этом Кузеванов, уже не состоя на службе, самовольно присвоил звание полесовщика, используя переданное ему Худяковым казенное клеймо, действуя с последним в сговоре. В данном случае стража шла на откровенный подлог с целью материальной наживы, что ко всему прочему дополнительно подрывало доверие со стороны крестьянства к правоохранительным институтам.

В редких случаях имели место быть примеры откровенного вымогательства, мошенничества и попыток легитимизации незаконных поборов. Яркой иллюстрацией среди подобного рода инцидентов стало уголовное дело И. М. Мириманова 1897 г. Согласно материалам протокола лесничий, разрешив крестьянам с. Волчиха пасти скот в Касмалинском бору, впоследствии инсценировал составление протокола о потраве, которого в действительности не существовало. Используя угрозу тройного штрафа и судебного преследования, он добился от сельского схода решения о выплате 482 руб. 80 коп. При передаче денег объездчик, настояв на встрече наедине со старостой, отказался выдать квитанцию, сославшись на мнимую бюрократическую процедуру, иницируя таким образом откровенный подлог [6, л. 445–447]. Данный эпизод являлся одним из эталонных примеров использования лесной стражей своего служебного положения, когда в условиях отсутствия строгой документальной фиксации и несовершенного надзора вместе с неграмотностью местного населения отдельные служащие, создавая видимость законности, использовали несовершенство системы в целях собственного обогащения.

Государство в той или иной степени осознавало проблему и предпринимало меры, направленные как на стимулирование добросовестной службы лесничих, так и на усиление административного контроля. Высочайше утвержденное «Положение о сбережении лесов» 1888 г. вводило систему поощрений для служащих лесного ведомства, которые за «усердную и долговременную службу или особые заслуги» могли получать похвальные листы, медали и денежные награды, согласно ст. 20–21 [3, с. 152]. Кроме того, численность лесной стражи Томской губернии регулярно росла и в период с 1883 по 1896 гг. увеличилась в 3–4 раза – до 650 человек [11, с. 41; 12, с. 206]. Однако данные меры не устраняли системных причин, обусловленных формальным характером государственного контроля в сфере лесного хозяйства. В то же время реальное исполнение правовых предписаний возлагалось на местные власти – сельские сходы и выборных полесовщиков. В условиях сохранения общинных форм лесопользования, а также правовой незащищенности крестьян такой подход открывал широкие возможности для злоупотреблений и использования служебного положения в корыстных целях [14, л. 359]. В результате многие правовые предписания оставались декларативными, а практическая охрана лесов носила формальный характер. Сложность существующего положения признавали и сами лесничие, констатировавшие, что ведение лесного хозяйства характеризовалось «невежественностью и грубостью ведения», и вместо рационального управления ресурсами происходило их «хищническое уничтожение» [4, л. 151].

Таким образом, к концу XIX в. официальное законодательство в сфере лесоохраны вступило в противоречия с бытовавшими общинными формами лесопользования. Учреждение государственной лесной стражи сопровождалось проблемами слабого финансирования и несовершенства законодательства, что открыло возможности для разного рода злоупотреблений. Крестьянские общины, не желавшие разделять контроль над использованием лесных ресурсов с лесничими, вступали в неформальные договорные связи, которые удовлетворяли потребности обеих групп. Лесные служащие, используя положение, принуждали крестьян к регулярному

подкупу взятками взамен на избавление от контроля в эксплуатации лесов. Отсутствие строгого контроля провоцировало отдельных лесничих на вымогательство и откровенное мошенничество. Существовавшая система не справлялась с задачей сохранения лесов, усугубляя экологическую обстановку в регионе на рубеже XIX–XX вв.

Литература

1. Восточное обозрение : [литер. и полит. газета]. Иркутск ; СПб. : 1882. № 3. С. 1–18. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000349167/> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Восточное обозрение: [литер. и полит. газета]. Иркутск ; СПб. : 1882. № 4. С. 1–18. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000349167/> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Высочайше утвержденное «Положение о сбережении лесов» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 8. № 5120. СПб. : Гос. тип., 1888. С. 148–155.
4. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1098.
5. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 996.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1161.
7. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1162.
8. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Вып. 3 : Бийская волость. Барнаул : Типо-литография Главного управления Алтайского округа, 1890. 417 с.
9. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. 1: Землевладение и землепользование / сост.: С. П. Швецов, П. М. Юхнев. Барнаул : Типо-литография Главного управления Алтайского округа, 1898. 321 с.
10. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. 265 с.
11. Отчет по Лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1896 год. СПб., 1898. 228 с.
12. Отчет по Лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1883 и 1884 гг. СПб., 1886. 209 с.
13. Положение о лесной страже в казенных лесах. Высочайше утверждено 3 июня 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 44. Отд. 1. Вып. 47188. СПб., 1873. С. 592–594.
14. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1149. Оп. 12. Д. 48.
15. Сибирская газета. Томск, 1881–1888. 1881. № 8. С. 215–246. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000351029> (дата обращения: 17.02.2026).
16. Сибирская газета. Томск, 1881–1888. 1883. № 7. С. 177–200. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000351029> (дата обращения: 17.02.2026).
17. Сибирская газета. Томск, 1881–1888. 1885. № 24. С. 589–618. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html> (дата обращения: 17.02.2026).
18. Сибирская газета. Томск, 1881–1888. 1885. № 8. С. 185–208. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html> (дата обращения: 17.02.2026).
19. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1885. № 3. С. 1–16. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349027/index.html> (дата обращения: 17.02.2026).
20. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1886. № 23. С. 1–4. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349027/index.html> (дата обращения: 17.02.2026).
21. Тяпкин М. О. «Наказ лесному объездчику и леснику при казенных лесах» 1869 г.: историко-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 49–55.
22. Тяпкин М. О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул, 2006. 225 с.

23. Тяпкин М. О. Реализация функции государства по охране лесов в дореволюционный период. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 187 с.

24. Тяпкин М. О. Традиции лесопользования и лесоохранная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период (на примере Западной Сибири) // Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.) : материалы Всерос. науч. конф., Казань, 14–15 нояб. 2019 г. С. 188–198.

25. Швецов С. П. Формы общинного владения на Алтае // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 2. СПб., 1893. С. 145.

УДК 56.27.19

Сдача в аренду как направление женского предпринимательства Западной Сибири в 1857–1918 гг.

Просвиркина В. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В работе исследован феномен женского предпринимательства в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. на примере деятельности предпринимательниц в сфере фотоуслуг и речных перевозок. Актуальность исследования обусловлена значимостью вклада женщин в социально-экономическое и культурное развитие региона, а также недостаточной изученностью гендерного аспекта экономической истории. На основе конкретных кейсов (М. М. Уссаковская, М. Г. Сулова, Ю. И. Кузиковская, Ф. В. Корнилова и так далее) показано, как женщины-предпринимательницы совершенствовали сервис, расширяли спектр услуг и способствовали формированию нового образа женщины – независимой, предприимчивой и социально ответственной.

Ключевые слова: сдача в аренду, женское предпринимательство, купчихи, направление деятельности, Западная Сибирь

Renting as a Firm of Women's Entrepreneurship in Western Siberia in 1857–1918

Prosvirkina V. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The paper examines the phenomenon of women's entrepreneurship in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries using the example of female entrepreneurs in the field of photo services and river transportation. The relevance of the study is due to the importance of women's contribution to the socio-economic and cultural development of the region, as well as the lack of knowledge of the gender aspect of economic history. Based on specific cases (M. M. Ussakovskaya, M. G. Suslova, Y. I. Kuzikovskaya, F. V. Kornilova et al.) shows how women entrepreneurs improved their services, expanded the range of services and contributed to the formation of a new image of a woman – independent, enterprising and socially responsible.

Keywords: rental, women's entrepreneurship, merchants, business direction, Western Siberia

Актуальность работы заключается в том, что в постсоветское время женское предпринимательство имеет широкое распространение. В данных АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» зафиксировано, что к марту 2025 года доля женского бизнеса составила 41,4 %, к аналогичному периоду в предшествующем году – 41,2 % от общей численности российских предпринимателей.

Опубликовано много работ, посвященных истории женщин (например, правового положения, купечества, торговли и так далее), но они частично касаются исследуемой темы, дают общее объяснение факторам, которые затрудняли предпринимательскую деятельность для женщин. Женское предпринимательство до сих пор оказывает влияние на экономическое развитие регионов, особенно Западной Сибири.

Среди предпринимателей было распространено такое направление, как услуга населению: обслуживание клиентов, создание фотостудий и аренда помещений.

Так, Мария Михайловна Уссаковская открыла фотостудию в г. Тобольске. Благодаря высокому качеству работ и использованию новейшего оборудования для создания портретов, пейзажей и художественных аксессуаров, ее услуги пользовались большим спросом. К ней приходили не только простые граждане, но и известные личности: Г. Е. Распутин, Д. И. Менделеев, слуги царской семьи Романовых. Разрешение для открытия фотостудии получила и Мария Густавовна Сулова, но из-за того, что качество продукции и обслуживание М. М. Уссаковской было лучше, ей составить конкуренцию не удалось [8, с. 438]. В 1880–1890-е гг. Ипполит Кузиковский владел фотоателье в г. Тобольске, но в 1905 г. по промысловому свидетельству стала вести торговлю его дочь Юлия Ипполитовна Кузиковская [7, с. 201].

Предприниматели, которые владели пароходами, не все создавали подходящие условия для пассажиров, поэтому улучшение сервиса было важным фактором для привлечения покупателей. Главными критериями, по которым оценивали качество обслуживания, были скорость, удобство, комфорт, доступность, безопасность. Для удобства пассажиров на пароходах предусматривались каюты – специальные помещения, где можно было отдохнуть во время плавания. Уровень и класс каюты, предоставленной пассажирам, зависел от их дохода. На пароходах состоятельные пассажиры могли рассчитывать на широкий спектр услуг: от изысканного питания до удовлетворения самых разнообразных культурных и санитарно-гигиенических потребностей [5, с. 140].

Предпринимательницы провели определенную работу по продвижению своих пароходных компаний в области перевозок груза и пассажиров. Люди в портах и на пристанях могли ознакомиться с маршрутными картами, ценами на билеты и т. д. Для пассажиров было организовано и питание [6, с. 71]. Буфеты предоставляли пассажирам разнообразное меню. Например, на пароходах Ф. В. Корниловой, которая возглавила контору «И. Корнилов и Наследники» [3, с. 4], для удобства пассажиров были предусмотрены вентиляция, аптека, отопление, освещение, столовая, буфет, библиотека [4, с. 5].

В 1857–1918 гг. предпринимательницы активно развивали сервисное обслуживание для привлечения и удержания покупателей. Они стремились удовлетворить любые потребности, предлагая широкий спектр услуг в фотостудиях, магазинах и на пароходах.

В Западной Сибири того времени предпринимательницы активно занимались сдачей в аренду помещений и промысловых мест. Например, семья Ершовых владела каменным и деревянным домами в Подчувашской слободе и сдавала в них квартиры. Эта недвижимость, оцениваемая примерно в 10 тыс. руб., служила для них стабильным источником дохода. Скупкой домов занималась Г. И. Ершова. Иногда она делала это самостоятельно, иногда – в партнерстве с другими тобольскими купцами. Таким образом, недвижимость играла важную роль в предпринимательской деятельности женщин в Западной Сибири, позволяя им получать прибыль и расширять свой бизнес [2, с. 77].

Семья Давыдовских имела два дома в г. Тюмени, которые успешно сдавались в аренду. Павла Петровна Воробейчикова в процессе своей деятельности купила каменные дома и стала сдавать их в аренду. Среди постояльцев были и известные люди: И. С. Шустер, известный своей художественной фотографией; В. А. Любославский, управляющий Государственным банком [1, с. 58].

Женщины выступали в качестве арендодателя, который самостоятельно следил за постояльцами, домом и платой за проживание. Сдача помещения стала источником прибыли. Предпринимательницы занимались арендой промысловых мест для закупки сырья (рыбы),

продавали и увеличивали доход. Услуги населению со стороны предпринимательниц были нацелены на развитие транспортных маршрутов и удовлетворение потребностей людей, помогая увеличивать доход с помощью аренды квартир в домах.

Таким образом, выделены особенности женского предпринимательства Западной Сибири 1857–1918 гг.

1. Важен акцент на мелкокустарную деятельность: женщины не занимались крупными проектами, как мужчины, их интересовала сфера услуг, сдача и перепродажа недвижимости, проведение курсов кройки и шитья. Такая деятельность давала возможность женщинам владеть собственностью отдельно от родителей и мужей. В Западной Сибири была потребность в обучении шитью, которое предпринимательницы предоставляли, так как это умение позволяло создавать нарядные, теплые вещи и зарабатывать на жизнь.

2. Женщины старались решать свои предпринимательские дела внутри дома. Учитывая, что женщины были матерями, домашнее хозяйство, а также недвижимость, которую сдавали в аренду, поэтому старались не покидать пределы своих имений или города. Когда проходила ярмарка или другие мероприятия, то они нанимали людей, чтобы они вели торговлю.

3. Сильный характер женщин помогал доказывать, что они тоже могут заниматься торговлей наравне с мужчинами, потому что у общества сложилось традиционное мнение, что дамы могут заниматься только семейными делами, а ввести бизнес должны мужчины. Деятельность женщин ограничивало традиционное мнение общества. Но не смотря на критику, женщины проявляли свое упорство в предпринимательстве, стали развиваться и получать ощутимые результаты.

4. Женщины использовали собственные средства для предпринимательства (при исследовании выявлен только один случай, когда женщина взяла кредит для организации своего дела). Женщины старались не брать деньги под процент в отличие от мужчин – экономический подъем в стране привел к оживлению предпринимателей, которые пошли за кредитными средствами в банки.

5. Около 70 % женщин принадлежали потомственным династиям, поэтому в качестве приданного или по наследству получали торговую долю, недвижимость и так далее – в отличие от мужчин, они это не заработали, а получили как финансовую подушку безопасности, которой по закону могли самостоятельно распоряжаться.

6. У женщин не было задачи обогатиться, как у мужчин; главной задачей у женщин было обеспечить себя и свою семью благоприятной жизнью (выявлены исключения: Ф. В. Корнилова, Н. М. Давыдовская и другие, которые в основном возглавляли торговые дома и были очень влиятельными женщинами в области предпринимательства).

7. По численности предпринимательниц было меньше, чем мужчин.

8. По закону жена принимала звание, сословное положение и должность мужа, из-за чего они становились совладельцами предприятий.

Женское предпринимательство оказало сильное влияние на ход социально-экономических процессов, культурное развитие сибирского общества во второй половине XIX – начале XX вв. Участницы женского предпринимательства своей деятельностью и примером способствовали становлению нового образа женщины: независимой, предприимчивой, образованной, обладающей широким кругозором, чувством ответственности за судьбу родного края.

Литература

1. Зоркальцев А. В. Купцы II гильдии // Вестник Тарского уезда. 2021. Октябрь. № 11 (18). 78 с.
2. Калмыков С. В. Организационные формы предпринимательства в России // История предпринимательства в России / В. И. Бовыкин [и др.]. М. : РОССПЭН, 2000. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX в. С. 77–107.
3. Омский телеграф. 1910. 26 авг. № 89. С. 2–6.
4. Омский телеграф. 1910. 27 авг. № 99. С. 4–6.

5. Просвиркина В. В. Женщины-предпринимательницы на территории Тобольской губернии Тобольской губернии (1863–1917 гг.) // Бизнес. Общество. Власть. 2024, № 1 (6). Вологда, 2024. С. 138–144.

6. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во Томского университета, 1975. 328 с.

7. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 год. Год двенадцатый. Томск : Издание Ф. П. Романова (Паровая типо-литография П. И. Макушина) , 1905. 965 с.

8. Тобольский биографический словарь. Екатеринбург : Уральский рабочий. 2004. 575 с.

УДК 339(571.1)"1857/1917"

Торговля как направление предпринимательской деятельности женщин Западной Сибири в 1857–1917 гг.

Исламова Р. Р.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена характеристике торговли как одного из направлений предпринимательской деятельности женщин Западной Сибири в 1857–1917 гг. Рассмотрены правовые и социальные аспекты данной деятельности, численность купчих, основные виды и места торговли, ассортимент продаваемой продукции.

Ключевые слова: торговля, предпринимательство, женщины, купчихи

Trade as a Direction of Entrepreneurial Activity of Women in Western Siberia in 1857–1917

Islamova R. R.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the characterization of trade as one of the areas of entrepreneurial activity of women in Western Siberia in 1857–1917. The legal and social aspects of this activity, the number of merchants, the main types and places of trade, and the range of products sold are considered.

Keywords: trade, entrepreneurship, women, merchants

В Западной Сибири основной сферой деятельности купеческого населения во второй половине XIX – начале XX вв. являлась торговля. Женщины также становились участниками данной деятельности.

Участие женщин в предпринимательстве было возможным в первую очередь благодаря законодательству, государство давало им право на самостоятельную торговлю, что было закреплено в законе от 10 июня 1857 года. «О дозволении выдавать купеческим женам свидетельства для производства отдельной от мужа их торговли» [12, с. 531]. Предпринимательской деятельностью было разрешено заниматься трем группам женщин: купеческим вдовам, замужним купчихам, незамужним купеческим дочерям. Согласно закону 1881 г. «О лицах могущих числиться в одном купеческом свидетельстве» в купеческое свидетельство, выдаваемое на имя мужа, вносилась жена, но муж не мог быть внесен в свидетельство жены [13, с. 100]. Однако внутрисемейные отношения в Сибири по-прежнему были патриархальными. Главой семьи чаще всего являлся мужчина, через которого проходили все коммерческие дела,

муж объявлял перед государством размеры своего капитала и отвечал перед ним за выполнение повинностей и выплату податей, законность своей деятельности [1, с. 206].

После смерти главы семьи его место могла занять вдова, взяв на свое имя свидетельство, с внесением в него сыновей, незамужних дочерей и усыновленных приемышей, а также и своих внуков, поэтому нередко женщины возглавляли семейный бизнес после смерти мужа, вели успешную деятельность и пользовались уважением. Тюменский купец Н. М. Чукмалдин в своих воспоминаниях отмечал: «Умер муж – не погиб промысел, мужем заведенный. Жена-вдова ведет его дальше, с той же энергией и знаниями, какие присущи мужу. В Тюмени, в Гостином дворе, было с мануфактурными товарами до двух десятков лавок, и половина из них велась и управлялась женским персоналом не менее удачно, чем вторая половина. У меня была истинным другом и советником вдова Т. А. Пенъевская, до самой смерти после мужа торговавшая кожевенным товаром. Она вела свои дела прекрасно и пользовалась уважением. Я также знал множество ремесленных семей, потерявших главу семьи – мужчину, которые потом руководимы были женою умершего, а заведенное ремесло продолжалось и развивалось безостановочно» [15, с. 150].

Большинство предпринимателей имело самые большие обороты и прибыль в торговле. До 1898 г. для занятия предпринимательской деятельностью необходимо было получить купеческое свидетельство, поэтому в 1897 г., по данным Всеобщей переписи населения, в западносибирских губерниях количество женского купеческого населения распределилось следующим образом:

- в Тобольской губернии из 72 654 женщин 732 являлись купчихами [10, с. 46];
- Томской губернии из 965 747 женщин 1 183 являлись купчихами [11, с. 40];
- Омском уезде Акмолинской области из 47 817 женщин 253 являлись купчихами [9, с. 28].

Доля купеческого женского населения в западносибирских губерниях не достигает даже 1 %, что говорит об очень небольшом количестве женщин, занятом в предпринимательстве в исследуемый период, что связано как с тем, что женщин в Сибири в принципе было меньше, чем мужчин, так и с тем, что предпринимательство было мужским занятием, женщины же в большей степени выполняли традиционные роли. Всеобщая перепись населения 1897 г. позволяет выяснить также и число женщин, непосредственно занимающихся торговлей: в Тобольской губернии – из 732 женщин 67,62 % (495 человек), в Томской губернии – из 1 183 женщин 36,09 % (427 человек), в Омском уезде – 54,55 % (138 человек).

Чаще всего предпринимательницы занимались торговлей в городах, зафиксированы редкие случаи торговли в селах, что отражено в таблице ниже.

Женщины, торговавшие в Тобольской, Томской губерниях и Омском уезде

Регион	Место торговли	Количество
Тобольская губерния	Тюмень	15
	Туринск	8
	с. Усеновское Туринского округа	1
	Тобольск	3
	Курган	12
	Тара	3
	Ишим	3
	Ялуторовск	2
	с. Перминское	1
	Сургут	1
	Березов	1
Томская губерния	Томск	18
	Бийск	7
	Мариинск	7
	Нарым	1
	Новониколаевск	4
	Барнаул	4
Омский уезд	Омск	19

Иногда торговые заведения могли разрастаться в целую сеть по всему городу, уезду или губернии.

Общее число патентов на торговлю в Сибири к началу XX в. распределялось следующим образом: оптовая торговля – 2 %, розничная – 15 % [2, с. 122]. Большинство женщин занималось розничной торговлей, например, купеческая жена 2-й гильдии Ц. М. Саметник торговала сахаром со своего склада, мануфактурой, предметами дамского туалета в розницу. Женщины вели и оптовую торговлю, например, купчиха 3-й гильдии М. Г. Дьячкова занималась мелкооптовой торговлей, в 1858 г. объявила капитал около 2,5 тыс. руб. серебром [5, с. 142].

Прежде всего интересны варианты, когда женщины сочетали виды торговли. Например, омская купчиха и почетная гражданка М. А. Шанина торговала по свидетельству 1-й гильдии и оптом, и в розницу мануфактурой, одеждой, обувью, а также золотыми, серебряными вещами, часами в своем магазине на Любинском проспекте (открытом в 1900 г.). Купчиха активно вела бизнес, за мануфактурой до 1904 г. ежегодно ездила в Москву, где закупала товар у крупнейших фирм, например, у «Товарищества Никольской мануфактуры “С. Морозова сын и Ко”». Это проиллюстрировало особый успех, поскольку магазин Шаниной считался самым крупным торговым предприятием города с оборотом в 2 млн руб. С 1904 г. купчиха была одной из наиболее значительных клиентов Московских торговых рядов, где приобретались ткани у «Товарищества мануфактуры “Э. Циндель и Ко”» [8, с. 8].

Предпринимательницы совмещали торговлю и промышленность, опт и розницу, реализуя таким образом свои товары. Так, М. Ф. Будкевич – бийская предпринимательница, которая в начале XX в. владела в Бийске пивоваренным заводом, сбывала пиво оптом и в розницу в Бийске и Бийском уезде [3, с. 153]. Владение заводами по производству алкоголя позволяло сбывать собственную продукцию различными способами, открывая питейные заведения, лавки, магазины, оптовые склады, ренсковые склады. Предпринимательница Н. М. Давыдовская владела винокуренным и спиртоводочным заводами, перед Первой мировой войной держала в Омске оптовый винный склад на ул. Почтовой и 7 винных лавок. Торговые заведения находились в Тобольске, Березове, Тюкалинске и Ялуторовске, где она записана в купчихи 2-й гильдии [4, с. 111]. В Бийске и в Бийском уезде Я. А. Сахарова владела водочным заводом и содержала сеть оптовых складов вина и питейных заведений: винные склады в селах Солонке, Ст. Белокурихе, Сетовском, Айском, Нижней Каменке, Коксе и 11 питейных заведений в уезде; в самом Бийске – 8 заведений (1894 г.). Всего в Бийске купчиха содержала водочный завод, 3 ренсковых погреба, в питейных заведениях с общим оборотом 24 тыс. руб. (1897 г.) [7, с. 54].

Ассортимент продаваемой женщинами продукции отличается разнообразием. «Мануфактурная» торговля в пореформенный период была одной из самых прибыльных сфер приложения капитала, поэтому торговля мануфактурой, наряду с бакалеей и галантереей, являлась наиболее распространенной. Женщины также торговали железом, кожами, одеждой и обувью, колониальными, москательными, скобяными и жировыми, сельскохозяйственными товарами, продуктами питания. Зафиксированы единичные случаи продажи редких предметов, например: торговля фотоаппаратами и фотопринадлежностями, которой занималась Н. П. Товстоух [6, с. 131], электрическими и водяными приборами, музыкальными инструментами – С. Н. Хавкина [7, с. 73], граммофонами и пластинками к ним – А. Е. Скалетова [6, с. 61], купчихи А. И. Соколова и Ф. Н. Табакова – владелицы аптек [6, с. 74; 6, с. 111]. Предпринимательницы занимались торговлей строительными материалами и топливом, предметами домашнего обихода, разного рода металлическими товарами, машинами и оружием, предметами роскоши, наук, искусств, культа, разносной и развозной торговлей.

Некоторые предпринимательницы брали на себя роль соучредителей торговых домов. Женщины были вовлечены в паевые предприятия Западной Сибири, степень их участия не уступала Европейской части России и составила 17,24 % против 16,1 % [14, с. 45]. Омская предпринимательница Т. Н. Шкроева, помимо участия в товариществе мужа «С. Г. Шкроев и Ко», стала пайщицей товарищества на вере «Чекунов и Ко» [8, с. 36–37]; А. П. Щербинина управляла товариществом своего мужа «Щербинин В. Н. и Ко», используя труд шести наемных работников

и одного члена семьи.оборот и прибыль заведения составляли 65 тыс. руб. и 5,2 тыс. руб. в начале XX в. [8, с. 60–61]. Зафиксированы случаи, когда предпринимательницы учреждали собственные товарищества: в 1907 г. Ц. Саметник основала товарищество на вере «Торговый дом Ц. Саметник и Ко» [6, с. 13–14].

Таким образом, предпринимательницы Западной Сибири демонстрировали активное участие в торговой деятельности региона, чему способствовало соответствующее законодательство. Торговля включала различные сегменты рынка и широкий ассортимент товаров, а также стала одним из распространенных занятий предпринимательниц Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Предпринимательство давало возможность женщинам выйти за рамки традиционных ролей, занять уважаемое место в обществе и оказывать влияние на экономические процессы.

Литература

1. Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII—XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.
2. Воробцова Л. Н. Крупные торговые предприятия в Новониколаевске в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25).
3. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1994. Т. 1. Кн. 1. 170 с.
4. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1994. Т. 1. Кн. 2. 167 с.
5. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1995. Т. 2. Кн. 1. 180 с.
6. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1998. Т. 4. Кн. 1. 180 с.
7. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1998. Т. 4. Кн. 2. 129 с.
8. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1998. Т. 4. Кн. 3. 160 с.
9. Первая Всеобщая Перепись Населения Российской Империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета МВД. Т. LXXXI. Акмолинская Область. 1904. 135 с.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета МВД. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. 1905. 247 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета МВД. Т. LXXIX. Томская губерния. 1904. 246 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 32. Отд. 1. 1857. СПб. : Типография II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1858. 1066 с.
13. Свод законов Российской империи. СПб. : Изд. Юрид. кн. склада Право, 1911. Т. IX. 1032 с.
14. Сорокина Н. Л. Участие женщин в торговых домах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Югорского государственного университета. 2012. № 1 (24).
15. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания : избр. произведения / послесл. П. М. Головачев. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 368 с.

УДК: 94(571.1)"19/20"

Мифологизация старообрядческого предпринимательства в Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.)

Кирий П. Д.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена развенчанию распространенных мифов о предпринимательской деятельности старообрядцев в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. На основе сопоставления положений нормативно-законодательных источников и данных статистики опровергнуты мифы об отсутствии у старообрядцев паспортов и прав на торговлю, а также о тотальном заселении ими региона. Показано, что старообрядцы были интегрированы в экономику региона, участвовали в международной торговле и промышленном производстве, а их быт отличался зажиточностью и традиционностью.

Ключевые слова: старообрядчество, предпринимательская деятельность, Западная Сибирь, капитал

Mythologization of Old Believer Entrepreneurship in Western Siberia (Late 19th – Early 20th Centuries)

Kiriy P. D.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to debunking common myths about the entrepreneurial activities of the Old Believers in Western Siberia in the late 19th and early 20th centuries. Based on a comparison of regulatory and legislative sources and statistical data, the article refutes the myths about the Old Believers' lack of passports and trading rights, as well as their total settlement of the region. It shows that the Old Believers were integrated into the regional economy, participated in international trade and industrial production, and their lifestyle was characterized by wealth and tradition.

Keywords: Old Believers, entrepreneurship, Western Siberia, capital

В XIX столетии Западная Сибирь приобрела значимость как регион миграционного притяжения для старообрядцев, стремившихся сохранить свои религиозные и культурные устои. Старообрядческое купечество, сформировавшееся в основном из крестьянской среды, характеризовалось конфессиональным единством. Крестьянское население демонстрировало тенденцию к перемещению в восточном и южном направлениях, осваивая территории верховьев и среднего течения рек Оби и Енисея. Некоторые из переселенцев осуществляли скрытые миграции, стремясь избежать преследований. Вследствие сложившегося положения старообрядцев их образ жизни постепенно становился все более мифологизированным.

Первый миф, который связан со старообрядчеством Западной Сибири конца XIX в.: у них не было паспортов и права вести торговлю. На самом деле уже в 1864 г. постановлением «Относительно выдачи купеческих свидетельств раскольникам» старообрядцам было разрешено записываться в купечество на общем основании с лицами православного и других исповеданий. При этом удостоверение выдавалось на постоянной основе, а не на временной, как это было ранее [11, с. 606]. Так же старообрядцам было разрешено записываться в гильдии и осуществлять торговлю на общем основании. Допускалась отмена ограничений в промышленных и торговых правах [11, с. 611]. В отношении гражданских прав была также предоставлена свобода: старообрядцам выдавались паспорта на отлучки внутри империи на общем основании, им позволялось производить торговлю и промыслы с соблюдением общепринятых правил.

Они имели право владеть недвижимым имуществом и занимать по выборам некоторые общественные должности [8, с. 39].

При анализе исследований, посвященных старообрядцам и охватывающих регион Западной Сибири, существует риск формирования искаженного представления о конкретных местах расселения данной религиозной группы. На 1883 г. в пределы Тобольской епархии входили: вся Тобольская губерния, Акмолинская область, часть Семипалатинской области. В составе территории – 15 округов, из которых старообрядчество существовало в восьми: Ялуторовском, Курганском, Тюменском, Ишимском, Тюкалинском, Тарском, Петропавловском, Кокчетавском. Из них самыми заселенными были Ялуторовский, Курганский и Тюменский округа, которые находились на юге Тобольской губернии [9, с. 16]. Некоторые из уездов, например, Тюменский, Ялуторовский, Ишимский, были почти исключительно заселены старообрядцами. Старообрядчество же Томской епархии было особенно распространено в округах Бийском и Барнаульском, слабее – в Каинском, Томском, Мариинском, Кузнецком, Усть-Каменогорском и Семипалатинском. В Нарымском крае старообрядческое население практически отсутствовало [10, с. 6]. Таким образом, можно схематично определить географическое положение старообрядческих селений в Западной Сибири и отметить, что как в Тобольской, так и в Томской губернии селения располагались в южной части региона.

В контексте изучения предпринимательской деятельности старообрядцев Западной Сибири выявлено, что старообрядцы массово переселялись в Сибирь и уже там развивали свое дело. Однако, если обратиться к статистическим данным, то можно увидеть, что численность старообрядцев среди населения была примерно в 26 раз меньше, чем православных. Ввиду существенного расхождения данных проведение точного количественного анализа представляется крайне затруднительным. Например, по сведениям, собранным Тобольской консисторией в 1881 г., насчитывалось записных и незаписных старообрядцев всевозможных толков 70 тыс. душ [2, с. 271–283]. В 1884 г. на основании данных, имевшихся в Тобольском Губернском Статистическом комитете, всего населения было 1 272 622 человек, из них православных считалось 1 134 149 человек, старообрядцев всего – 42 311 человек (20 080 человек мужского пола и 22 231 человек женского пола) [10, с. 6]. По этим данным старообрядческое население нельзя назвать многочисленным: оно составляло лишь 3 % от общего количества всего населения Тобольской губернии. К 1907 г. ситуация изменилась. Из общего количества населения (1 717 014 человек) выделялись православные (1 542 877 человек), старообрядцы (80 047 человек), то есть 4,66 % – очевидный прирост в два раза, но прирост старообрядцев был не столь существенен, как православных [9, с. 16]. В Томской губернии на 1884 г. всего населения числилось 996 546 человек, из них православных – 967 619 человек, а старообрядцев – 34 622 человека при том, что по исповедным ведомостям старообрядцев числилось только 10 217 человек. Данные приведены из отчетов исправников, которые в данном случае вернее церковной [10, с. 6]. Остальное количество населения – другие конфессии. Старообрядцев было около 3 %.

В контексте предпринимательской деятельности старообрядцев следует отметить, что их торговая и производственная деятельность не охватывала весь спектр возможных направлений. В конце XIX в. предприниматели Западной Сибири сосредоточили свои усилия на переработке продуктов животноводства, таких как кожевенное, салотопенное и мыловаренное производства. Это было обусловлено наличием дешевого сырья и высоким спросом на кожевенные изделия, особенно для упаковки тюков чая при его транспортировке из Кяхты через всю Сибирь на ярмарки и в Москву. Причинами возникновения и развития кожевенной промышленности в ряде сибирских городов было не только их удачное расположение между рынками сырья и сбыта продукции, обеспечение отрасли техническими и рабочими кадрами, но и активное внедрение в него капиталов купцов-старообрядцев. Они не могли напрямую выполнять государственные поставки и подряды в силу своей религиозной оппозиционности, избегали торговать прибыльными, но «греховными», по их убеждению, товарами (водка, вино,

табак, кофе и так далее), предпочтение отдавали традиционным отраслям предпринимательства, прежде всего промышленному производству и промыслам. Дополнительным стимулом к выпуску разного рода кож, свечей, мыла, муки и круп был престиж имени или фирмы [1, с. 101]. Купцу-старообрядцу были важны источники роста его дела, поэтому многие из них избегали легкого заработка в винокурении и торговле спиртными напитками. В среде старообрядцев наибольшим уважением пользовались купцы, владевшие фабриками и заводами, затем шли те, кто сочетал ремесло с торговлей. Торговля как единственный вид деятельности также пользовалась почетом, хотя и не была предпочтительной. Кредиты, как правило, были беспроцентными и взаимными: купцы одалживали друг другу деньги и товары по необходимости. Ростовщичество считалось предосудительным, и купцы, придерживавшиеся старой веры, часто смотрели на ростовщиков с пренебрежением [1, с. 153].

В академической литературе и среди широкой общественности существует мнение о том, что представители старообрядческого движения вели аскетичный образ жизни, характеризовавшийся экономической бедностью и изоляцией от общества. Однако данное утверждение требует более детального анализа с учетом историко-культурного контекста и многообразия старообрядческих общин. В описаниях путешественников, характеризовавших жилища старообрядцев, акцентировано внимание на их богатой орнаментации и эстетической привлекательности. По мнению М. Петрова, старообрядцы были самым зажиточным и рабочим народом в Сибири. У них было чисто и удобно не только в избах, но и снаружи, на дворе и на улицах. Живопись и деревянная резьба использовались непременно и внутри, и на ставнях, дверях, крышах [3, с. 75]. Старообрядцы всегда отличались зажиточностью сравнительно с православными соседями. Эта зажиточность давала возможность говорить о правоте их веры. Особенно привлекали внимание новые, роскошные, по большей части двухэтажные дома, тесовые заборы, крыши, окрашенные в различные краски ярких цветов, изящно отделанные на окнах наличники, чистые светлые стекла [12, с. 532–533]. Отличительность старообрядцев отмечали многие современники. Внимание привлекали в первую очередь внутреннее устройство жилья и прочная самодельная мебель.

Продукция старообрядческого ремесленного производства не ограничивалась исключительно Сибирским регионом. Например, Михаил Федорович Пятков – тарский купец 1-й гильдии вместе с братом Андреем Федоровичем был самым влиятельным предпринимателем Тары конца XIX в., торговавший чаем (преимущественно черным), хлебом, маслом. Он осуществлял торговлю на Нижегородской ярмарке и в сибирских городах [5, с. 68]. Николай Мартемьянович Чукмалдин перешел к торговле «более устойчивыми товарами»: чаем, шерстью, кожами, хлебом, дровами и рогожами, а также поставлял войлок своей арзамасской фабрики в Германию [4, с. 505]. Богатейшими старообрядцами среди беспоповцев в Ялуторовском округе были братья Колмаковы [13, с. 12]. Василий и Антон – выходцы из крестьян, которые действовали с конца XIX в. как «Братья Колмаковы». Ведущую роль имели мукомольное, салотопенное, пряничное и крахмально-паточное производство. Продукция сбывалась не только в Сибири, но шла в обе столицы, а сливочное масло даже в Турцию. В 1894 г. Антон Колмаков был среди крупнейших торговцев кожевенными и меховыми товарами на Нижегородской ярмарке. Он же вел через Бийск по Чуйскому тракту крупный торг с Монголией и Китаем, где закупал шерсть и пушнину [6, с. 33]. Степан Данилович Макаров – купец 2-й гильдии конца XIX – начала XX вв., продававший масло в Омске до 400 ведер в год [7, с. 56].

Таким образом, многие мифы, которые формировались вокруг старообрядцев, а также недосказанности в литературных источниках, способствовали формированию неполного и искаженного представления о них в широких кругах общества, несмотря на то что старообрядцы существуют уже на протяжении нескольких столетий. Образ Западной Сибири как региона, полностью заселенного старообрядцами, является недостоверным, так же, как и стереотип о специфике их жилищного строительства в этом регионе. Старообрядцы вели активную социальную и экономическую жизнь, занимаясь торговлей, хотя и предпочитали осуществлять

коммерческие операции внутри своей общины. Это не препятствовало их участию в международной торговле и производству товаров. Юридическая основа для этого была предоставлена им уже в 1863 г., что свидетельствует о признании их экономической значимости на государственном уровне.

Литература

1. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории : монография / под. ред. В. П. Зиновьева. Томск : Изд-во Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2009. 308 с.
2. Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск, 1882. № 14. С. 271–283.
3. Западная Сибирь: губ. Тобольская и Томская / сост. М. Петров; Географическая комиссия при Учебном отделе Общества распространения технических знаний. М. : типография Товарищества И. Д. Сытина, 1908. 205 с.
4. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории ; гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 3 : С–Я. 2010. 783 с.
5. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири / Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Сибирская контрактная корпорация. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1995. Т. 3. Кн. 3. 152 с.
6. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Сибирская контрактная корпорация. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1995. Т. 2. Кн. 2. 224 с.
7. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Сибирская контрактная корпорация. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1995. Т. 3. Кн. 1. 185 с.
8. Мельгунов С. П. Старообрядцы и свобода совести: ист. очерк. М. : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. 86 с.
9. Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 год / изд. по расп. Тобольского губернского статистического комитета ; сост. А. И. Дмитриевым-Мамоновым и К. М. Голодниковым. Тобольск : тип. Тоб. губ. правл., 1907. 203 с.
10. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год / изд. по расп. Томского губернского статистического комитета; сост. А. И. Дмитриевым-Мамоновым и К. М. Голодниковым. Томск : тип. Том. губ. правл., 1884. 175 с.
11. Собрание постановлений по части раскола. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1875. 775 с.
12. Омские епархиальные ведомости. Томск, 1883. № 18. С. 528–533.
13. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1887. № 22. С. 12.

УДК 336.1

Деятельность Тюменского общества поощрения коннозаводства по организации работы городского ипподрома в конце XIX – начале XX вв.

Галлямова Л. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность общества поощрения коннозаводства, которое было создано в день открытия ипподрома г. Тюмени в 1871 г. Одним из направлений деятельности общества была организация работы городского ипподрома, способствовавшая

развитию конного спорта и популяризации разведения породистых лошадей на территории Тобольской губернии.

Ключевые слова: Тюмень, общество поощрения коннозаводства, ипподром, конный спорт, общественная инициатива

The Activities of the Tyumen Society for the Encouragement of Horse Breeding in Organizing the Work of the City Racetrack in the Late XIX – Early XX Centuries

Gallyamova L. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article examines the activities of the Society for the encouragement of horse breeding, which was established on the opening day of the Tyumen racetrack in 1871. One of the activities of the society was the organization of the city's racetrack, which contributed to the development of equestrian sports and the popularization of breeding thoroughbred horses in the Tobolsk province.

Keywords: Tyumen, Society for the encouragement of horse breeding, hippodrome, equestrian sports, public initiative

Начало русского коннозаводства было положено при Петре I. В 1712 г. вышел указ императора правительствующему Сенату с предписанием учредить первые казенные конные заводы в Казанской, Азовской, Киевской губерниях [2, с. 5]. Необходимость их создания была обусловлена в первую очередь нуждами армии. В европейской части России общества поощрения коннозаводства стали появляться и развиваться в XVIII–XIX вв., в Сибири этот процесс начался позже. На рубеже XIX–XX в. в Российском государстве наблюдался всплеск создания различных общественных организаций, одними из которых стали общества развития коннозаводства.

В последней трети XIX в. на территории Тобольской губернии появляется общественное объединение любителей коннозаводства. Его создание напрямую связано с открытием первого ипподрома в Тюмени в 1871 г. Для его организации Тюменской городской думой выделено 9 га земли на Городище [20]. Ипподромом управлял Тюменский комитет общества поощрения коннозаводства под руководством вице-президента А. П. Россошных и казначея С. И. Колокольникова [18]. Ипподром позволял обществу поощрения коннозаводства заниматься разведением особых породистых лошадей, планировать бега и скачки на ипподроме. Первые бега были назначены через уже через 10 дней после открытия ипподрома. Ипподром был рассчитан на 540 мест и не всегда мог поместить количество желающих, тогда ипподром окружали «бесплатные зрители», которые смотрели конные бега на телегах и деревьях [13]. Как правило, ипподром работал по воскресеньям, что способствовало привлечению многочисленных зрителей. В выходные дни проходило по два заезда, в каждом из которых участвовало около 20 лошадей. Информация о проводимых состязаниях находила свое отражение в местной прессе [1, с. 18].

Популярность конных скачек у тюменцев определялась не только спортивным, но и развлекательным характером состязаний. В то же время создание ипподрома позволяло упорядочить деятельность этого популярного мероприятия, поскольку, как свидетельствовала местная пресса, «до сих пор у нас по зимам на Туре хотя и устраивалось вроде конского бега, но при забаве этой царил полный беспорядок, никаких строго определенных правил не наблюдалось» [18]. Однако даже упорядочивание бегов не гарантировало достойного поведения публики. Так, в тюменских изданиях нашло свое отражение описание беспорядков в июле 1894 г. на конских бегах, когда пришлось умерять пыл расшумевшихся зрителей «возгласами “тише”, “молчать”, “не шуметь”, “сидеть на местах”», однако порядок не был восстановлен, и танцы после бегов были отменены [19].

С введением тотализатора конские бега стали приравняться к азартным играм, что привлекало большее количество зрителей, но при этом проявилась и обратная сторона

процесса – люди стали делать ставки, зачастую не посещая самих забегов, однако игра на тотализаторе всегда была оживленной [17]. В 1903 г. выигрыш на тотализаторе облагался в 2 % для развития общества народной трезвости [3]. Для удобства посетителей ипподрома по инициативе общества коннозаводства был открыт буфет, на содержание которого общество выделяло ежегодно до 197 руб. [5].

Основной деятельностью общества являлись дела, связанные с конными бегами (подготовка бегах, рассмотрение результатов розыгрыша, составление программы бегах и др.). Например, в августе 1902 г. местная пресса писала о том, что состоялось собрание общества (15 человек), были рассмотрены программы бегах на зимний сезон в Тюмени и Ирбите [8]. Члены общества собирались в том случае, когда необходимо было обсудить различные вопросы, однако годового плана заседаний у них не имелось. Довольно частым вопросом являлся сбор взносов с каждого члена общества. В начале XX в. плата действительного члена и члена-любителя составляла 10 руб. В 1911 г. программа бегах на летний сезон планировалась достаточно долго, поскольку был принят новый устав, по которому тотализатор запрещался при розыгрыше уравнильных призов саженями или секундами. Особое внимание в спортивной программе общество уделяло трехлетним лошадям, считая, что молодые лошади способствуют развитию коннозаводства и конного спорта [15]. На общем собрании членов общества 11 августа 1911 года рассматривался вопрос о дополнительных бегах в летнем сезоне в силу того, что на них было заявлено большое количество рысистых лошадей. В результате было принято решение о проведении 14 августа дополнительно шести бегах, но с меньшими призами в сумме от 35 руб. до 50 руб. [16].

Еще одним источником получения средств для развития ипподрома были частные пожертвования. Так, в 1900 г. И. И. Казаковым было подано заявление о том, что он пожизненно, начиная с летнего сезона 1901 г., жертвует ежегодно 500 руб. для призового фонда скачек [6]. В 1903 г. в ходе летних бегах разыгран приз от почетного члена И. И. Казакова с условием, что принимать участие могут лошади полного возраста и не выигравшие первое или второе место на столичных ипподромах. Каждая лошадь могла иметь права бегах три беговых круга, сумма двух наиболее быстрых кругов суммировалась, и определялась выигравшая лошадь. Для участия в борьбе за приз запись осуществлялась заранее и являлась платной, составив для членов общества 25 руб., посторонних – 35 руб. в пользу общества [12]. В данном забеге принимало участие всего три лошади; причина такой низкой записи заключалась в невыгодном призовом фонде, поскольку он состоял из вещей, а не из денег. В случае выигрыша владельцы лошади платили процент выигрыша наезднику [12]. При всем этом организация бегах и содержание ипподрома дорого обходились организаторам, поэтому общество поощрения коннозаводства в 1903 г. просило Городскую думу Тюмени снизить стоимость ежегодной арендной платы с 800 руб. до 600 руб., но в силу большой площади, занимаемой ипподромом, городскими властями ходатайство было отклонено [10].

Содержание ежегодных отчетов свидетельствует о том, что в финансовой деятельности общества поощрения коннозаводства наблюдалась устойчивая тенденция к полному покрытию расходов поступающими средствами. Например, в конце 1900 г. доход общества составлял 24 865 руб., а расход – 24 709 руб. [4]. В 1902 г. казначеем общества являлся купец С. И. Колокольников, который хранил свободные деньги общества, распределял расходы, доходы. В конце 1902 г. общество приняло решение о том, что деньги, выделенные на расходы во время бегах, будут у казначея, а свободные деньги необходимо хранить в сберегательной кассе Государственного банка [9].

При составлении программы бегах в обществе коннозаводства происходило распределение обязанностей, избиралась специальная комиссия из нескольких людей, которые составляли программу бегах и планировали призы. Например, в 1900 г. для разработки зимней программы бегах была избрана комиссия в составе Россошного, Андреева, Колокольникова, Глизмана, Бобикова, Щитоева и Тряпицына [7]. Некоторые члены общества предлагали внести в программу бегах отдельные призы для иноходцев, но в это предложение принято не было. В начале XX в.

установлены дополнительные ограничения, согласно которым одна скаковая лошадь не могла взять приз на сумму более 500 руб. за один сезон [6]. Введение данного правила ограничивало количество забегов одной лошади, давая возможность разным лошадям получить приз, способствуя таким образом решению задач общества по развитию коннозаводства и разведению рысистых лошадей. Бега, в которых могли принимать участие все лошади и без каких-либо правил состоялись 1 июня 1903 года, при этом сам розыгрыш был от Государственного коннозаводства, призовой фонд составлял 400 руб. [11]. Растущее присутствие чистокровных лошадей в скачках начала XX в. выявило проблему несопоставимости их потенциала с возможностями небольших киргизских лошадей. Данное обстоятельство делало совместные заезды неконкурентными, что стало предметом обсуждения в 1903 г. в обществе, где был поднят вопрос о необходимости введения нескольких категорий соревнований для выравнивания конкуренции, но дополнительные категории для бегов не вводились поскольку продолжительность бегов могла быть слишком долгой [13].

Важной задачей общества поощрения коннозаводства было обеспечение безопасной деятельности ипподрома, поэтому, например, в 1900 г. принято решение об открытии на ипподроме колодца, расходы на который в сумме 250 руб. возложили на бюджет самого общества. В том же году средства в размере 300 руб. выделены на покупку пожарной машины и бочки для воды с телегой [5].

В начале XX в. остро стал вопрос о переносе тюменского ипподрома в связи с расширением линии железной дороги. Особая комиссия, сформированная из членов Тюменского общества развития коннозаводства 24 января 1911 года, пришла к выводу, что место, которое занимал ипподром, могло стать отличным пунктом для товарного двора железной дороги [14]. Сам же ипподром и все беговые дорожки следовало перенести в другое место, но для этого требовалась сумма в 32 тыс. руб., а таких средств у общества коннозаводства не было. Земля под ипподромом принадлежала городу и сдавалась обществу в аренду, поэтому мнение городских властей было решающим. Однако Городская дума Тюмени приняла решение о сохранении ипподрома на прежнем месте [14].

Следует отметить тесную связь Тюменского общества поощрения коннозаводства с деятельностью городского ипподрома, хотя работа общества не ограничивалась только организацией конских бегов. Оно прилагало усилия по популяризации разведения рысистых пород лошадей, стремилось предоставить горожанам культурные развлечения, познакомить их с конным спортом. Тюменский ипподром, являясь коммерческим предприятием, выступал одновременно и продуктом общественной инициативы, играя важную роль в развитии социально-досуговой сферы города.

Литература

1. Галлямова Л. В. Влияние предпринимательской инициативы на развитие коневодства в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // «Российское могущество прирастать будет Сибирью...» : сб. статей Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти И. П. Захарова, Сургут, 18 окт. 2024 г. Сургут : Сургутский государственный университет, 2025. С. 17–21.
2. Исторические очерки деятельности Императорского С.-Петербургского Общества Поощрения рысистого Коннозаводства. 1861–1911. СПб., 1914. 239 с.
3. Сибирская жизнь. 1903. 4 апр.
4. Сибирская торговая газета. 1900. 15 дек.
5. Сибирская торговая газета. 1900. 16 дек.
6. Сибирская торговая газета. 1900. 28 июня.
7. Сибирская торговая газета. 1900. 21 сент.
8. Сибирская торговая газета. 1902. 10 авг.
9. Сибирская торговая газета. 1902. 14 дек.

10. Сибирская торговая газета. 1903. 27 апр.
11. Сибирская торговая газета. 1903. 30 мая.
12. Сибирская торговая газета. 1903. 18 июня.
13. Сибирская торговая газета. 1903. 16 июля.
14. Сибирская торговая газета. 1911. 4 февр.
15. Сибирская торговая газета. 1911. 8 апр.
16. Сибирская торговая газета. 1911. 13 авг.
17. Сибирская торговая газета. 1913. 24 июля.
18. Тобольские губернские ведомости. 1894. 10 июля.
19. Тобольские губернские ведомости. 1894. 17 июля.
20. Тюменский ипподром. URL: <https://ippodrom72.ru/тюменский-ипподром/история-ипподрома/> (дата обращения: 24.11.2025).

УДК 94(571.1)"19/20"

Строительство железной дороги А. А. Лещевым как экономический фактор развития купечества в городе Шадринске в конце XIX – начале XX вв.

Завьялова И. Е.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию строительства железной дороги Синарская – Шадринск, которая стала ключевым фактором экономического возрождения делового мира города Шадринска в конце XIX – начале XX вв. В работе проанализированы причины упадка местной торговли, вызванные появлением железнодорожных линий Екатеринбург – Тюмень, Челябинск – Омск, что привело к снижению значимости Крестовско-Ивановской ярмарки и оттоку купеческих капиталов. Основное внимание уделено деятельности купца А. А. Лещева – инициатора строительства железной дороги. Подробно рассмотрены его многолетние усилия и поездки в Санкт-Петербург для лоббирования проекта на государственном уровне.

Ключевые слова: Железная дорога Синарская – Шадринск, А. А. Лещев, Шадринск, купечество, строительство

The Construction of the Railway by A. A. Leshchev as an Economic Factor in the Development of the Merchant Class in the City of Shadrinsk in the Late 19th and Early 20th Centuries

Zavyalova I. E.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the construction of the Sinarisk – Shadrinsk railway, which became a key factor in the economic revival of the business world in the city of Shadrinsk in the late 19th and early 20th centuries. The article analyzes the reasons for the decline of local trade caused by the emergence of railway lines (Yekaterinburg – Tyumen, Chelyabinsk – Omsk), which led to a decrease in the importance of the Krestovsko-Ivanovskaya fair and an outflow of merchant capital. The main focus is on the activities of the merchant A. A. Leshchev, who initiated the construction of the railway. The article provides a detailed analysis of his long-term efforts and trips to St. Petersburg to lobby for the project at the government level.

Keywords: Sinar Railway – Shadrinsk, A. A. Leshchev, Shadrinsk, merchants, construction

Строительство железной дороги Синарская – Шадринск диктовалось экономической необходимостью края. Положение города в рассматриваемый период являлось значимым в торговле по всей стране. Из Шадринского уезда на всероссийский рынок поступало до 10 млн пудов хлеба, более 50 тыс. пудов масла, тысячи пудов сала, мяса и других продуктов сельского хозяйства. Вывозилось огромное количество товаров пимокатного, кожевенного производства, сделанных руками более 13 тыс. ремесленников и кустарей [1, с. 357].

В 1870–1880-е гг. Крестовско-Ивановская ярмарка, занимавшая второе место после Нижегородской, в связи с постройкой железной дороги от Екатеринбурга до Тюмени и от Челябинска до Омска потеряла свою славу, так как московские, нижегородские и другие фирмы свои оптовые базы начали переводить в районы железных дорог, и сибирские купцы получили возможность ездить за товарами напрямую в Нижний Новгород и Москву. Уменьшилось также и население города: 1890 г. – 17 тыс. человек, 1897 г. – 11 тыс. человек. Торговля и промышленность к 1906 г. сократились более чем наполовину [1, с. 357]. После строительства Великой Сибирской железной магистрали (Челябинско-Курганский участок закончен в 1894 г.) все товары направлялись не в Шадринск, а в Челябинск и Екатеринбург, затем уходили в Центральную Россию, то есть город оказался в стороне от важнейших торговых путей, которые связывали Центральную Россию и Сибирь [4, с. 20].

Рассмотрев экономические проблемы города, которые явились толчком для постройки железной дороги Шадринск – Синарская, стоит обратиться к биографии купца А. А. Лещева, который внес огромный вклад в постройку. Александр Алексеевич Лещев (1859–1914) являлся шадринским купцом 2-й гильдии, получил звание почетного гражданина г. Шадринска, почти всю жизнь являлся попечителем различных городских и уездных заведений: Александровской богадельни в Шадринске, губернского училищного совета, Красномыльского начального училища, приюта в Канашах, Сухринского сельского народного училища. Он владел лавкой, конторой, кладовыми, землей, торговал хлебом, чаем, сахаром, крупой. Все это давало оборот в 3 500 руб. и чистую прибыль в 500 руб. [5]. С 1886 по 1892 гг. был торговым депутатом, с 1888 по 1904 гг. – гласным Городской думы, избирался четыре срока подряд (16 лет); с 1898 по 1900 гг. – членом городской управы и заступающим место городского головы [6]. Высокий статус в городе помог купцу А. А. Лещеву осуществить дело 20 лет жизни – постройку железной дороги, соединившей г. Шадринск с Центральной Россией [2, с. 50].

В 1886 г. Шадринским городским обществом, уездным земством в качестве поверенного для ходатайства о получении разрешения на строительство железной дороги был приглашен гражданский инженер Владислав Антонович Щицинский. Ему удалось добиться соглашения, выданного правительством 7 мая 1889 года сроком на 4 года на строительство железной дороги от станции Островской (Екатеринбургско-Тюменской железной дороги) до Шадринска протяженностью в 116 верст (примерно 120 км), но дорога должна была сооружаться на средства частных лиц, а не на государственные. Строить ее на собственные деньги шадринские купцы не хотели. Инженер В. А. Щицинский отказался передать договор на постройку железной дороги другому лицу, выдвинув такие тяжелые условия к желающим построить железную дорогу, что само строительство оказалось рискованным делом. Договор был просрочен, и в Петербург была отправлена депутация уполномоченных купцов 2-й гильдии в составе городского головы А. Г. Ушкова, В. С. Ногина и А. А. Лещева. Эти купцы в Петербурге через нотариуса Д. Н. Балласа лишили В. А. Щицинского договора на постройку [3, с. 2]. В 1904 г. началась русско-японская война, строительство железной дороги Синарская – Шадринск было отложено.

Позднее А. А. Лещев как председатель комиссии поехал в Санкт-Петербург, и только в 1911 г. началось строительство полотна дороги. На объекте работало до 2 тыс. землекопов. Условия труда были очень тяжелыми. Дневной заработок мужчин составлял от 18–25 коп., а те, кто был с лошадьми, получали до 50 коп., работало много женщин и подростков. Из недостатков можно указать, что владельцы всячески обманывали людей, обсчитывали и за короткий срок строительства дороги украли 173 тыс. руб. Сведения об этом дошли до пермского губернатора, тем более что произвол подрядчиков и жестокая эксплуатация

не раз приводили к забастовкам на месте строительства. В год строительства дороги Шадринский уезд охватила засуха, более 30 тыс. человек голодало [4, с. 5]. К весне 1913 г. железная дорога была доведена до Шадринска [1, с. 358].

Шадринск встречал первый поезд 25 марта 1913 года, он был способен перевезти 400 т груза. К встрече первого поезда готовилась вся общественность города, по этому случаю городская управа устроила крестный ход на станцию, а в церквях проведено богослужение. Регулярное движение поездов между Синарской (ныне станция Каменск-Уральская) и Шадринском началось 20 июня 1913 года [1, с. 358]. В воскресном номере за 21 июня газета «Исеть» опубликовала расписание движения поездов. Еще не было проекта благоустроенного вокзала, пристанционного поселка для железнодорожников. На маленькой станции, где разместилось небольшое здание будущего вокзала, собрались тысячи людей на открытие железной дороги. Александру Алексеевичу Лещеву предоставлялось право как представителю города сопровождать первый поезд. На площадках вокруг паровоза стояли люди, а впереди всех, размахивая кепкой, что-то непонятно кричал ликовавший Лещев. Когда был дан гудок, то многие из присутствовавших от неожиданности повалились на снег, другие побежали в лес, а верующие начали креститься. Вскоре испуг прошел, начались торжественные речи, а молодежь вынесла Александра Алексеевича на руках с паровоза [2, с. 51].

Летом 1913 г. началось регулярное движение поездов на этом участке дороги. Со станции Синарская в Шадринск приходило три товарно-пассажирских поезда и столько же уходило обратно. Двигались они с наивысшей скоростью 15 км/ч. Вагонный парк состоял из вагонов деревянной конструкции грузоподъемностью до 15 т каждый. Если современный пассажирский поезд расстояние от Шадринска до Каменска-Уральского проходит примерно за 1 ч, то в то время он успевал это сделать за 10 ч.

Постоянные длительные и изнуряющие поездки в Петербург не только подорвали здоровье Александра Алексеевича, но и разорили его. Он скончался в Пермской лечебнице для душевнобольных, оставив долг в 2 100 руб. Шадринская городская дума 27 февраля 1914 года выделила 300 руб. для перевозки тела А. А. Лещева из Перми в Шадринск. Для встречи праха А. А. Лещева 1 марта на станцию Замараево приехали члены городской управы В. С. Янин, Д. А. Татнев. Когда 2 марта пришел поезд, на станции Замараево в присутствии большого количества крестьян и представителей города была отслужена панихида священником Р. Пономаревым. В Шадринск поезд прибыл в 12:30. К этому времени на станции собралось большое количество людей. Гроб с телом покойного до Покровской церкви несли на руках, во дворе этой церкви он и был похоронен [2, с. 51].

В честь инженера Лещева по распоряжению министра путей сообщения станция Замараевская, следующая после станции Шадринск, в 1914 г. переименована в станцию Лещевская. В настоящее время бывшая станция Замараевская именуется Лещево-Замараево.

В 1917 г. на станции Шадринск было всего лишь 35–40 железнодорожников. Она была тупиком. Два кирпичных дома, водокачка, корпус вокзала, несколько жилых изб железнодорожников – все, что имелось при царизме на станции. Когда паровоз приходил на станцию, его загоняли на поворотный круг, с помощью ваг несколько железнодорожников поворачивали его на 180 градусов, а затем выводили на путь для отправки на станцию Богданович [1, с. 359].

Таким образом, постройка железной дороги Синарская – Шадринск стала экономической необходимостью в г. Шадринске. Купец А. А. Лещев неоднократно посещал Санкт-Петербург для прошения концессии на постройку железной дороги, но из-за начавшейся русско-японской войны строительство было отложено на неопределенный срок, которое возобновилось только в 1911 г. Город встретил первый поезд в 1913 г. – с этого момента началась новая эпоха в истории Шадринска, получившего связь со всероссийским рынком. Предприниматели перевозили обратно свои конторы, люди возвращались в город из-за притока капитала, открывали крупнейшие фирмы («Зингер и Ко», «Нобель»). Это способствовало экономическому развитию края, город вновь ожил и вернул себе былую славу. Постройка полотна Синарская – Шадринск играет ключевую роль и является важным моментом в истории Шадринска. Все жители города до сих пор помнят и чтят заслуги А. А. Лещева.

Литература

1. Борисов С. Б. Шадринская энциклопедия : в 3 т. Т. 1. А-Ком / под ред. В. Н. Иовлевой, А. В. Плотниковой ; 2-е изд., перераб. и доп. Шадринск : Изд-во Шадринского педагогического института, 2013. 524 с.
2. Борисов С. Б. Шадринская энциклопедия : в 3 т. Т. 2. Кон-Тех / под ред. В. Н. Иовлевой, А. В. Плотниковой ; 2-е изд., перераб. и доп. Шадринск : Изд-во Шадринского педагогического института, 2013. 515 с.
3. Бякова Л. А. Из истории железной дороги в г. Шадринске и вкладе Лещева А. А. в ее строительство // Государственный архив в г. Шадринске. URL: http://gash.archives.kurganobl.ru/iz_istorii_zheleznoj_dorogi_v_g_shadrinske_i_vkla.html (дата обращения: 16.11.2025).
4. Государственное казенное учреждение «Государственный архив в г. Шадринске» (далее – ГКУ ГА в г. Шадринске). Ф. 473. Оп. 1. Д. 1823.
5. ГКУ ГА в г. Шадринске Ф. Р-1087. Оп. 1. Д. 42.
6. ГКУ ГА в г. Шадринске Ф. 473. Оп. 1. Д. 1449.
7. Пафенова С. А. Вклад купца А. А. Лещева и инженера В. А. Щицинского в строительство железной дороги в г. Шадринске в начале XX в. 2019. С. 1–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-kuptsa-a-a-lescheva-i-inzhenera-v-a-schitsinskogo-v-stroitelstvo-zheleznoy-dorogi-v-g-shadrinske-v-nachale-xx-v> (дата обращения: 18.11.2025).

УДК 629.5(571.1)"19/20"

Технологические и производственные аспекты судостроения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Кокшарова М. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию технологических и производственных аспектов судостроения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Развитие речного транспорта напрямую отражало процесс модернизации, который начался в Западной Сибири во второй половине XIX в. В связи с этим произошло увеличение численности паровых и непаровых судов в регионе. Рассмотрены технологии строительства речных судов, их типы, а также производственная деятельность судостроительных предприятий в описываемый период.

Ключевые слова: судостроение, паровые суда, непаровые суда, заводы, Западная Сибирь

Technological and Production Aspects of Shipbuilding in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Koksharova M. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of technological and production aspects of shipbuilding in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The development of river transport directly reflected the modernization process that began in Western Siberia in the second half of the 19th century. In this regard, there is an increase in the number of steam and non-steam vessels in the region. The technologies of construction of river vessels, their types, as well as the production activities of shipbuilding enterprises during the described period are considered.

Keywords: shipbuilding, steam ships, non-steam ships, factories, Western Siberia

Во второй половине XIX в. в Западной Сибири местные предприниматели начинают организовывать заводы для строительства речных судов. Данный регион в техническом отношении отставал от европейской части России, именно поэтому активное строительство парового и непарового транспорта началось значительно позднее. Несмотря на это, именно с усовершенствования судов для Западной Сибири начался промышленный переворот. Исследование технологии и организации производства судостроительных предприятий позволило выявить причины усиления связи региона с центром.

Заказчики на строительство судов были различными. Это были государственные заказы для инспекторных и технических служб региона, несколько пароходов принадлежало Министерству путей сообщения (например, пароход «Фортуна»). Заводы получали заказы от частных лиц (например, А. В. Колмакова, Е. И. Мельниковой, В. Я. Смородинникова и др.). Были и крупные фирмы, такие как «А. Трапезников и К^о», «М. Плотников и сыновья» и др. Большое количество судов, ходивших в бассейне Оби, принадлежало «Товариществу Западно-Сибирского пароходства и торговли» (например, буксирно-пассажирские судна «Сарапулец», «Москва», «Ольга Карпова», «Казанец» и др.).

По данным статистического отдела Министерства путей сообщения, в 1893 г. в бассейне р. Оби ходило 425 судов: паровых – 102 судна, непаровых – 323 судна. По назначению паровые суда делились на шесть типов: пассажирские, товарные, буксирные, товарно-пассажирские, буксирно-пассажирские и служебные. Непаровые суда были только грузовыми [1, с. 13–14].

По роду двигателя 95 паровых судов были колесными, 7 – винтовыми. По числу номинальных сил паровые были до 200 сил, большинство имели 20–40 сил и 60–100 сил. Первоначальная стоимость судов доходила до 150 тыс. руб. Паровое судно часто стоило от 30 тыс. руб. до 100 тыс. руб., непаровое – от 3 тыс. руб. до 30 тыс. руб.

В 1895 г., по данным статистического отдела Министерства путей сообщения, на р. Оби построено 53 непаровых судна, из них наибольшее количество построено в г. Барнауле. На Иртыше построено 13 непаровых судов, два паровых судна в г. Тара; на р. Тобол – 12 непаровых и три паровых – в Ялуторовске; на р. Тура – 218 судов, из них – 131 непаровое судно и 81 паровое судно построено в Тюмени; без обозначения территории постройки еще шесть судов в Туринском и Тюменском округе. На Тавде было построено 46 непаровых судов, наибольшее число построек в д. Жирякова Тюменского округа – 13 судов. [5, с. 4, 8]. Среди всех категорий владельцев большее количество судов имели неакционерные судоходные компании и торговые дома – 42 паровых судна и 151 непаровое судно. Купцы владели 42 паровыми и 126 непаровыми судами. Меньше всего судов имели дворяне, мещане, казенные и общественные учреждения, акционерные несудоходные общества. Эти данные свидетельствуют о том, что судоходные компании, торговые дома и купцы для развития коммерческой деятельности в регионе активно использовали речной транспорт.

В 1913 г. в Тобольской губернии, Тюмени, строительством судов занимались предприятия: Воткинский завод, заводы Круглешева, Ромашева, Печокаса, Струлева, Туренко. Несколько построек осуществлено в мастерской Голева и на верфи Плотникова. В Тобольске отмечено строительство хозяйственным способом. В Томской губернии практически все постройки выполнены хозяйственным способом. Исключение составляет мастерская Седова в Барнауле, в которой построено два судна [8, с. 57].

Непаровые суда имели шесть типов постройки: деревянные и железные баржи, железные и деревянные паузки, гусянки, барказы, плашкоуты, шаланды. Непаровые суда были только грузовые. Баржи строили для навигаций от 5 до 50 лет, срок службы зависел от материала постройки, предназначались для перевозки леса, хлеба, арестантов и новобранцев. Гусянки служили для перевозки рыбы и хлеба, паузки – для перевозки хлеба. Плашкоуты использовались в качестве средства перевозки через реку.

Детали пароходов, такие как корпуса, машины и котлы, строили отдельно. Материалом для строительства корпусов судов служило дерево, железо и сталь. Они могли быть построены полностью на одном заводе. Таким примером является построенное в Тюмени в 1892 г.

на заводе Курбатова и Игнатова буксирное судно «Мишутка» с колесным двигателем и железным корпусом, которое принадлежало П. И. Буркову. В другом случае детали изготавливались в разное время и на разных заводах. Так, колесный двигатель, железный корпус, и котел буксирно-пассажирского судна «Полезный», принадлежавшего «Товариществу А. Гадалова и Е. Жирняка», были изготовлены на упомянутом выше заводе Курбатова и Игнатова в 1891 г., а машины для данного судна были построены намного раньше, в 1874 г., на заводе братьев Вардропперов в Тюмени. Еще один пример – служебное судно «Енисей», владельцем которого был А. М. Сибиряков. Винтовой двигатель, деревянный корпус судна построены в 1888 г. на заводе Вардропперов, а машины и котел – на заводе Любимова в Перми. Обычно в качестве топлива для судов использовали дрова. На «Енисее» кроме дров использовали и каменный уголь [5, с. 15, 19]. В 1887 г. для буксирно-пассажирского судна «Россия», принадлежавшего А. Н. Гадалову, колесной двигатель и железный корпус были построены в мастерской Гадалова близ Красноярска, а машины и котел изготовили годом ранее на Жабынском заводе в Тюмени [4, с. 19]. В списке паровых и непаровых судов, ходивших по рекам, находившихся в ведении Томского округа путей сообщения, на 1 января 1917 г. значится 273 паровых, 119 моторных и 736 непаровых судна. В приведенных сведениях отмечено, что суда строились как полностью на одном заводе, так и на разных заводах, в том числе и зарубежных. Например, пароход технической службы «Николай» построен в 1893 г. полностью на заводе Гуллета и Пирсона в Тюмени, пароход Инспекторской службы «Паша» – на Жабынском заводе, его корпус – в 1910 г., машина – в 1892 г., котел – в 1908 г. [7, с. 4].

В справочнике Томского округа путей сообщения за 1917 г. зафиксированы новые типы судов: товарно-буксирно-пассажирские, стационарные, перевозные, технической службы, дачные, рыбачьи, личной надобности, дачно-пассажирские, буксирно-дачно-пассажирские. Названия типов судов отражают назначение каждого из них. Двигатели данных типов судов были колесные и винтовые, корпуса не изменились. Основные материалы, такие как железо, дерево и сталь, по-прежнему использовались, появились смешанные, которые сочетали разные материалы. Виды топлива были разнообразны: кроме дров использовали каменный уголь, мазут, нефть, керосин, бензин [1, с. 15].

Внешне суда отличались друг от друга, существовали двухэтажные пароходы «американского» типа («Ив. Игнатов», «Сарт», «Нор-Зайсан», «Н. Сухотин», «И. Соколовский», «Тоболяк»), товарно-пассажирские пароходы с двумя этажами на носу и тентом в корме над первым этажом («Китай»), одноэтажные товарно-пассажирские пароходы («Казанец», «Верный», «Комета», «Пермяк») [3, с. 3–5].

Внутреннее устройство на пассажирских пароходах было выполнено по образцам волжских пароходов, имелась кухня и буфет, в котором подавали различные виды блюд и алкоголь по установленной таксе. Каюты трех классов имели различные удобства, внутренняя обстановка также отличалась в зависимости от тарифа. Помещения кают отапливались паром, было электричество. На пароходах «американского» типа ко всему прочему имелись двухэтажные салоны, пианино, ванны и библиотеки [3, с. 9].

Следует рассмотреть устройство заводов и организацию производства на них, чтобы эффективнее оценить деятельность предприятий по изготовлению судов и их механизмов. Тюменские заводы строились на берегу рек. Жабынский механический завод располагался на левом берегу Туры в д. Мыс. Завод Пирсона и Гуллета находился также на левом берегу Туры напротив городской пристани ниже по течению.

Жабынский завод являлся комплексом зданий, среди которых был большой корпус мастерских. На нижнем этаже было механическое отделение с разного рода станками, такими как сверлильные, токарные и др. В нем осуществлялась отделка и подгонка механизмов, на продажу собирались паровые машины для судов. Рядом с мастерскими было отделение на 12 горнов, работа которых осуществлялась с помощью вентилятора, также находилось два паровых молота в 45 и 90 пудов, три подъемных крана. Все станки приводились в действие паровой машиной в 30 сил.

Во дворе предприятия располагалась чертежная. В ней происходила разбивка чертежей строившихся судов в натуральную величину. Рядом с этим зданием стоял железный сарай, в котором собирали котлы и другие большие предметы.

Сама сборка судов и частей для них производилась на улице. Дерево для постройки заготавливали заранее и укладывали в виде бревен на территории предприятия или на берегу реки. При заводе была лесопилка, на которой бревна обрабатывали, изготавливали палубные и обшивные доски. На территории находились склады железа и металлов, специальные хранилища. Один корпус отводился для вещей, изготовленных на продажу, среди которых были и механизмы для пароходов.

Важно отметить техническую оснащенность предприятия: оно имело паровое отопление, чугунные лестницы и другое оборудование на случай пожара, электричество. Несмотря на то, что на заводе трудилось большое количество человек, высота зданий и вентиляция способствовали тому, что помещение постоянно проветривалось.

Завод Пирсона и Гуллета имел ключевое значение: на нем впервые в Западной Сибири перешли от кустарного производства судов к промышленному, поставленному на поток, впервые в азиатской части России стали строить железные баржи, корпуса судов, изготавливать первые сибирские паровые машины с трубчатым котлом высокого давления [1, с. 16]. Завод основан в Тюмени в 1860 г. английским инженером-судостроителем Г. И. Гуллетом как филиал Екатеринбургского механического завода, его компаньоном стал волжский инженер-судостроитель Л. М. Пирсон. Завод представлял собой деревянные сооружения барачного типа, где располагались мастерские с кузницами для сборки паровых корпусов, детали для которых в подавляющем большинстве изготавливались на уральских заводах. Позднее были открыты меднолитейные и чугунные цеха. В них имелось два паровых котла с паровыми машинами, строгальные, токарные, сверлильные и болторезные станки, паровой молот. К 1869 г. предприятие стало самостоятельно строить паровые машины, баржи и пароходы, не обращаясь за услугами к уральским и западным заводам.

После смерти Г. И. Гуллета завод сохранил первоначальные технологии производства. Особенностью данного предприятия было наличие отечественного оборудования и работников. В честь основателя заводу оставили его название, кроме того, это делало его узнаваемым среди заказчиков.

В отличие от Жабынского завода, расположение завода Гуллета и Пирсона было неудачным. В весеннее половодье место постройки затоплялось, что делало работу по строительству и ремонту судов на предприятии сезонной. Из-за этого не было возможности основательно строить каменные здания, поэтому возводимые бараки были деревянные, в них отсутствовала вентиляция воздуха и отопление [2, с. 135–136, 139].

Заводы кроме экономической составляющей имели еще и социальное значение для местного населения. Так, кроме здания Жабынского завода в ведении заводской администрации находились больница, школа и часовня. Содержание школы и больницы осуществлялось за счет завода. В здании больницы (на 10 кроватей) постоянно трудились заводской фельдшер и городской врач, рядом располагалась небольшая аптека. Рабочие завода и окрестные крестьяне имели возможность пользоваться медицинской помощью, а также бесплатно получать лекарства.

В школе училось до 100 детей рабочих завода и крестьян. Комнаты классов были большие, светлые и высокие, в этом же здании находились квартиры учительниц. На средства владельцев завода построены ученическая и народная библиотека, в которой были представлены книги (около тысячи томов). Для учеников из дальних селений были подготовлены специальные помещения для ночлега. В школе и больнице, как и в здании завода, имелось электричество [6, с. 162].

Таким образом, помимо налаженного производства и сборки деталей для судов, качественной и современной на тот момент организации работы предприятия завод занимался

и общественной деятельностью, давая возможность местному населению получать необходимую бесплатную медицинскую помощь и образование. Со временем вокруг завода образовался небольшой поселок, в котором жили работники предприятия и крестьяне.

Завод Пирсона и Гуллета готовил кадры речных работников, давая возможность для дальнейшего трудоустройства. В 1870-е гг. большая часть машинистов, управлявшими сибирскими пароходами, получила квалификацию именно на заводе Гуллета. Позднее они становились основателями ремонтных мастерских в других сибирских городах. Общая численность рабочих достигала 800 человек.

Таким образом, технология строительства и устройство судов были прогрессивными для Западной Сибири. Характерной особенностью является то, что суда строились как полностью на одном заводе, так и по частям на разных заводах. Частные и государственные заказы позволяли предпринимателям активно развивать данную отрасль. Несмотря на удаленность территории, имевшееся на предприятиях оборудование позволяло изготавливать нужные механизмы для речных судов и быть конкурентноспособными на рынке. Заводы строились по берегам рек, что было удобно для спуска судов на воду. Предприятия оказывали ошутимое влияние на жизнь работников и местного населения, создавая условия для обеспечения необходимой медицинской помощью, возможностью получения образования и подготовкой специализированных кадров в судостроительной и судоходной отраслях.

Литература

1. Кокшарова М. В. Судостроение в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Бизнес. Общество. Власть. Ноябрь 2025. № 4 (58). С. 9–20.
2. Копылов В. Е. Окрик памяти: история Тюменского края глазами инженера. Кн. 1. Тюмень : Слово, 2002. 334 с.
3. Путеводитель по Иртышу и Оби. Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли: на 1914 год. СПб. : Художествен.-графич. ателье и печатня М. Пивоварский [и] А. Типограф, 1914. 96 с.
4. Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России / Отдел статистики и картографии Министерства путей сообщения. СПб. : тип. Министерства путей сообщения, 1901. 83 с.
5. Речной флот Азиатской России. Бассейн реки Оби. По сведениям к 1 января 1895 года / Статистический отдел Министерства путей сообщения. СПб. : тип. бр. Пантелеевых, 1895. 33 с.
6. Рогозинский А. П. Жабынский судостроительный и механический завод в Тюмени // Лукич. 2002. № 2 (22). С. 160–167.
7. Список паровых и непаровых судов, плавающих по рекам, состоящим в ведении Томского округа путей сообщения. Сост. по сведениям на 1 янв. 1917 г. Томск : [б. м.], 1918. 108 с.
8. Статистический сборник Министерства путей сообщения. № 140 : Внутреннее судоходство в 1913 г. Ч. 1 / Отдел статистики и картографии Министерства путей сообщения. СПб. : тип. Министерства путей сообщения, 1877. 168 с.

Раздел II
**СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА И КУЛЬТУРЫ:
ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К ПОВСЕДНЕВНОСТИ (1930–1980-Е ГГ.)**

УДК 373(091)(571.121)

Между директивой и тундрой: три вызова реализации закона о всеобщем обучении в Ямало-Ненецком национальном округе в 1930-е гг.

Кирилюк Д. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению основного содержания и результатов государственной школьной политики по всеобщему начальному обучению детей на Ямале в 1930-е гг. Автор утверждает, что реализация Закона о всеобщем обучении на территории региона столкнулась с тремя серьезными вызовами: материально-техническим и кадровым, социально-демографическим и национально-культурным вопросами. Низкий уровень развития образования на территории Ямало-Ненецкого национального округа в предшествующие годы не позволил противостоять им, а всеобщее обучение детей было организовано в округе лишь частично.

Ключевые слова: Ямал, школа, интернат, учитель, всеобщее обучение, спецпереселенцы, коренное население

Between the Directive and the Tundra: Three Challenges of Implementing the Universal Education Law in the Yamalo-Nenets National Okrug in the 1930s

Kirilyuk D. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to rethinking the main content and results of the state school policy on universal primary education for children in Yamal in the 1930s. The author argues that the implementation of the Law on Universal Education in the region has faced three serious challenges: logistical and personnel, socio-demographic and national cultural problems. The low level of educational development in the Yamalo-Nenets National Okrug in previous years did not allow to cope with these challenges, and universal primary education for children was only partially organized in the region.

Keywords: Yamal, school, boarding school, teacher, universal primary education, special settlers, indigenous population

В 1930 г. в истории школьного образования на Крайнем Севере произошли два события, сыгравшие определяющую организационную роль в его дальнейшем развитии. В соответствии с Постановлением ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 года с 1930/31 учебного года во всех регионах Советского Союза должно было быть введено повсеместное всеобщее обязательное обучение мальчиков и девочек в возрасте 8–10 лет, которые за это время должны были освоить четырехлетний курс начальной школы [13]. Появление данного документа поставило вопросы развития школьного образования на особый контроль со стороны государственно-партийных органов как в столице, так и в советской провинции.

Через несколько месяцев (10 декабря 1930 года) в составе Уральской области был образован Ямало-Ненецкий национальный округ [14, с. 180]. Формирование национальных округов в РСФСР принято считать логичным продолжением развития принципов администра-

тивно-территориального устройства, заложенных в ленинской федеративной модели образования СССР еще в 1922 г. Дальнейшее претворение в жизнь советской национальной политики, построенное на тезисе о необходимости сделать советскую власть понятной всем народам бывшей Российской империи, привело к реорганизации управления даже на таких удаленных территориях страны, как Ямал.

С одной стороны, создание отдельной административно-территориальной единицы позволило местному партийно-советскому руководству сформировать более эффективную систему управления народным образованием в регионе, лучше знакомую с ситуацией на местах и приближенную к потребностям населения края. С другой стороны, в это же самое время власти Ямало-Ненецкого национального округа оказались перед лицом сразу трех вызовов, каждый из которых непосредственно влиял на развитие школьного образования в регионе: 1) материально-технический и кадровый; 2) социально-демографический; 3) национально-культурный.

Материально-технический и кадровый вызов. В современной отечественной и зарубежной историографии сложилось единое понимание природы сталинской модернизационной экономики, отличавшейся постоянным несоответствием между заявляемыми государством планами и объективными возможностями «на местах» эти планы реализовать [2, 3, 8, 15]. Особенно заметным данное несоответствие было в вопросах функционирования системы школьного образования в удаленных советских регионах. Достаточно сказать, что школьная сеть Ямала в 1920-е гг. практически отсутствовала. Так, в 1921 г. на всей территории насчитывалось только две школы, в которых обучалось 73 учащихся [6, л. 14]. Задача организации всеобщего охвата советских детей начальным обучением в подобной ситуации выглядела как серьезный вызов, требовавший строительства новых школ либо поиска приемлемых помещений среди уже существовавших строений, а также обеспечения их более или менее квалифицированными учителями.

Местные органы власти, в том числе и Отдел народного образования Ямало-Ненецкого национального округа, сумели достичь заметных успехов в решении этих задач. Количество школ в 1930–1941 гг. стало стремительно увеличиваться. Если в 1930 г. в регионе работало 9 школ, то в 1940 г. в отчетах окружного отдела народного образования (окроно) упоминалось уже 46 общеобразовательных организаций [4, л. 1; 6, л. 2], то есть рост сети составил более 900 %. В это же время произошло и значительное увеличение численности педагогических кадров в округе. Если в 1935 г. в местных школах трудилось 84 педагога, то в 1940 г. их количество возросло до 237 человек [4, л. 4; 6, л. 18], что означало рост на 282,1 %.

Пополнение общеобразовательных школ Ямала педагогическими кадрами осуществлялось главным образом благодаря складывавшейся в СССР в эти годы централизованной системе их распределения в рамках так называемых заявок, которые отправлялись в Уральский, Обско-Иртышский, Омский отделы народного образования. Накануне и в начале Великой Отечественной войны на Ямале впервые стали проводиться аттестации учителей, целью которых было освобождение от работы учителей, не имевших аттестатов об образовании. Положение с кадрами уже оценивалось руководством окроно как «вполне удовлетворительное» [6, л. 17].

Несмотря на данные успехи, материально-технический и кадровый факторы продолжали вызывать серьезное беспокойство школьного руководства Ямало-Ненецкого национального округа. Большинство школьных зданий были построены только в 1934–1935 гг. и отличались множеством недоделок (здания не были остеклены, оконпачены, в некоторых зданиях какое-то время не было и печей). Школы же в удаленной сельской местности и вовсе работали, как правило, в приспособленных помещениях (промысловых избушках, бараках, чумах и даже часовнях) [4, л. 2–3].

Во второй половине 1930-х гг. состояние школьных зданий в регионе по-прежнему не способствовало нормальной учебе детей. Некоторые из них были настолько плохо утеплены, что сильные северные ветра в зимние месяцы приводили к резкому снижению температуры внутри этих школ (до -4°C в классах и до -10°C в коридорах) [4, л. 9], что ставило под угрозу уже и физическое здоровье учащихся.

Неудовлетворительное материально-техническое обеспечение школ округа в полной мере проявлялось в ходе инспекторских проверок. Например, по результатам проверки Щучь-ереченской школы инспектором Ямало-Ненецкого округа т. Шимановской и зав. районо т. Дмитриевой, относившейся, судя по всему, к 1937/38 учебному году, установлено, что в деревянном, специально построенном для школы здании отсутствовал интернат, поэтому дети спали в помещениях, предусмотренных под классные комнаты. В учебном заведении не было складского помещения, и продукты хранились прямо в коридоре, отсутствовала столовая, и дети обедали в темной комнатке. Оборудование школы также оценивалось проверяющими как «нищенское»: отсутствовали скамейки, столы, вешалки для одежды, библиотека. Из всего увиденного инспектором окружного отдела народного образования и заведующей Приуральским районо сделан справедливый вывод: «По своей внутреннему виду школа не является тем культурным очагом, которым должна являться как учреждение, воспитывающее подрастающие кадры будущих строителей социализма» [4, л. 81].

В 1941 г. имевшаяся школьная сеть отличалась крайней неравномерностью: одно общеобразовательное учреждение на Ямале приходилось на 15 тыс. км². Многие места концентрации населения по-прежнему находились на 200–600 км от ближайшей школы. Другой проблемой для округа было то, что многие населенные пункты на Ямале были новыми и существовали не более 10–15 лет, поэтому там отсутствовала возможность приспособить под школу какое-либо уже существовавшее здание так, как это делалось в южных районах области за счет кулацких домов [6, л. 14].

Для полного выполнения Закона о всеобуче в конце 1941 г. необходимо было дополнительно построить 32 школы и интерната общей стоимостью 9 млн руб. [6, л. 14]. Однако денег на новое школьное строительство в Ямало-Ненецком национальном округе на 1941 г. отпущено не было, и отдел народного образования региона требовал поставить этот вопрос на уровне областного и центрального руководства [6, л. 12]. Фактически из-за недостатка финансирования государство само сделало невозможной реализацию Постановления от 14 августа 1930 года. Время от времени школьные отчеты во второй половине 1930-х гг. продолжали фиксировать и факты низкого качества работы местных учителей [6, л. 4–5], позволившие говорить о том, что выполнение задачи всеобуча к началу 1940-х гг. далеко не всегда осуществлялось педагогами, понимавшими в полной мере свою роль в выполнении этой масштабной задачи.

Социально-демографический вызов. Помимо вопросов материально-технического и кадрового обеспечения государственной политики по всеобщему охвату школой детей в возрасте 8–10 лет важным фактором, от которого зависел конечный успех данного мероприятия, были заметные изменения в социально-демографическом развитии Ямала в начале 1930-х гг. Они были вызваны появлением на Крайнем Севере первых жертв сталинской модернизации – семей раскулаченных крестьян.

Численность спецпереселенцев на Ямале в 1930-е гг. до сих пор продолжает оставаться дискуссионной. По данным историков Н. М. Игнатовой и Н. А. Михалева, несмотря на то, что территория округа не отличалась большим количеством высланных спецпереселенцев, их удельный вес в общей численности населения края оказался весьма значительным. Так, по состоянию на декабрь 1935 г. в округе проживало не менее 4 тыс. спецпереселенцев. Учитывая, что в это же самое время на Ямале проживало всего 26 668 человек, это означало, что 15 % населения округа составляли репрессированные граждане [11, с. 102]. Однако, как указывают результаты исследования Л. В. Алексеевой, в 1934 г. Омский областной комитет ВКП(б) направил докладную записку в Москву, в которой сообщалось, что в Ямало-Ненецком округе проживало 32 тыс. человек, из которых спецпереселенцы составляли 27 % [1, с. 148–149] или 8 640 человек. Разница в цифрах объясняется, по всей видимости, недостатками официальной статистики в данный период времени, учетом/недоучетом в числе спецпереселенцев людей нетрудоспособного возраста, особенно детей.

Немалая часть спецпереселенцев прибыла на территорию региона с детьми школьного возраста, что лишь увеличило нагрузку на слаборазвитую школьную сеть Ямало-Ненецкого

национального округа. Бывшими «кулаками» были основаны новые населенные пункты (например, Аксарка, Горки, Пуйко) [9], где как раз и требовалось дополнительное школьное строительство. В некоторых спецпереселенческих поселках были созданы довольно крупные для данной территории учебные заведения. Так, в с. Горки уже в 1931 г. открылась начальная школа, которая впоследствии была преобразована в неполную среднюю школу. В 1938/39 учебном году в Горковской неполной средней школе обучалось 186 учащихся [5, л. 27], что было гораздо больше, чем в других школах.

Организация обучения детей репрессированных граждан СССР представляла собой сложную организационную и педагогическую проблему, требовавшую от советских властей особых инструкций, касающихся двух основных вопросов: обеспечения их права на образование и преподавания отдельных предметов социально-гуманитарного цикла среди молодежи, имевшей все основания не доверять советской власти и навязываемой ею через школу идеологии. Тем не менее, в немногочисленных документах Ямало-Ненецкого окружного отдела народного образования в 1930-е гг. данная проблема отсутствует как таковая, вследствие чего учителя спецпереселенческих школ были вынуждены брать на себя дополнительную ответственность в создании детям спецпереселенцев как самой возможности учиться (учитывая крайнюю материальную необеспеченность таких школьников), так и в повседневной работе при прохождении «трудных вопросов» с учащимися из «кулаков».

Решение первого вопроса – обеспечение возможности детям спецпереселенцев посещать школу изначально было выведено из ведения Наркопроса и Ямало-Ненецкого окружного отдела народного образования, поскольку, по сведениям А. С. Иванова, на Обском Севере в местах расселения спецпереселенцев создавалась фактически самостоятельная школьная сеть, лишь формально подчинявшаяся органам народного образования, но реально находившаяся в ведении районных и поселковых комендатур НКВД. Более того, на примере соседней территории – Остяко-Вогульского национального округа – автор показал, что примерно в 1932 г. школы были построены лишь в одной трети спецпереселенческих поселков, и значительная часть этих детей не была затронута системой всеобуча. Лишь в 1936–1937 гг. по мере ликвидации особых спецпереселенческих школ и передачи их в ведение местных отделов народного образования стало возможным и выстраивание единой политики в отношении обучения всех детей на Ямале [10, с. 76].

Позднее в подобных учебных заведениях недостаточно внимательное отношение к подбору учителей могло приводить к очень низким показателям успеваемости обучающихся и их отсеву из школы. Например, в 1940/41 учебном году очень низкий процент успеваемости (52,8 %) на Ямале давала Салехардская неполная средняя школа рыбокомбината, в которой также учились дети спецпереселенцев [6, л. 4–5]. В этом же общеобразовательном учреждении было сорвано накануне войны преподавание такого важного предмета, как Конституция [4, л. 6]. Несмотря на наличие в школах региона большого числа учащихся из числа жертв сталинских репрессий, последовательной политики в отношении них в 1930-е гг. не проводилось, что не позволяло своевременно охватить подобных детей образованием.

Национально-культурный вызов. Третья проблема, с которой столкнулись педагоги Ямало-Ненецкого национального округа в 1930-е гг. в связи с выходом Постановления от 14 августа 1930 года, касалась особого этно-национального состава населения края, наличия в нем большого количества представителей коренных народов Севера. Как отмечено уральскими исследователями, даже несмотря на принудительные миграции в регион в 1930-е гг., удельный вес коренного населения (ненцев, ханты, селькупов, коми-зырян) среди жителей Ямала по-прежнему был преобладающим, составляя 51,3 % [12, с. 41–42].

Учитывая столь значительные цифры, можно утверждать, что необходимость охвата обучением детей коренных народов Севера была ключевой задачей для школьного руководства Ямало-Ненецкого национального округа в организации всеобуча. Проблема заключалась в том, что привлечение в школу детей-националов зависело от целого ряда самостоятельных вопросов: необходимости проведения большой разъяснительной работы с этими семьями

о важности получения образования, создания письменности для народов, которые ее не имели, издания соответствующих учебников и пособий, строительства школ и интернатов рядом с местами традиционного проживания данных народов, а также подготовки учителей, знающих языки детей ненцев, ханты, селькупов и коми-зырян.

Активная работа по решению всех вышеперечисленных проблем началась на территории региона только в 1930-е гг. с образованием Ямало-Ненецкого национального округа. В числе вопросов, вызывавших наибольшие трудности для отделов народного образования края, было разъяснение основ советской школьной политики коренному населению. Документы сохранили многочисленные свидетельства нежелания представителей индигенного населения отдавать своих детей в школу. Например, 21 июля 1932 года во время одной из бесед с населением округа местный житель по имени Окоэтто Каули говорил: «Нам не нужно аэроплана, туздома, школы и больницы, детей учить не нужно» [14, с. 196]. В связи с этим неудовлетворительный охват детей-националов школой в рассматриваемый период вызывал серьезное беспокойство местных властей. Так, в 1935 г. он едва достигал 25 % от всех коренных жителей, подлежащих обучению [4, л. 2].

Не менее сложно шел процесс строительства для учащихся-националов школ и интернатов. Как правило, интернаты при школах Ямало-Ненецкого национального округа обладали небольшой вместимостью, тогда как политика всеобща требовала наличия во многих населенных пунктах резервных площадей для учащихся из числа кочевого населения тундры. Вследствие этого практически все интернаты региона к концу 1930-х гг. были переполнены, вместо 50 воспитанников в них нередко размещалось по 100 и более человек. Сложившаяся ситуация приводила к недопустимой скученности детей, распространению в ряде интернатов туберкулеза, чесотки, трахомы (Ярсале, Тамбей). Самым трагичным последствием такого положения дел была смерть 12 воспитанников в Щучьереченском интернате [4, л. 6].

Для системного обеспечения школ Ямала подготовленными учителями государственно-партийное руководство Уральской области приняло важное решение долгосрочного характера – в 1932 г. в с. Обдорск был основан Обдорский педагогический техникум. Уже в 1935 г. в педтехникуме были сформированы четыре класса, в которых обучались 65 человек из числа коренных народов Севера [4, л. 2]. Во второй половине 1930-х гг. первые выпускники учебного заведения стали пополнять штаты школ региона. Однако накануне Великой Отечественной войны, несмотря на данные улучшения, в национальных школах и интернатах округа по-прежнему сохранялось множество претензий к работе учителей и воспитателей, часть из которых за антипедагогические действия (спаивание детей, их половое развращение и так далее) привлекалась к уголовной ответственности [4, л. 7; 7, л. 3].

Вышеперечисленные проблемы еще больше усугублялись отсутствием последовательности в государственной политике по созданию письменности для народов Ямала. Проекты алфавита, разработанные и утвержденные в Институте народов Севера в 1930–1931 гг., были основаны на латинском языке, что уже в середине 1930-х гг. на государственном уровне признано ошибкой, но лишь в 1937 г. утверждены новые алфавиты на основе русской графики [1, с. 168, 173]. В результате этого были потеряны важные пять лет, которые не позволили к началу 1940-х гг. обеспечить местные национальные школы учебной литературой на понятных для коренных народов региона языках. Тем самым школьным властям на Ямале накануне Великой Отечественной войны не удалось создать привлекательный образ школы в глазах коренного населения, а объективные недостатки в работе учебных заведений округа «широко использовались враждебными элементами» в агитации против советской школьной политики [4, л. 7].

Все это позволяет говорить о том, что система школьного образования Ямало-Ненецкого национального округа справилась с тремя вызовами в организации всеобщего начального образования детей в 1930-е гг. лишь частично. Накануне Великой Отечественной войны в крае по-прежнему не посещали школу многие сотни человек. К примеру, по итогам 1940/41 учебного года таких насчитывалось 1 684 человека. Эти цифры окружной отдел народного образования

называл «не полными» [4, л. 2]. Школу в большом количестве не посещали и дети коренных народов Севера [7, л. 1], свидетельствуя о неспособности советской власти организовать на местах выполнение государственных предписаний.

Опыт реализации Постановления ЦИК СССР и СНК СССР о всеобщем обучении 1930 г. на территории Ямало-Ненецкого национального округа в предвоенное десятилетие подтверждает имеющиеся в современной исторической науке представления о том, что государственные планы в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. совершенно не учитывали физические возможности, имевшиеся в провинции. Инициативы сталинского руководства были основаны на телеологическом подходе и вере в безграничные возможности социализма. В связи с этим на деле они чаще напоминали оторванные от реальности мечты, а не продуманные и обеспеченные ресурсами государственные проекты, их результатом были многочисленные сбои, фальсификации и трагедии в советском обществе в годы первых пятилеток.

На территории Ямала отсутствие возможности выполнить планы в области школьного образования открыто обсуждалось в делопроизводственной документации 1930-х гг. С одной стороны, это свидетельствовало о фактическом признании сталинским руководством и собственной ответственности за сложившееся положение дел, а с другой стороны, позволяло местным педагогическим работникам до определенного времени (до конца 1930-х гг.) избегать строгих наказаний за невыполнение государственных задач в данной сфере.

Литература

1. Алексеева Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. 243 с.
2. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине / пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. 328 с.
3. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А. И. Пигалева. М. : Российская политическая энциклопедия ; Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. 444 с.
4. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа» (далее – ГАЯНАО). Ф. 98. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 9.
8. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 400 с.
9. День памяти жертв политических репрессий: как спецпереселенцы развивали промышленность Ямала. URL: <https://ura.news/news/1052836423> (дата обращения: 09.01.2026).
10. Иванов А. С. Образовательная среда спецпоселений Югры 1930–1950-х гг.: формирование и эволюция образовательного пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12 (74) : в 3 ч. Ч. 2. Тамбов : Грамота, 2016. С. 75–79.
11. Игнатова Н. М., Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине 1930-х гг.: размещение и численность // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 4 (16). Сыктывкар, 2013. С. 98–102.
12. Жеребцов И. Л. Рецензия на монографию «Население Ямала в первой половине XX века: историко-демографический анализ» (Корнилов Г. Г., Корнилов Г. Е., Михалев Н. А., Оруджиева А. Г.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3 (23). Сыктывкар, 2015. С. 161–162.
13. О всеобщем обязательном начальном обучении : постановление ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР от 14.08.1930 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/>

cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15948#Тbхgm7V8igryfvHy (дата обращения: 08.01.2026).

14. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) : сб. документов / Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории ; редкол.: Д. И. Копылов [и др.] ; сост.: Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова. Тюмень, 1994. 319 с.

15. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М. : Российская политическая энциклопедия, 1996. 294 с.

УДК 630(091)(571.122)

Строительство Белогорского лесозавода как отражение особенностей индустриализации и политического режима на севере Западной Сибири в 1930-х гг.

Сташкин П. Р.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье приведен анализ возникновения и развития Белогорского лесозавода в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор проследил эволюцию предприятия от локального проекта до крупного лесокombината. Особое внимание уделено влиянию политических репрессий 1937–1938 гг. в отношении руководящего состава. Аргументирован тезис, что обвинения во вредительстве, выдвинутые против первых руководителей, являлись следствием трагической интерпретации просчетов в инженерном проектировании места под строительство. Показаны техническое оснащение и производственная деятельность завода в предвоенный период времени.

Ключевые слова: лесная промышленность, Белогорский лесозавод, Главное управление Северного морского пути, трест, леспромхоз, репрессии

The Construction of the Belogorsky Timber Mill as a Reflection of the Features of Industrialization and the Political Regime in the North of Western Siberia in the 1930s

Stashkin P. R.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article provides an analysis of the emergence and development of the Belogorsky timber mill in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. The author traced the evolution of the enterprise from a local project to a large timber processing plant. Special attention is paid to the impact of the political repressions of 1937-1938 on the leadership. The thesis is argued that the accusations of sabotage brought against the first managers were the result of a tragic interpretation of miscalculations in the engineering design of the construction site. The technical equipment and production activities of the plant in the pre-war period are shown.

Keywords: forestry industry, Belogorsky timber factory, Main Directorate of the Northern Sea Route, trust, timber industry, repression

В начале 1930-х гг. вопрос о строительстве нового лесопильного предприятия в д. Белогорье (40 км выше по течению р. Оби от п. Самарово) стал предметом ведомственного взаимодействия трестов «Ураллес» и «Уралдревлес». Округ испытывал острый дефицит пиломатериалов: действующий с 1931 г. Самаровский лесозавод не мог полностью обеспечить нужды развивающейся рыбной промышленности [9, с. 355].

Впервые планы строительства Белогорского лесозавода нашли отражение в газете «Ханты-Манчи Шоп» от 9 сентября 1931 года [10]. В том же году партийное руководство признало нереалистичным ввод предприятия в эксплуатацию к 1932 г. Основными ограничивающими факторами назывались сложность навигации, территориальная удаленность Самаровского района и отсутствие железнодорожной связи. Кроме того, план снабжения округа не предусматривал необходимого увеличения рабочей силы [2, л. 5–5 об]. Было принято компромиссное решение: ограничиться подготовительными работами (возведением рабочего поселка и заготовкой материалов), чтобы за навигацию 1932 г. завершить монтаж основных корпусов [2, л. 6].

Для согласования площадки строительства завода Стройуправление командировало в п. Самарово инженера Соснина. Его задача заключалась в согласовании с местными организациями места под строительство лесозавода. К моменту выезда инженера Москва не представила результаты изысканий 1930 г. Согласно докладной записке, необходимые материалы пришлось запрашивать телеграммой и экстренно досылать с другим инженером (Уряевым) уже в ходе работ [2, л. 6].

Осенью 1931 г. руководство треста, критикуя решение областных властей о переносе сроков на 1932 г., настаивало на форсировании строительства. Необходимость спешки аргументировалась потребностями «двух социалистических городов» (Самарово, Обдорска), а также дефицитом экспортной древесины и тары для рыбной промышленности. Действующий Тобольский лесозавод не справлялся с внутренним спросом. Сырьевую базу (сосну и лиственницу) должны были обеспечить Самаровский и Сургутский леспромхозы (далее – ЛПХ), чьи лесные массивы на тот момент оставались слабо изученными [2, л. 21].

К середине 1930-х гг. проект лесопильного предприятия в д. Белогорье был включен в систему регионального планирования второй пятилетки. Протокол совещания по второму пятилетнему плану Обско-Иртышской области от 23 мая 1934 года утвердил строительство четырехрамного лесозавода мощностью 120 тыс. м³ и сметной стоимостью 5,1 млн руб. Ввод в эксплуатацию намечался на 1936–1937 гг. В списке проектируемых объектов области Белогорский завод занимал третью позицию, уступая по масштабам лишь Тюменскому (шесть рам, 180 тыс. м³) и Тобольскому (четыре рамы, 120 тыс. м³) предприятиям [3, л. 59].

Проект привлекал внимание и центральной прессы: в журнале «Советская Арктика» вышел цикл статей, позиционировавших будущий завод как стратегический узел освоения Обско-Иртышского бассейна. Исследователь А. А. Соколов особо отмечал конкурентные преимущества белогорской продукции перед игарской (Енисейский край), связав перспективы не только с экспортом, но и со снабжением Омской области, Казахстана и Средней Азии. Ссылаясь на расчеты Гипродрева, он указывал: «...игарские пиломатериалы дороже белогорских на 60 %, ...рентабельность обско-иртышского леса по сравнению с енисейским вполне очевидна» [12, с. 45]. Характерно, что примерно с 1936 г. статус проекта в публикациях менялся: речь шла уже не о рядовом лесозаводе, а о крупном лесокombинате.

В том же выпуске публицист Е. М. Ипатов характеризовал Белогорский проект как ключевой инвестиционный объект Омского теруправления Главсевморпути на Остяко-Вогульском Севере, указав на неразрывную связь производства с логистикой: неподготовленность речного флота к северному завозу могла стать критическим «слабым местом» [6, с. 42]. Таким образом, к 1936 г. лесокombинат рассматривался уже как часть единого экономического комплекса, требовавшего синхронного развития судостроения и буксирного парка.

В 1937 г. исследователь Г. Н. Тарасенков поместил Белогорский комбинат в перспективную схему экономической географии Обского Севера. Отметив дефицит лесобработывающих предприятий в регионе, он обосновывал необходимость создания многопрофильного производства. Помимо основного четырехрамного завода, деревообделочного и бондарного цехов, план развития предусматривал строительство фанерной фабрики и организацию целлюлозно-бумажного производства. К концу третьей пятилетки комбинат должен был стать крупнейшим промышленным центром региона за счет ввода в эксплуатацию еще одного

четырёхрамного завода. Структура сбыта предполагала экспортную ориентацию: по Севморпути планировалось вывозить 35 % пиломатериалов и 50 % клееной фанеры на экспорт, а остальной объём – на внутренний рынок [14, с. 81–82].

Автор статьи Н. В. Спецтура, называя Белогорский комбинат базовым проектом Главсевморпути на Тобольском Севере, предложил сместить акцент от чистого экспорта древесины к удовлетворению потребностей развивающегося внутреннего рынка. По его мнению, дальнейшее расширение производства было бы экономически неоправданным. Во-первых, ограниченная территория строительной площадки и малая акватория протоки Ендырской физически не позволяли разместить новые цеха и принять увеличившийся объём сплавного леса. Во-вторых, сверхконцентрация мощностей в одной точке нарушала логистику: продукция была отдалена как от внутренних потребителей (горнорудный Урал, Ямал, Амдерма), так и от экспортных портов. Кроме того, такой подход оставлял бы неосвоенными богатые лесные массивы р. Северная Сосьва и делал бессмысленным проектирование северной железнодорожной ветки к Белогорью [13, с. 85–86].

Таким образом, в 1931–1937 гг. концепция проекта претерпела существенную эволюцию: от локального «четырёхрамного завода» с неясными перспективами до многофункционального лесокомбината, встроенного в стратегию освоения Севера. Однако амбициозные планы столкнулись с суровыми инфраструктурными ограничениями, что предопределило сложную судьбу строительства и функционирования лесозавода в последующие годы.

В марте 1935 года фактически началось строительство Белогорского лесозавода. Об этом сообщали газеты «Омская правда» (№ 75 от 1 апреля 1935 года) и «Ханты-Манси Шоп» (№ 91 от 14 октября 1935 года). Правительство утвердило проект комбината и титульные списки строительства лесопильного завода в д. Белогорье на протоке Старица. Начальником строительства был назначен Н. Н. Беретти, его заместителем – Семёнов. Сдача первой очереди комбината планировалась на ноябрь 1936 года [10].

Из Тобольска на стройплощадку завозили цемент, железо, известь, инструмент и различное оборудование. Строительное управление заключило договор с Полярным управлением Главного управления Северного морского пути (далее – ГУСМП): к зиме следовало изготовить разборные домики для Заполярья на сумму 700 тыс. руб. Параллельно велась заготовка леса: к Белогорью было сплавлено около 5 тыс. м³ древесины, готовая к выкатке на берег. В мае 1937 года из Добринского лесопункта прибыла первая партия кедра, часть которого была распилена на карандашную дощечку [9, с. 356]. Для снабжения рабочих отдел рабочего снабжения (ОРС) организовывал завоз продовольствия и промтоваров, скота (свиней и коров). Планировалось создание собственной продовольственной базы и полеводческого хозяйства. Кондинский ЛПХ направил на строительство 20 голов лошадей [10].

Вскоре произошел ключевой поворот. Начальник строительства Н. Н. Беретти и начальник планового отдела В. М. Гинсбург приняли решение перенести площадку будущего комбината примерно на 6 км западнее первоначального варианта – к устью р. Ендырской, в район уже существовавшего спецпоселка Луговое. Изначально запроектированное место в Белогорье они сочли непригодным, не предусмотрели они и то, что р. Обь полноводна. В 1937 г. при высоком половодье вода затопила территорию строящегося завода и складированные строительные материалы [1, с. 271].

Катастрофическое затопление совпало с волной политических репрессий, обрушившихся на лесную промышленность. В 1937–1938 гг. многие руководители лесопромышленных ведомств, в том числе находившегося под контролем ГУСМП (по неполным данным в системе ГУСМП репрессировано 637 работников [4, с. 106]), были объявлены «врагами народа». Политический «пролог к репрессиям» был задан арестом 21 июня 1937 года бывшего народного комиссара лесной промышленности С. С. Лобова. Позже обвинения пали на его преемника – В. И. Иванова. Начальник Главсевлеса И. Николаев обвинял наркома в причастности к «антисоветской организации» и контактах с «врагами народа» Н. И. Бухариным и С. С. Лобовым [5, с. 388–389].

Первые руководители Белогорского лесозавода были обвинены в умышленном вредительстве и диверсионной деятельности, Н. Н. Беретти, В. М. Гинсбург, десятник П. С. Младенцев и электрик С. И. Новиков были арестованы [1, с. 271]. Согласно свидетельству жителя поселка Луговской Ф. К. Николаева, «в этот момент на строительство завода прибыла комиссия для проверки объемов и качества выполненных работ» [11, с. 253] – именно в момент наводнения. Следствие готово было видеть в затоплении результат целенаправленной диверсии: П. С. Младенцева и С. И. Новикова расстреляли, главный инженер В. М. Гинсбург умер в Тобольской тюрьме через четыре месяца после ареста, не выдержав пыток и «круглосуточных допросов». Судьба начальника Н. Н. Беретти остается неизвестной. Он держался на следствии стойко, отрицая существование на заводе какой-либо контрреволюционной организации [9, с. 359–360].

Трагизм ситуации усугублялся тем, что ошибка в выборе места под строительство оказалась не разовой умышленной «диверсией», а долгосрочным природно-климатическим фактором, преследовавшим завод годами. В объяснительной записке к отчету за 1940 г. зафиксировано, что «территория лесозавода расположена на низком месте, вследствие чего в годы с высоким уровнем воды... вся территория затапливается» [7, л. 28]. В архивных документах зафиксирована информация о крупных наводнениях не только в 1937 г., но и в 1939 г., и 1941 г. Паводок 1941 г. нанес куда больший ущерб (убытки составили порядка 500 тыс. руб.), разрушив подштабельные места, узкоколейные пути, береговую бревнотаску и сушилку. Простой мощностей тогда достиг 31,4 % [8, л. 54].

После ареста Н. Н. Беретти должность директора занял Савиных, затем (в сентябре 1938 года) – Новицкий. В 1937 г. комбинат введен в эксплуатацию. Официальное название предприятия – «Белогорский лесопильный завод Омского территориально-производственного Главного управления Северного морского пути» [1, с. 271]. Вслед за этим завод неоднократно переименовывался и менял подчинение: с 1938 г. лесозавод подчинялся тресту «Обьлес», а с марта 1940 года – Ханты-Мансийскому ЛПХ (треста «Обьлес») [7, л. 28].

К концу 1930-х гг. Белогорский лесозавод (в документах часто фигурирующий как Белогорский комбинат, БК) оформился как многопрофильное предприятие. Основными направлениями деятельности стали лесопиление, деревообработка, заготовка авиационной древесины (авиазаготовки) и мебельное производство.

Техническое оснащение лесозавода по состоянию на 1940 г. представляло собой типичный для того времени набор оборудования смешанного типа (импортного и отечественного). На предприятии было установлено и эксплуатировалось: локомотив ЛМ-170 НР, генератор 116 кВ, лесорамы РЛП-75, обрезной двухпильный станок, торцовки, береговая и амбарная лесотаска, маятниковые пилы, транспортер от рамы и обрезного станка, рольганг к обрезному станку, четырехсторонний строгательный станок «Верониус», узкоколейные пути с вагонетками для развозки пиломатериала, двухбарабанная лебедка с двигателем «Червонный прогресс 18 НР», делильно-реечный ребровый станок с ручной подачей. Хозяйственный блок был представлен: столярной мастерской, ремонтно-механической мастерской, тракторным парком, конным двором, пожарным депо и др. Основной продукцией являлись пиломатериалы, тес, плаха и брус, вырабатываемые из сосны, кедра и лиственницы [7, л. 28]. Сырье поставлялось из Кондинского и Остяко-Вогульского ЛПХ.

Объем выпуска товарной продукции к 1940 г. достиг 31 тыс. м³ в натуральном выражении (стоимостью около 905 тыс. руб.). К 1941 г. производственная база была расширена за счет ввода столярной и механической мастерских, строгального и электрического цехов. Предпринимались попытки организации собственного литейного производства [10].

В кадровой политике предприятие следовало общесоюзному тренду, внедряя методы ударничества и стахановского труда. По состоянию на 1 января 1941 года списочная численность рабочих завода составляла 275 человек. Из них 68 работников имели статус ударников, а трое были удостоены звания стахановцев [8, л. 54].

Таким образом, история становления Белогорского лесозавода в 1930-е – 1940 гг. является показательным примером противоречивой индустриализации Обского Севера. Проект, задуманный как «четырёхрамное» лесопильное предприятие для местных нужд, под влиянием ведомственных амбиций и логики плановой экономики, позже трансформировался в концепцию крупного лесопромышленного комбината. Однако данный замысел столкнулся с объективными инфраструктурными и природно-климатическими ограничениями, которые были проигнорированы на этапе проектирования.

Трагическая судьба первых руководителей стройки наглядно продемонстрировала механизмы поиска «вредителей» там, где имели место инженерные просчеты и непредвиденные обстоятельства. Регулярные наводнения последующих лет (1937, 1939, 1941 гг.) сделали очевидным, что выбор места для строительства был изначально ошибочным, опровергнув версию об умышленной диверсии.

К началу Великой Отечественной войны Белогорский лесозавод, несмотря на хронические убытки от стихии и логистические проблемы, состоялся как действующая производственная единица. Оснащение предприятия, освоение сложных видов продукции (авиадревесина, экспортная древесина, пиломатериалы и другие изделия) и формирование квалифицированного кадрового состава позволили ему занять важное место в экономике Ханты-Мансийского национального округа. Опыт его строительства стал тяжелым, но ценным уроком освоения северных территорий.

Литература

1. Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2024. Т. 6 : Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации / отв. ред.: Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. 720 с.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (далее – ГБУТО «ГАТО»). Ф. Р239. Оп. 1. Д. 5.
3. ГБУТО «ГАТО». Ф. Р721. Оп. 1. Д. 12.
4. Зубков К. И., Карпов В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М. : Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.
5. Зыкин И. В. Лесопромышленный комплекс Советского Союза в стратегии и практике индустриальной модернизации (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2025. 671 с.
6. Ипатов Е. М. Сделать наши предприятия рентабельными // Советская Арктика. 1936. № 9. С. 40–44.
7. Казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – КУ «ГАЮ»). Ф. Р58. Оп. 1. Д. 20.
8. КУ «ГАЮ». Ф. Р58. Оп. 1. Д. 24.
9. Коняев Н. И. Моя нечаянная Родина: художественно-документальное и историко-публицистическое повествование. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 527 с.
10. Кугаевская Л. Луговскому – 90 лет! // URL: <https://xn---dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2022/08/28/lugovskomu-90-let/> (дата обращения: 15.12.2025).
11. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района / Н. И. Загороднюк [и др.]. Тюмень : Мандр и К, 2003. 296 с.
12. Соколов А. А. Белогорский лесокомбинат // Советская Арктика. 1936. № 9. С. 45–47.
13. Спецуро Н. В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере // Советская Арктика. 1937. № 2. С. 81–88.
14. Тарасенков Г. Н. Обский север и его экономика (итоги и перспективы) // Советская Арктика. 1937. № 5. С. 74–94.

УДК 908

Воспоминания как источник о трудовой сфере города Тюмени в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Ковалева О. А.

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия

Аннотация. В центре внимания – собранные автором, отложившиеся в региональных архивах и опубликованные воспоминания тружеников Тюмени о рабочих буднях на промышленных предприятиях в военное время. Воспоминания позволяют реконструировать важнейшие события периода Великой Отечественной войны: процесс эвакуации, ввод заводов в эксплуатацию, сложности, преодолеваемые руководителями заводов и администрацией города. С помощью сопоставления воспоминаний с другими источниками военного времени выявляются их особенности и степень достоверности.

Ключевые слова: источники личного происхождения, Великая Отечественная война, труженики тыла

Memories as a Source of the Labor Life in Tyumen During the Great Patriotic War (1941–1945)

Kovaleva O. A.

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

Abstract. The focus is on the memoirs of Tyumen workers about everyday work at industrial enterprises during the war, collected by the author, deposited in regional archives and published. Memories allow us to reconstruct the most important events of the Great Patriotic War period: the evacuation process, the commissioning of factories, the difficulties overcome by the plant managers and the city administration. By comparing memoirs with other wartime sources, their features and degree of reliability are revealed.

Keywords: personal sources, the Great Patriotic War, home front workers

При реконструкции событий советской эпохи, в частности истории повседневности, незаменимы воспоминания очевидцев, благодаря которым можно не только дополнить подробностями известные факты, но и восстановить события, не отразившиеся в других документах. Как справедливо отметил уральский исследователь С. В. Кодан, «источники личного происхождения дают возможность более глубоко понять происходящее в контексте личности и эпохи» [14].

До войны в Тюмени была недостаточно сильна промышленность. Продолжали работать производства, начало которым было положено еще до 1917 г.: судостроение, станковое строительство, изготовление деревообрабатывающих станков и фанеры. Они были представлены такими предприятиями, как завод «Механик», судостроительный завод, лесозаводы «Республиканец» и «Красный Октябрь» (в июне 1943 года лесозаводы были объединены [10, л. 3]), фанерокомбинат, овчинно-шубный завод им. Кирова, сапоговаляльная фабрика им. Челюскинцев.

В первые дни войны началась масштабная эвакуация населения и промышленных предприятий в глубокий тыл. В ходе волн эвакуации 1941–1942 гг. Тюмень приняла около 20 тыс. человек [6, л. 3]. В октябре 1941 года в Тюмень начали прибывать первые эшелоны с промышленным оборудованием. Всего город принял 28 заводов, после объединения друг с другом и местными производствами их число составило 22 [8, л. 188]. Несмотря на жесткие

требования по организации эвакуации заводов, часть прибывшего оборудования не имела описей и технической документации. Не хватало и рабочих рук, например, из 835 рабочих киевского завода «Красный экскаватор» в Тюмень прибыло только 78 человек [19, с. 193].

Подготовка заводов к вводу в эксплуатацию велась в тяжелейших условиях кадрового дефицита, нехватки оборудования и материалов. Как позднее вспоминал это время ветеран Тюменского аккумуляторного завода Т. А. Савинов: «Сутками работали на “народной стройке” – так мы называли прокладку деревянной канализационной трубы. Ведь без стока промышленных вод наше аккумуляторное производство невозможно. Вот и пришлось тянуть длинную, от завода на улице Луначарского до реки Туры, траншею глубиной в четыре метра. И это в морозы, которые перехлестывали порой пятидесятиградусную отметку! Разводили костры через каждые десять метров, чтобы хоть немного прогреть промерзшую до крепости камня землю, потом брались за ломы и лопаты» [2]. Цеха автотракторного завода расположили в «небольшом деревянном рубленом» здании мельницы 1915 г. постройки, а «для некоторых цехов, например, для цеха № 4, построили навес из досок – укрыли станки от дождя и начали работать» [16].

Проблемой в Тюмени военных лет была и острая нехватка электроэнергии. Из-за перебоев в электроснабжении часть работ выполнялась работниками вручную. Например, в штамповочном цехе завода АТЭ-2 работники под руководством начальника Александра Струве изготавливали детали на механических прессах, «раскручивая маховик пресса и пытаясь вырубить небольшую деталь из фибры. Не всегда это удавалось, пресс “садился”. Поднимали ползун и снова раскручивали. И так попытка за попыткой, пока не получится» [16].

Несмотря на тяжелый адаптационный период, уже в начале 1942 г. заводы поставляли продукцию на фронт. Нехватку кадров решали путем оптимизации имевшихся трудовых ресурсов и привлечения на производство молодежи и женщин. Люди приходили на производство по двум основным причинам: первая заключалась в массовом патриотизме и жертвенности, присущим советским людям, вторая – в соображениях материального характера, ведь в условиях введенной карточной системы включенность в производственные отношения гарантировала увеличение продовольственной нормы [20, с. 4; 16].

Женщины массово приходили на производство, трудились электромонтерами, кочегарами, слесарями, ремонтниками промышленного оборудования, выполняли физически тяжелую работу [13, с. 3]. Социально одобряемое отношение самих работниц к труду выражено в воспоминаниях работавшей в годы войны помощником машиниста Н. В. Федоровой: «Менять работу, искать легкий труд даже в голову не приходило. Тогда все понимали: идет кровавая нешуточная бойня... И если не мы, женщины, девушки, то кто же будет водить воинские поезда, обеспечивать наших защитников техникой, продовольствием и всем необходимым?» [22, с. 30]. Условия труда были непростыми: по воспоминаниям В. П. Кулаковой, в лыжном цехе ДОКа работали почти одни женщины («...приходилось самим ворочать огромные деревянные чураки. Бревна были слишком тяжелыми, поэтому толкали их под распил животом, наваливаясь всем телом...» [1]).

Как отмечалось на Тюменской городской партийной конференции, уже к концу 1942 г. «в промышленность и на транспорт влилось 10 620 человек – новых необученных рабочих, преимущественно домохозяйки, молодежь, подростки» [7, л. 62].

Сохранились в воспоминаниях тюменцев и особенности норм трудового законодательства военных лет. Начало утренней смены на заводах – в 8 часов, за опоздание полагалось жесткое наказание – от лишения хлебных талонов и снижения заработной платы до тюремного заключения [23].

Действительно, уже 26 июня 1940 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, введивший наказание: от двух до четырех месяцев лишения свободы за самовольный уход с работы. После 22 июня 1941 года процесс ужесточения трудового законодательства был продолжен. Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 года вводил обязательные сверхурочные работы и отменял отпуска [17]. В конце 1941 г. было ужесточено наказание за самовольный уход с предприятий: виновные приравнивались к дезертирам и карались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет [18].

Строгость наказания за нарушение трудовой дисциплины в военное время не могла привести к полной ликвидации этой проблемы. Так, на собрании партбюро химико-фармацевтического завода им. Карпова в феврале 1942 года фиксировалось 37 случаев нарушения дисциплины (опоздания, невыход на работу, самовольный уход с завода) только за первую половину месяца [4, л. 29]. На Боровом торфопредприятии в 1944 г. отмечалось, что невыход рабочих на работу в месяц в среднем составляет 90 человек [9, л. 1]. Работница завода «Механик» в 1944 г. была привлечена к уголовной ответственности лишь после совершения четырех прогулов [5, л. 46].

Производственные успехи тюменских труженников поощрялись, для этого использовались материальные и нематериальные стимулы. Материальное поощрение, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 года «О порядке снабжения продовольствием и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий», выражалось в выдаче дополнительных карточек на продукты, снабжение ударников производства товарами широкого потребления, обеспечение первоочередного выполнения их бытовых запросов [11, л. 40].

Более широко использовались для поощрения работников нематериальные стимулы труда. Так, ветеран завода строительных машин Н. А. Долгих, пришедший работать туда в 1942 г. 15-летним подростком, отмечал большую ценность именно моральных стимулов (плакаты с поздравлениями трудовой бригаде, оформленные на проходной завода, заметки в заводской газете), нежели материальную «награду» за ударную работу (дополнительное питание – баланда с галушками) [3].

Трудовая повседневность тюменских рабочих была непростой, однако людям удавалось сохранить бодрость духа. Многие труженники тыла участвовали в художественной самодеятельности, выступали перед ранеными бойцами, находившимися на излечении в тюменских госпиталях [15, с. 60]. Во многом этот настрой объясняется возрастным составом населения города: по состоянию на 1 января 1939 года средний возраст тюменцев составлял 27 лет [21, л. 111].

В основе повседневной жизни тюменцев, как и жителей других городов СССР, лежал тяжелый труд на местных и эвакуированных предприятиях в целях обеспечения нужд фронта. Воспоминания труженников тыла помогают лучше понять особенности жизни и работы в тылу, создают эмоциональную и «живую» панораму каждодневных, рутинных действий, бытовых особенностей, организации труда. Важно помнить, что источники личного происхождения отличает субъективность, избирательность запечатленных сюжетов. В случае с Великой Отечественной войной имеет место также ориентация на социально одобряемые сюжеты. Так, в воспоминаниях не нашли отражение темы социальных противоречий, конфликтов на производстве, конкуренции. Для более объективной реконструкции трудовой сферы тыловой повседневности необходимо сопоставлять воспоминания с другими источниками.

Литература

1. 1940-е годы представляют: Василий Кожурин // Сибирское богатство. URL: <https://tyumedia.ru/141291.html> (дата обращения: 04.12.2025).
2. 1940-е годы представляют: Тихон Савинов // Сибирское богатство. URL: <https://tyumedia.ru/141297.html?ysclid=lscriww1i665532649> (дата обращения: 04.12.2025).
3. Воспоминания Н. А. Долгих (1926 г. р.). (записаны автором).
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 2913. Оп. 2. Д. 1. Л. 29.
5. ГАСПИТО. Ф. 3503. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.
6. ГАСПИТО. Ф. П124. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
7. ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 1001. Л. 62.
8. ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 948. Л. 188.
9. ГАСПИТО. Ф. 2910. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 4. Д. 2884. Л. 3.

11. Государственный архив Тюменской области. Ф. 754. Оп. 1. Д. 15. Л. 40.
12. И дети приближали Победу // Тюменская правда. 25.11.2015. URL: <https://tyumpravda.ru/2015/11/25/i-deti-priblizhali-pobedu/> (дата обращения: 05.12.2025).
13. Карабанова Л. Самоотверженный труд // Омская правда. 15.10.1941. С. 3.
14. Кодан С. В. Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические основы исследования // UNIVERSUM JURIS. 2017. № 1. URL: <https://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32> (дата обращения: 03.03.2026).
15. Кошачевская Л. М. Работали, не покладая рук // Литературно-краеведческий альманах. 2011. № 2. С. 59–60.
16. Люди и судьбы // История Тюменского завода автотракторного электрооборудования (АТЭ). URL: <http://www.ate-memory.ru/index.php/lyudi-i-sudby> (дата обращения: 05.12.2025).
17. О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время : указ от 26.06.1941 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4322.htm (дата обращения: 05.12.2025).
18. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : указ от 26.12.1941 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 05.12.2025).
19. Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень : Тюмень, 1994. 272 с.
20. Память воскрешает : сб. воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны / ред.-сост.: П. Цацульников [и др.]. Кн. 3. Тюмень : [б. и.], 1996. 157 с.
21. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1045. Л. 111.
22. Тыл – это половина Победы / сост. А. Т. Шевчук. Тюмень : Тюменский Дом печати, 2006. 116 с.
23. Тюмень – колыбель сибирского судостроения. URL: <http://tumentoday.ru/2015/01/23/тюмень-колыбель-сибирского-судост/> (дата обращения: 05.12.2025).

УДК 94(47)

Боевое участие телеутского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Морозов Н. И.

Томский государственный университет, Томск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено участие телеутов в боевых действиях Великой Отечественной войны. Актуальность тематики обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти об участниках войны и освещении вклада коренных малочисленных народов в Победу. Кратко описана политика Советского государства по отношению к телеутскому народу в предвоенный период. Указаны некоторые национальные герои, представители телеутского народа, отличившиеся во время войны, их боевой путь, проблемы исследования вклада телеутского народа, в целом коренных народов Западной Сибири, в Победу, политика сохранения исторической памяти об участии телеутского народа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Советский Союз, Западная Сибирь, телеутский народ, телеуты

Military Participation of the Teleut People in the Great Patriotic War 1941–1945

Morozov N. I.

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The article examines the participation of Teleouts in the fighting of the Great Patriotic War. The relevance of the topic is due to the need to preserve the historical memory of the participants in the war and highlight the contribution of indigenous peoples to the Victory. The policy of the Soviet state towards the Teleut people in the pre-war period is briefly described. Some national heroes, representatives of the Teleut people who distinguished themselves during the war, and their military path are indicated.; the problems of studying the contribution of the Teleut people, in general, the indigenous peoples of Western Siberia to the Victory of the policy of preserving the historical memory of the participation of the Teleut people in the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet Union, Western Siberia, Teleut people, Teleuts

Единство советских людей обеспечило победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Гитлеровское руководство делало ставку на разжигание межнациональной розни и ненависти между народами СССР, однако произошло обратное: в момент смертельной опасности многонациональный советский народ сплотился.

Дружба народов в годы Великой Отечественной войны помогала как на фронте, так и в тылу. Формировались национальные дивизии и бригады, со всех регионов Советского Союза; взаимовыручка солдат разных национальностей проявлялась при обороне Москвы, Ленинграда, Севастополя, Минска, Кишинева и других городов. В тылу представители разных советских народов трудились бок о бок, приближая Победу. Не остались в стороне и представители коренных народов Западной Сибири, в том числе телеуты.

Политика Советского государства была направлена на изменение образа жизни телеутов как коренного народа Западной Сибири. Октябрьская социалистическая революция привела к установлению в России власти партии большевиков. Практически сразу ими были приняты общеизвестные декреты о земле и мире. Декларация прав народов России, принятая 2 ноября 1917 года, закрепила право народов России на образование национальных государств, обладающих самостоятельностью, а также на развитие своих национальных культур, в ней были отменены все привилегии по национальному признаку [1]. Декларация стала первым нормативным документом Советского государства, регулировавшим национальную политику.

Конституция РСФСР от 10 июля 1918 года закрепляла положения, касавшиеся национальных отношений. Согласно статьи 2, «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза наций, как федерация советских национальных республик» [2]. В статье 22 провозглашался принцип равноправия советских граждан без учета их национальной и расовой принадлежности, что было неоднократно подтверждено последующими советскими Конституциями.

Говоря о политике Советского государства по отношению к телеутскому народу, следует отметить, что в середине 1920-х гг. происходило изменение административно-территориального деления районов, в которых проживали телеуты. Например, произошло образование двух сельских советов: Челухоевского и Шандинского. В 1930-е гг. продолжилось формирование новых районов [3, с. 4]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начинается коллективизация сельского хозяйства, которая не обошла стороной и Западную Сибирь, в том числе территории проживания телеутов. Исследователь Е. А. Орлова обратила внимание на данный процесс, рассмотрев критерии, по которым человек считался «кулаком» [9, с. 61–62]. По ее мнению, политика коллективизации телеутских хозяйств имела экономический и принудительный характер, что проявлялось в частности в лишении избирательных прав противников данной политики.

С начала Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и ее сателлитов телеуты включились в борьбу с захватчиками. Телеутский народ имеет своих национальных героев Великой Отечественной войны и по праву гордится ими.

Алексей Семёнович Четонов (1916–1945) является единственным представителем телеутского народа, награжденным званием Героя Советского Союза. В 1941 г. он был повторно

призван в ряды Красной армии, воевал на Центральном, Белорусском и 1-м Белорусском фронтах. Будучи во главе взвода, 30 января 1945 года Алексей Семёнович переправился через р. Одер и занял плацдарм для последующей атаки. Противник пошел в наступление, но Четонов смог подавить огонь двух немецких пулеметных точек, однако был смертельно ранен в бою [5, с. 2].

Еще одним славным представителем телеутского народа, отличившимся во время Великой Отечественной войны, был Степан Александрович Накаев (1913–1995). Он был призван в Красную армию в 1941 г., служил в звании младшего сержанта 54-го полка железнодорожных эшелонов в должности наводчика орудия зенитно-пушечно-пулеметного взвода. В 1945 г. Степан Александрович участвовал в Советско-японской войне, после окончания которой трудился в совхозе «Антоновский» [6].

Иван Афанасьевич Бариев (1922–1942), представитель телеутского народа, храбро сражался на фронте с врагом. Он был призван в армию и воевал в составе 847-го стрелкового полка 303-й Кузбасской стрелковой дивизии. В июле 1942 году Иван Афанасьевич погиб в бою под Воронежем [7].

Иван Егорович Чебельков (1923–1995) освобождал Варшаву и дошел до Берлина [8]. Иван Арефьевич Тушманаков (1924–2002) родился в Белово, на фронте служил с июня 1944 года, участвовал в освобождении Австрии, Чехословакии и Венгрии, воевал с Японией, награжден наградами, среди которых «За взятие Праги», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией» [9].

Степан Гаврилович Алтарышев (1909–1985) с самого начала Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной армии, нес службу в звании сапера 41-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона, отмечен наградами [10].

Иван Яковлевич Кочубеев (1915–1945) ушел на фронт в должности санитарного инструктора, в 1943 г. награжден орденом Красной Звезды. В июле 1943 года во время боя под д. Самодуновка он вынес с поля боя свыше 20 раненых бойцов, погиб в апреле 1945 года под Берлином [11].

Дмитрий Михайлович Сатин (1921 г. р.) был призван в Красную армию в марте 1942 года, участвовал в боях под г. Старая Русса, затем переброшен на Орловско-Курскую дугу, отличился при форсировании Днестра, участвовал в освобождении Польши, Венгрии, Австрии и Чехословакии, по окончании Великой Отечественной войны принимал участие в войне с Японией в Маньчжурии [12].

Петр Александрович Тыдыков (1904–2000) во время Великой Отечественной войны проходил службу в 112-м стрелковом полку 127-го стрелкового корпуса в звании красноармейца, воевал на Карельском перешейке, в Норвегии, Чехословакии, был ранен [13].

Николай Васильевич Атыскин (1919–1945) был призван в Красную армию в мае 1942 года Новокузнецким районным военным комиссариатом в звании рядового, участвовал в обороне Ленинграда, освобождал Венгрию, где погиб 3 апреля 1945 года [14].

Значителен вклад тружеников тыла из числа телеутов в Победу. В военные годы из телеутских сел на нужды фронта был собран 1 млн руб., поставлялись обмундирование, обувь, продовольствие [15].

Важно рассмотреть политику сохранения исторической памяти, проводимую в Кемеровской области – Кузбассе. Так, в комплекс памятных мероприятий входят уроки памяти и мужества, тематические лекции, организовываются театральные представления, книжные выставки.

Исследование вклада телеутского народа в Победу в Великой Отечественной войне, сохранение исторической памяти об этом сопряжены с определенными трудностями. Это связано с расхождениями в источниках, а также в необходимости систематизации материала. Так, в книгах Памяти, как отмечено исследователями, указан далеко не полный перечень представителей телеутского народа, участвовавших в войне, с этим же связано отсутствие некоторых имен участников войны на памятниках. Информация о том, как представители телеутского

народа участвовали в войне, разная, что связано с наличием мнения о том, что коренные малочисленные народы Советского Союза не призывались в армию, чтобы сохранить их генофонд, однако и телеуты, и представители других коренных народов СССР добровольно шли в военные комиссариаты с требованием отправить их на фронт.

Говоря о сохранении исторической памяти об участии телеутского народа в Великой Отечественной войне, можно выделить проблему низкого уровня исторического образования среди молодых людей, что проявляется в полном или частичном отсутствии знаний у молодежи о событиях и участниках войны. Не стоит забывать о проблеме искажения истории, что на сегодняшний день является частым явлением.

При исследовании вклада коренных народов Западной Сибири в Победу в Великой Отечественной войне существует проблема недостатка архивных документов по данной тематике. Так, в Государственном архиве Томской области выявлено всего три архивных документа, представляющих научный интерес. В связи с этим исследователи зачастую вынуждены прибегать к материалам периодической печати. Поиск конкретных имен представителей западносибирских народов, внесших вклад в Победу, сложен, герои зачастую остаются неизвестными, в документах указаны только их годы жизни и инициалы.

Одной из проблем сохранения исторической памяти является фокусирование внимания исследователей на анализе «военного аспекта», участия народов в войне. В связи с этим не изучается их повседневная жизнь в военные годы, адаптация к условиям времени. Устные и письменные источники должны быть подвергнуты внутренней и внешней критике – важное правило работы историка, которое часто не соблюдается исследователями.

Телеутский народ вместе с другими народами Советского Союза внес достойный вклад в Победу в Великой Отечественной войне. Его представители по праву могут гордиться национальными героями, мужественно сражавшимися за Родину. Исследование вклада телеутского народа в Победу в войне сопряжено с такими трудностями, как недостаток сведений об участии телеутов в войне, утрата архивных и наградных документов, отражающих факт участия различных лиц в боевых действиях или на работе в тылу, низкий уровень исторической грамотности молодежи.

Литература

1. Атыскин Николай Васильевич // Память народа. URL: <https://s.libnvkz.ru/99k/> (дата обращения: 03.12.2025).
2. В Кузбассе реализуется региональный историко-патриотический проект «Героические истории мужества коренных народов Кузбасса. Вклад в Победу!» // Министерство культуры и национальной политики Кузбасса. 18.02.2025. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/novosti-natsionalnaya-politika/12763/> (дата обращения: 06.12.2025).
3. Горбенко К. А. Вклад телеутского народа в Победу в Великой Отечественной войне // Образование. Карьера. Общество. История и археология. 2020. С. 51–52.
4. Декларация прав народов России от 02.11.1917 (утратила силу). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_народов_России/ (дата обращения: 28.11.2025).
5. Кимеев В. М. Исторические судьбы телеутов : учеб. пособие. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2017. 142 с.
6. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10.07.1918 (утратила силу). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1918\)/](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1918)/) (дата обращения: 28.11.2025).
7. Коренные народы Кузбасса – участники Великой Отечественной войны // Библиотека им. Н. В. Гоголя. URL: <https://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/1941-1945/korennyenarody-uchastniki-vov/> (дата обращения: 03.12.2025).
8. Кочубеев Иван Яковлевич // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero78596329/> (дата обращения: 03.12.2025).

9. Орлова Е. А. Создание колхозов у телеутов в 1929–1933 гг. (на основе документов из фондов Государственного архива Кемеровской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 59–64.
10. Память о наших Героях // Кузбасс. 27.03.2025. URL: <https://kuzbass85.ru/2025/03/27/pamyat-o-nashih-geroyah/> (дата обращения: 03.12.2025).
11. Сатин Дмитрий Михайлович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero100867041/> (дата обращения: 03.12.2025).
12. Тушманаков Иван Арефьевич // Централизованная библиотечная система г. Белово. 2025. URL: https://belovo-lib.kmr.muzkult.ru/Tushmanakov_I_A/ (дата обращения: 03.12.2025).
13. Тыдыков Петр Александрович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero31919786/> (дата обращения: 03.12.2025).
14. Храбрый телеутский народ // Знаменка. 30.04.2025. № 17.
15. Шорцы и телеуты – участники Великой Отечественной войны из Новокузнецкого городского округа // Государственная научная библиотека Кузбасса им. В. Д. Федорова. 2025. URL: <https://kemrsl.ru/shorczyi-i-teleutyi-uchastniki-velikoj-otechestvennoj-vojni-iz-g.-novokuzneczka.html/> (дата обращения: 02.12.2025).

УДК 93/94

Проблемы функционирования областной газеты «Советская Сибирь» в годы Великой Отечественной войны

Туржанов Е. К.

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Аннотация. В статье автор охарактеризовал работу новосибирской областной газеты «Советская Сибирь» в годы Великой Отечественной войны. Выделены проблемы функционирования областной газеты в военное время, установлены основные задачи региональной печати, представлены условия работы газеты.

Ключевые слова: «Советская Сибирь», Великая Отечественная война, областная газета

Problems of Functioning of the Regional Newspaper *Sovetskaya Sibir* During the Great Patriotic War

Turzhanov E. K.

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Abstract. In the article, the author described the work of the Novosibirsk regional newspaper *Sovetskaya Sibir* during the Great Patriotic War. The problems of the functioning of the regional newspaper in wartime are highlighted, the main tasks of the regional press are established, and the working conditions of the newspaper are presented.

Keywords: *Soviet Siberia*, the Great Patriotic War, regional newspaper

В годы Великой Отечественной войны средства массовой информации играли огромную роль в деле обеспечения победы. Наравне с противостоянием на фронтах шло информационное противоборство между СССР и нацистской Германией. Печать и радио транслировали идеи и смыслы, влиявшие на мотивацию и умы солдат и офицеров на фронте, тылового населения, трудящегося на благо Родины. Региональные сибирские газеты были важным средством агитационно-пропагандистского аппарата Советского государства в тылу, ковавшем Великую Победу.

Сибирская периодическая печать военных лет давно изучается исследователями. В основном их труды посвящены конкретным проблемам, отраженным в газетах: детской повседневности [15, с. 76–82], Русской православной церкви [2, с. 46–53], газетному юмору, смеховым практикам [17, с. 172–184] и т. д. Рассматривались материально-технические проблемы региональной печати в годы Великой Отечественной войны [10, с. 227–232], ресурсное обеспечение областных газет [14, с. 114–117], изменение работы газеты в военное время [12, с. 141–146]. Представление о работе региональных печатных изданий в военные годы носит фрагментарный характер, внимание в основном сосредоточено на центральных изданиях и фронтовой печати, их проблематике.

Целью исследования является описание функционирования новосибирской областной газеты «Советская Сибирь» в годы Великой Отечественной войны.

С началом войны печать переживала период изменений. Многие издания были сокращены, в частности районные газеты, остальные выходили небольшим тиражом, и все содержание выпусков газет подчинялось законам военного времени. Кадровый состав газеты также претерпевал изменения. Многие работники газет уходили на фронт в связи с объявленной мобилизацией. В первые месяцы ведения боевых действий на фронт ушло 17 сотрудников «Советской Сибири», в том числе пять заведующих отделами новосибирской газеты, – около 13 сотрудников не вернулись с Великой Отечественной войны [1, с. 354]. Каждый шестой работник газеты (примерно 14,5 % штата коллектива) ушел на фронт [16, с. 44], поэтому отсутствие такого количества людей сказывалось на функционировании редакции газеты. Большинство работников «Советской Сибири» после мобилизации мужской доли населения на фронт составляли женщины. В издательстве они выполняли функции корректоров, наборщиков, печатников и верстальщиц. Приходилось действовать оперативно на каждое изменение и поправку, особенно если это касалось рубрик военного характера – на поправки в сводках Советского информационного бюро. В связи с этим определена первая проблема функционирования газеты – нехватка кадрового состава, то есть квалифицированных работников на местах.

Экстремальные условия войны потребовали не только кадровой перестройки, но и нового содержания, наполнения газетного материала, оперативно реагировать на изменявшиеся события и выпускать соответствующий материал, отвечавший условиям и задачам советского агитационно-пропагандистского аппарата.

Война поставила перед «Советской Сибирью» определенные задачи: формировать общественное мнение вокруг проблемы, например, работы предприятий угольно-добывающей промышленности, стимулировать тыловое население и внутренние ресурсы на борьбу за более высокие темпы работы, на страницах газет показывать лучших работников предприятий оборонной промышленности, помочь партийным работникам в проведении партийно-массовой работы на предприятиях оборонного характера. Все сводилось к одному – как можно больше обеспечить нужды фронта.

Не со всеми задачами справлялась новосибирская газета. Ошибки, недочеты сопровождали материалы газеты почти на всем протяжении военного конфликта. Ярким примером являлась ситуация вокруг освещения работы горняков шахт Кузбасса. Перед редакцией в вопросе освещения работы горняков стояли задачи: активизировать общественное мнение вокруг темы подъема добычи угля; мобилизовать внутренние ресурсы на борьбу за более высокие темпы работы; развернуть на страницах газеты широкий показ передового опыта лучших стахановцев Кузбасса; помочь партийным организациям в развертывании партийно-массовой работы на шахтах Кузбасса. Пропаганда героического труда была одной из важных задач печати в военное время, и недочетам в этом направлении уделялось пристальное внимание советских партийных органов. На одном из областных совещаний редакторов газет, которое состоялось в октябре 1942 года, был поднят вопрос освещения работы шахт Кузбасса в газете «Советская Сибирь». Редакцию обвиняли в том, что она не отобразила виновников срывов

добычи угля и жестоко не осудила руководителей шахт Кузбасса. Газета должна была направить «всю ярость на конкретных виновников срыва, но этого сделано не было» [11, л. 61].

Новосибирская газета слабо отражала патриотический подъем колхозников, рабочих и интеллигенции, который проявлялся в разнообразных формах участия рабочих в рамках сельского хозяйства. Работники отдела пропаганды и агитации указывали редакции газеты на конкретные недочеты в печатном материале. Например, опубликовав обращение колхоза «Политотделец» ко всем рабочим, колхозникам совхозов и машинно-тракторных станций о социалистическом соревновании на лучшую подготовку и уборку урожая, ««Советская Сибирь» не сделала это обращение средством развертывания массового социалистического соревнования, подъема колхозных масс и сама забыла о нем». За время с 1 по 12 августа в газете не было ни одного слова об обращении этого колхоза. Никакого показа, как оно было подхвачено другими колхозами, не было. Делался вывод о том, что обращение писалось ради заполнения газетной полосы [3, л. 9]. Также редакция газеты обвинялась в недостаточном освещении хода и уборки урожая, отсутствии в газете информации о ходе социалистического соревнования, его организующей роли между колхозами, МТС, районами [9, л. 10]. Недостаточно освещалась работа в направлении сбора металлов: «случайные крохотные заметки», данные на подверстку в нескольких номерах «Советской Сибири» за август [9, л. 10]. Исходя из этой ситуации, в которой оказалась новосибирская газета в октябре 1942 года, можно обозначить вторую проблему функционирования газеты – партийный контроль за содержанием газетных публикаций. Отдел пропаганды и агитации отслеживал выпускаемый материал: если материал не соответствовал задачам военного времени, на областных совещаниях редакторов газет происходил «разбор полетов», то есть выяснились причины невыпуска/выпуска того или иного газетного материала.

Проблемы с содержанием наблюдались и в центральной части газетного выпуска – передовой статье. В годы войны она стала более агитационной, публицистичной по своему содержанию и стилю. Агитационный характер особенно усилился в начале Великой Отечественной войны: статьи призывали воинов, тружеников тыла к конкретному действию, звучали как призывы, обращения, боевой сигнал [12, с. 122–124]. Передовая статья выполняла мобилизующую, воспитательную и организующую роли и для тылового населения, и для солдат, офицеров на фронте. Создание передовых статей в «Советской Сибири» военного времени стало проблемой: исчезли материалы на местные темы, в основном использовались перепечатки с центральной газеты «Правда», тем самым снижалась роль газеты как органа Новосибирского областного комитета ВКП(б) [8, л. 12]. С этим связана третья проблема – недостаточная работа над материалом газеты.

Работа с местными районными и сельскими корреспондентами тоже была ахиллесовой пятой редакции «Советской Сибири»: приходило в среднем 30–40 писем от рабселькоров, хотя их числилось была свыше тысячи человек. Недостаточно тщательную работу с ними можно выделить как четвертую проблему [8, л. 12].

Большинство страниц новосибирской газеты заполнялись штатными сотрудниками, внештатные сотрудники не участвовали в формировании материала, что тоже ставилось в вину редакции «Советской Сибири» [8, л. 12], – это пятая проблема.

Газета обвинялась и в слабой работе непосредственно с самими агитаторами и пропагандистами, местной районной печатью. Этот факт признавал сам заместитель редактора газеты: на одном из выступлений 1 марта 1943 года он подчеркнул отсутствие помощи по отношению к районным газетам, «Советская Сибирь» не размещала обзоры печати районных газет. В целом обзоры печати выходили в свет крайне редко, за полгода новосибирская газета напечатала только два обзора печати, и те на случайные темы. Вопросы агитации и пропаганды не находили широкого освещения. Газета мало помогала агитаторам и пропагандистам, слабо освещала практический опыт, не давала ни одной статьи им в помощь [5, л. 350]. Недостаточная работа с агитаторами и пропагандистами, отсутствие взаимодействия с районной печатью – пятая и шестая проблемы новосибирской газеты в годы Великой Отечественной войны.

«Советская Сибирь» допускала брак и опечатки при изготовлении номеров газет. По сведениям, за 5 августа 1941 года получился брак в 25 тыс. экземпляров, затрачено при этом было около тонны бумаги, убыток составил около 3 тыс. руб. Опечатки содержались в обращении металлургов г. Сталинска о создании фонда обороны, а также опечатка была обнаружена после печати 300 экземпляров листовок [6, л. 13].

Ошибки были и в донесении информации до читателей, информация искажалась и не отражала реальную обстановку на местах. Например, в номере газеты от 20 июня 1943 года была помещена фотография «звено косцов колхоза им. III Интернационала, Коченевского района, за работой», но колхоз этот назывался не III Интернационал, а Коминтерн, еще 20 июня 1943 года газета сообщала, что это «звено за работой», фактически же в момент обследования, то есть 29 июня 1943 года, ни одного метра ручными косами не скошено, колхоз только начал косить конными носилками, скошено было до 5 га. Ни одной тонны силоса заложено не было. В кладовой колхоза имелось всего несколько кос [7, л. 132].

Несмотря на недостаточное освещение некоторых тем в газете, положительные моменты были: редакцию хвалили за организованность освещения откликов на обращение металлургов Сталинска о создании фонда обороны, в газете систематически давались содержательные подборки, но инициаторы этой идеи вспоминались газетой все реже с каждым номером [9, л. 10]. Уделялось внимание бытовой стороне жизни шахтера: освещались такие вопросы, как столовая, рабочее место, раскомандировка, нарядная, выступления шахтеров. Газета показывала передовиков производства на промышленных предприятиях [4, л. 65].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны новосибирская областная газета «Советская Сибирь» испытывала проблемы разного характера: с кадровым составом из-за призыва мужского населения на фронт; со строгим партийным контролем над редакцией газеты, диктовавшим то, как должен выглядеть материал и каким требованиям, критериям соответствовать; с недостаточной работой над самим материалом газет, передовой статьей как самой важной частью номера, слабым взаимодействием с районными и сельскими корреспондентами, отсутствием привлечения внештатных сотрудников к работе с самим содержанием газет; недостаточной работой с агитаторами и пропагандистами; отсутствием взаимодействия с местной районной печатью, наличием брака и ошибок при работе над материалом газеты. Тем не менее газета старалась выполнять свою главную функцию – пропагандировать героический труд в тылу, привлекать как можно больше населения к участию в социалистических соревнованиях.

Литература

1. Анкудинова Н. Н., Баяндин В. И., Белкина Л. П. «Советская Сибирь» // Журналистская энциклопедия Новосибирской области / под ред. А. Г. Челнокова. Новосибирск : Новосибирская областная организация Союза журналистов России, 2008. 435 с.
2. Буюкли Д. А. Православие в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Северный рабочий» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2021. Т. 15, № 1 (55). С. 46–53.
3. Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области» (далее – «ГАНО»). Ф. П-4. ОП. 6. Д. 142. Л. 9.
4. ГАНО. Ф. П. 4. ОП. 6. Д. 136. Л. 65.
5. ГАНО. Ф. П. 4. ОП. 7, Д. 212. Л. 350.
6. ГАНО. Ф. П. 4. ОП. 7. Д. 212. Л. 13.
7. ГАНО. Ф. П. 4. ОП. 7. Д. 270. Л. 132.
8. ГАНО. Ф. П-4. ОП. 6. Д. 142. Л. 12.
9. ГАНО. Ф. П-4. ОП. 6. Д. 142. Л. 10.

10. Гетманцев Л. В. Редакция и типография газеты «Путь Ленина» Владимирского района в годы Великой Отечественной войны // Астраханские краеведческие чтения : сб. статей XV Всерос. науч.-практ. конф., Астрахань, 6 окт. 2023 г. № 15. Астрахань : Сорокин Р. В., 2023. С. 227–232.
11. ГАНО. Ф. П. 4. ОП. 6. Д. 136. Л. 61.
12. Жуков С. И. Фронтная печать в годы Великой Отечественной войны. М. : Изд-во Московского университета. 1968. 147 с.
13. Нетесова М. В. Работа газет Новосибирской и Томской областей в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-1 (12). С. 141–146.
14. Нетесова М. В. Ресурсное обеспечение газеты «Красное Знамя» в годы Великой Отечественной войны // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 114–117.
15. Овчинников В. М. Моделирование детской повседневности в годы Великой Отечественной войны в газете «Пионерская правда» // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность : материалы междунар. науч. конф. в 2 т., Санкт-Петербург, 6–8 апр. 2023 г. Т. 1. Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. 2023. С. 76–82.
16. «Советская Сибирь»: 100 лет в полиграфии. Новосибирск, 2023. 169 с.
17. Чернова Н. В., Макарова Н. Н. Смеховые практики в годы Великой Отечественной войны в газете «Магнитогорский рабочий» // Новейшая история России, 2023. Т. 13. № 1. С. 172–184.

УДК 908

Библиотечные учреждения Югры в годы Великой Отечественной войны: виды, численность, книжные фонды

Асеева А. С.

Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование деятельности библиотечных учреждений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период Великой Отечественной войны. Методологическая база работы включает использование архивных материалов Государственного архива Югры и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, а также исследования историков культуры и библиотечного дела.

В работе приведен подробный статистический анализ численности библиотек округа, динамики изменения объемов книжных фондов и характера запросов читателей. Результаты анализа позволили выявить ключевые тенденции развития библиотечного дела Югры в исследуемый период и подчеркнуть вклад работников библиотек в общее дело Победы.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский национальный округ, библиотеки, Великая Отечественная война, социокультурная политика

Library Institutions of Yugra During the Great Patriotic War: Types, Numbers, and Book Collections

Asevova A. S.

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

Abstract. The article presents a comprehensive study of the activities of library institutions of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra during the Great Patriotic War. The methodological base of the work includes the use of archival materials from the State Archive of Ugra and the State Archive of Socio-Political History of the Tyumen Region, as well as research by cultural historians and librarians.

The paper provides a detailed statistical analysis of the number of libraries in the district, the dynamics of changes in the volume of book collections and the nature of readers' requests. The results of the analysis made it possible to identify key trends in the development of librarianship in Ugra during the period under study and highlight the contribution of library staff to the common cause of Victory.

Keywords: Khanty-Mansiysk National Okrug, libraries, the Great Patriotic War, socio-cultural policy

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью региональных аспектов развития и становления библиотечной отрасли в период Великой Отечественной войны на территории Ханты-Мансийского национального округа (далее – ХМНО).

Цель статьи – на основе комплексного анализа исследовательской литературы и архивных документов изучить деятельность библиотек в период Великой Отечественной войны.

Ханты-Мансийский национальный округ образован в 1930 г. в составе Уральской области. Округ характеризовался значительной отдаленностью населенных пунктов, недостаточно развитым хозяйством и транспортной инфраструктурой. По данным исследователя Л. В. Алексеевой, в период образования округа численность населения составляла 64 483 человека [1, с. 245], активно развивалась система культурных учреждений. Среди культурных учреждений довоенного периода преобладали избы-читальни и клубы. К началу Великой Отечественной войны было 74 избы-читальни, 6 домов культуры, 2 культбазы, 6 красных чумов, 132 сельских и профсоюзных клубов [2, с. 77].

Красный чум – мобильная передвижная бригада из нескольких человек разных профессий с широким кругом обязанностей для выездов по юртам. Оборудование красного чума состояло из радиопередатчика со всеми приборами и запасными частями на годовой срок, кинопередвижки, фотоаппарата, компаса, граммофона с пластинками и иглами, тетрадами для ликбеза, карандашами, плакатами, канцелярскими принадлежностями, географическими картами, инструментами, посудой, спецодеждой, медикаментами – всего могло быть до 80 наименований. С таким багажом красный чум должен был передвигаться от одного места кочевья к другому, чтобы вести пропагандистскую и просветительскую работу. Каждый чум имел оленей для передвижения, а в летнее время – лодки для обслуживания населения 200 отдаленных пунктов.

В красных чумах проводили собрания, читали газеты, обсуждали новости, обучали неграмотных. Красная лодка – настоящая плавучая база, в которой имелись комнаты для работников красного чума, общий зал для демонстрации фильмов и проведения концертов художественной самодеятельности, кухня, баня, комната медицинского работника.

Термин «культбаза» (КБ) определен в энциклопедии Ямало-Ненецкого автономного округа как комплексное учреждение культуры, объединявшее в себе хозяйственную, учебную и научно-исследовательскую деятельность. Создание культбаз регламентировано постановлением Комитета Севера в мае 1925 года. Они открывались в отдаленных районах округа с целью повышения культурно-просветительского уровня коренного населения. Первыми открытыми на территории ХМНО считаются Сосьвинская и Казымская КБ.

В 1930 г. на Казымской КБ на территории р. Казым открыты: школа-интернат, в которой обучалось более 200 детей, больница с рентгеновским кабинетом, электро-физиотерапевтический кабинет, хирургическое отделение. К учреждениям культбазы относились: библиотека, почта, радиостанция, ветеринарный пункт, магазины, электростанция.

Кадровый состав учреждений культуры и предприятий состоял из квалифицированных сотрудников: педагогов, врачей, ветеринара, фельдшера. В докладной записке «О работе культбазы в 1942 г.» указано, что на 1 января 1943 года в Казымской КБ работали 90 человек (22 мужчины, 68 женщин). По национальному признаку это были 26 представителей народа ханты, 55 русских, 7 зырян, а также 2 человека не указали национальность. По данным статистики на 1 января 1942 года, сотрудниками являлись всего 2 представителя коренного населения, а уже через год их число выросло до 26 человек. На КБ работало 6 человек с высшим образованием, 19 человек – со средним образованием, 22 человека – с неполной средней школой, 41 человек – с образованием начальной школы, 2 сотрудника относились к категории неграмотных.

Сосьвинская КБ располагалась на берегу р. Сосьва в 300 км от Березова. Годом ее открытия считается 1936 г. Одна из основных задач КБ – всестороннее обслуживание населения. На Сосьвинской КБ была запущена плавучая культбаза, которой проведено 12 митингов, 38 собраний, лекции, совещания. Кроме проведения агитационных и культурно-просветительских мероприятий здесь занимались выпуском стенгазет, боевых листков, организацией вечеров самодеятельности.

Культурные базы представляли собой комплекс учреждений, объединявших больницу, школу, кооператив, Дом туземца, баню, зооветпункт, электростанцию. Наряду с организацией хозяйственной жизни коренного населения и культурно-просветительской деятельностью, культбазы являлись последовательным проводником политики Советского государства, в годы войны сыграли важную роль в развитии просвещения, распространении культурных навыков быта коренного населения, оказания им различной помощи в разъяснении документов и событий. Культбазы стали культурным и политическим центром административных районов, в которых они расположились.

Библиотеки способствовали идейно-политическому сплочению и поддержке населения. Организация просветительской работы, обеспечение доступа к литературе и информации помогали не только воспитанию населения, но и подготовке кадров для фронта и тыла. К преобладающим формам библиотечной работы следует отнести проведение книжных выставок, коллективные читки журналов и газет, беседы.

Особую роль в организации библиотечного пространства в культурном и образовательном развитии народа сыграла окружная библиотека. Библиотека открыта в августе 1934 года при Доме народов Севера (Доме туземца). Руководство библиотекой осуществлял отдел народного образования Омской области, а с августа 1944 года – Тюменской. Пространство окружной библиотеки отличалось компактностью, площадь помещения книжного хранилища составляла всего лишь 60 м², как и зона читательского зала. Недостаточная вместительность помещений затрудняла хранение фондов, вынуждая размещать литературу вплотную друг к другу и частично укладывать ее на верхние полки.

Штат окружной библиотеки состоял из двух молодых специалистов и руководителя. Сотрудники не имели специального библиотечного образования. Отсутствие специального образования являлось типичной проблемой культурных учреждений военных лет [7, с. 5]. Несмотря на отсутствие профессиональных специалистов, коллективу библиотеки удалось показать высокий уровень самоорганизации и преданности своему делу, что позволило развить библиотечное обслуживание в трудные годы войны.

Окружная библиотека, как и все учреждения страны в военное время, работала под лозунгом «Всё для фронта! Всё для Победы!». Он призывал мобилизовать на отпор врагу все силы, всю духовную жизнь многомиллионного советского народа. В годы войны библиотекари ходили в дома фронтовиков, организовывали передвижки, работали с детским населением. Кроме этого, заготавливали дрова, ловили рыбу, занимались ремонтом и благоустройством. Сотрудники библиотек обслуживали призывной пункт Ханты-Мансийска, снабжали его

газетами и журналами. Они проводили читки на социально значимые темы: «Итоги Отечественной войны», «Герои Красной армии» и др. В табл. 1 представлены данные о количестве книжного фонда и читателей в довоенный и военный периоды.

Таблица 1

**Динамика основных показателей деятельности окружной библиотеки
в 1940–1945/1946 гг.**

Показатели	1940 г.	1945/1946 г.
Количество книжного фонда, экземпляров	22 682	26 546
Читатели, человек	1 592	2 543

По данным табл. 1, несмотря на военные трудности, в библиотеках книжный фонд пополнился на 17 %, число читателей выросло на 60 %.

Военные годы характеризовались перестройкой работы библиотек. Читальные залы работали ежедневно с 12:00 до 20:00, что позволяло обеспечить доступ к литературе и информации тем, кто был занят на производстве в первую смену и для тех, кто мог посещать библиотеку только в вечернее время. Ежедневно библиотекари обслуживали более 20 посетителей, что свидетельствует о востребованности библиотечных услуг [3, с. 19].

К самой значимой проблеме функционирования библиотек в военный период стоит отнести слабое материально-техническое обеспечение помещений. Она была актуальна на территории всей Тюменской области. Ольга Александровна Ковалева отметила, что «в Тюмени учреждения культуры, в том числе библиотеки, располагались в зданиях дореволюционной постройки» [5, с. 73]. В библиотеках частично отсутствовала мебель, не было специального библиотечного оборудования – стеллажей и шкафов для хранения книг [4, л. 33]. Не хватало библиотечно-учетной документации, например, инвентарных книг для учета фонда. В связи с отсутствием каталожных карточек возникали трудности с организацией справочно-поискового аппарата, оформлением читательских билетов, записи в библиотеку, отсутствовали читательские формуляры.

Климатические условия отрицательно влияли на сохранность книжных фондов: нестабильная система отопления в зимний период приводила к повышению влажности в помещении, книги сырели и покрывались плесенью. Книжный фонд был устаревшим, в связи с обстановкой в стране не всегда удавалось обновлять и пополнять новыми изданиями небольшие библиотеки, расположенные в отдаленных пунктах районов.

Учреждения сталкивались с постоянными перебоями в электроснабжении. Освещенность помещений зачастую не соответствовала санитарным нормам для чтения книг. На территории округа лучшей по качеству технической комплектации считалась Сургутская районная библиотека. Любовь Юрьевна Кондакова указала, что учреждение было укомплектовано всем необходимым для комфортной работы, на стенах размещены портреты вождей, писателей, не было перебоев с топливом и освещением [6, с. 29]. Анализ положения в разных библиотеках округа выявил, что, адаптируясь к тяжелым эксплуатационным условиям, библиотеки продолжали выполнять свои основные функции.

Количество культурных учреждений в округе к концу Великой Отечественной войны увеличилось (табл. 2). С ростом сети культурно-просветительских учреждений и ассигнований на культурное строительство увеличилось и число работников культпросвета. В Сургутском районе был открыт Угутский красный чум, Тундринский сельский клуб, в Ларьякском районе – красный чум, в Кондинском и Березовском районах – сельские клубы. В 1945 г. в учреждениях культуры насчитывалось 218 сотрудников.

Материально-техническое положение культпросветучреждений по-прежнему было достаточно бедным. Не все учреждения имели свои помещения. Из 92 изб-читален и сельских клубов собственные помещения имели 53 учреждения, остальные – арендовали

у колхозов. Книжный фонд 18 библиотек округа в период с 1945–1947 гг. состоял из 83 тыс. экземпляров книг, примерно по 4 611 экземпляров на библиотеку. Стоит отметить, что в связи с ветхостью книги приходилось списывать.

Таблица 2

Характеристика культпросветучреждений 1945–1947 гг.

Наименование	1945 г.	1946 г.	1947 г.
Районный дом культуры	5	5	5
Дом народов Севера	3	3	3
Красный Чум	5	7	9
Изба-читальня	83	89	92
Библиотека	14	18	28
Окружной краеведческий музей	1	1	1
Профсоюзно-ведомственный клуб	5	5	7
Сельский клуб		3	13

Великая Отечественная война сильно отразилась на всех сторонах материальной и духовной жизни советских людей: изменились условия жизни и труда советского народа, по-новому строилась работа органов социального обеспечения, просвещения, а также работников культуры.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны библиотеки Ханты-Мансийского национального округа, несмотря на все трудности (огромные расстояния между населенными пунктами, слабую инфраструктуру, дефицит кадров), сумели сохранить потенциал и адаптировать свою деятельность к требованиям военного времени.

Литература

1. Алексеева Л. В. Население и его социально-экономическое положение // Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2024. Т. 6 : Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. 720 с.
2. Алексеева Л. В. О некоторых аспектах здравоохранения и социокультурной сферы Югры в экстремальных условиях войны // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. № 1 (65). С. 62–83.
3. Библиотека... от первых книг до современного информационного центра: к 80-летию библиотеки. Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2014. 19 с.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 107. Оп. 1. Д. 971.
5. Ковалева О. А. Библиотеки Тюмени и их роль в организации интеллектуального досуга горожан (1941–1945 гг.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2025. № 3 (71). С. 71–80.
6. Кондакова Л. Ю. Сургутские библиотеки: 100 лет истории. Тюмень : Мандр-Ика, 2004. 208 с.
7. Попченкова А. В. Библиотечное дело Тюменской области в годы Великой Отечественной войны // Вторые Шестаковские библиотечные исторические чтения / сост. А. В. Попченкова ; АНОК «ТОНБ». Тюмень, 2006. С. 1–7.

УДК 377(571.12)"195"

**Ответ системы профессионально-технического образования Тюменской области
на вызов ускорения научно-технического прогресса в СССР
во второй половине 1950-х гг.**

Никора В. Я.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. На рубеже 50–60-х гг. XX в. в СССР проведены реформы, одна из которых коснулась организации школьного, среднего и высшего образования. Рассмотрены причины ее проведения, показаны основные трудности в подготовке технических кадров в стране. После принятия закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем совершенствовании системы народного образования в СССР», Тюменская область следовала курсу центрального аппарата власти по активному внедрению изменений. Вновь созданное Тюменское управление профессионально-технического образования проводило системный анализ показателей.

Ключевые слова: образование в СССР, технический прогресс, реформа, училища, Тюменское управление профессионально-технического образования

**The Response of the Professional and Technical Education System in the Tyumen Region
to the Challenge of Accelerating Scientific and Technical Progress in the USSR
in the Second Half of the 1950s**

Nikora V. Ya.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. At the turn of the 1950s and 1960s, the USSR underwent a series of reforms, one of which focused on the organization of school, secondary, and higher education. This article explores the reasons behind the reform and highlights the challenges faced in the country's technical education system. Following the adoption of the law titled *On Strengthening the Connection between School and Life and on Further Improving the System of Public Education in the USSR*, The Tyumen Region followed the central government's initiative to actively implement these changes. The newly established Tyumen Department of Vocational Education conducted a systematic analysis of the indicators.

Keywords: education in the USSR, technological progress, reform, schools, Tyumen Department of Vocational Education

После окончания Великой Отечественной войны Советский Союз оказался втянутым в гонку вооружений со странами Запада. Она получила развитие благодаря неотъемлемому факту свершения военно-технической революции. Традиционно, вслед за военно-промышленным комплексом, новшества переходили и в мирную исследовательскую деятельность. При этом технические науки являлись локомотивом научного прогресса в указанный период времени, так как обеспечивали развитие технологий.

К середине 1950-х гг. СССР смог нарастить мощный научно-технический потенциал. Этому способствовали такие экономические новации, как централизация управления и адресное финансирование научно-технических программ. Темпы развития науки и техники в стране возросли, а 50–70-е гг. считаются расцветом советской системы. Американский политэкономист Лестер Карл Туроу в работе «Лицом к лицу» высказывался о том, что в этот период Советское государство в техническом и экономическом смысле развивалось активнее, чем США [1, с. 12].

Стремительное развитие народного хозяйства проявилось в открытии новых научных центров, достижении лидерских позиций в атомной и космической отраслях, открытии новых

месторождений нефти и газа, автоматизации производства, внедрении новых крупных промышленных предприятий, совершенствовании технологий в сельском хозяйстве. Все это требовало колоссального количества кадров с профессионально-техническим образованием.

Газета «Правда коммунизма» 26 сентября 1958 года опубликовала записку Н. С. Хрущёва «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» [6]. В ней он высказал неудовлетворенность положением дел в средней и высшей школах, а также назвал воспитание подрастающего поколения делом первостепенной важности. При этом основной фокус заявления советского лидера был направлен на жизненно важную необходимость широкого использования последних достижений науки и новейшей техники, без чего невозможно успешное развитие народного хозяйства. Речь шла о реформировании высшего и среднего образования: «...имеются крупные недостатки, которые не могут быть далее терпимы» [6, с. 1]. Главной причиной их наличия была названа оторванность обучения от жизни. Средняя школа была нацелена на привитие академических знаний и подготовку юношей и девушек к поступлению в вузы. На практике же большинство выпускников, получивших аттестат зрелости, не поступали в высшие учебные заведения, являлись не подготовленными к практической жизни и не знали, куда идти дальше. Они были совершенно не знакомы с производством. Несмотря на то, что советское государство с момента своего создания культивировало уважительное отношение к рабочим профессиям, к 1950-м гг. в обществе сохранялось мнение о высшем образовании молодежи как престижном. Те же, кто трудился на заводах и в колхозах, по-прежнему не входили в круг интеллигенции.

Никита Сергеевич Хрущёв пытался изменить ситуацию через культивирование в школах идей общественно полезной деятельности, труда на пользу своего государства среди детей, начиная с первого класса. Нельзя сказать, что подобная риторика в СССР возникла впервые, однако время требовало новой волны подготовленных трудовых резервов для полноценного развития социалистического государства. Предполагалось в общественно полезный трудна предприятиях и в колхозах включать всех учащихся без исключения после окончания ими седьмого-восьмого класса. Это создавало равные условия для всех граждан: положение родителей не освобождало бы кого бы то ни было от производительного труда; во-вторых, было бы эффективной школой воспитания молодежи в духе традиций рабочего класса и колхозного крестьянства.

Предложения Н. С. Хрущёва были одобрены Президиумом ЦК партии, и уже 24 декабря 1958 года принят одноименный закон – «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем совершенствовании системы народного образования в СССР». Итогом стало введение всеобщего восьмилетнего образования, взамен семилетнего, а также совмещение обучения с общественно полезным трудом и овладением молодежью производственных знаний, как и трудовых навыков в школе и сразу по ее окончанию. Все школы фабрично-заводского обучения, железнодорожные, ремесленные и иные училища были преобразованы в профессионально-технические училища – так началась история ПТУ.

В Тюмени активно отреагировали на реформу. Тюменское областное управление трудовых резервов было переименовано в Тюменское управление профессионально-технического образования (ПТО). Еще накануне принятия закона на собраниях первичной партийной организации Управления обсуждались планы по увеличению количества приема и выпуска специалистов, увеличению сети учебных заведений на 60 единиц и необходимости улучшения качества подготовки [2, л. 14]. Нужно было наращивать реальные практические навыки обучающихся, все стабильнее в руководстве звучали заявления: «...прохождение производственной практики необходимо переводить непосредственно на производство...» [2, л. 41]. Внедрение преобразований требовало времени и средств, а пока многие ребята шли работать на заводы сразу по окончанию школы. Летом 1958 г. по путевке горкома комсомола на Тюменский весовой завод пришли 45 выпускников средних школ [5, с. 2]. Каждого начинающего рабочего ставили учеником к опытному заводчанину. Например, вчерашний школьник Василий Рассказов,

еще в детстве увлекавшийся токарным делом, через восемь дней реальной практики на заводе стал работать самостоятельно, ему был присвоен третий разряд [2, л. 41].

На местном уровне транслировался посыл Центрального комитета КПСС о переподготовке кадров в связи с усовершенствованием технологических процессов, внедрением новой техники в производство, чтобы рабочие на местах отвечали требованиям современности и не только могли работать на поступавшей на предприятия, в колхозы и совхозы технике, но и привносили бы что-то передовое. Тюменское Управление приводило неутешительные данные по кадровому вопросу: из 196 мастеров производственного обучения в Тюменской области только четвертая часть получила среднетехническое или высшее образование [2, л. 41]. Остальные мастера, несмотря на наличие большого опыта работы в трудовых резервах, имели лишь семилетнее и даже начальное образование.

При анализе материалов ведущей местной газеты «Тюменская правда» удалось установить высокую частоту публикаций по теме развития профессионально-технического образования в регионе. Это указывает на заинтересованность государственных органов, как и общества, в продвижении дела подготовки молодых кадров для производства. Материалы периодической печати содержат трансляцию реформаторских идей столичных партийных органов, статьи о положении дел из самих технических учебных заведений Тюменской области, а также регулярные объявления-приглашения о наборе в училища и техникумы (постоянная рубрика «Куда пойти учиться?»). Например, Тюменский машиностроительный техникум принимал окончивших среднюю школу на обучение по специальностям «литейное производство», «обработка металлов резанием», «промышленное и гражданское строительство», а окончивших семь классов школы – «ремонт и монтаж промышленного оборудования». Отучиться можно было также на вечернем или заочном отделении. Общежитие при техникуме отсутствовало. Поступить можно было и в Ишимский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. По окончании десяти классов по специальностям «техник-механик» и «электрик», семи классов – «техник-механик». Тобольская рыбопромысловая мореходная школа юнг готовила специалистов для флота рыбной промышленности. Курсанты-судоводители и судомотористы обеспечивались бесплатным форменным обмундированием, питанием и жилплощадью. Для поступления необходимо было выдержать приемные экзамены: десятиклассникам – по русскому языку (диктант) и математике (устно и письменно), семиклассникам – по русскому языку (устно и письменно) и математике (устно и письменно) [4, с. 4].

Два года спустя, 5 октября 1960 года, вышел доклад о работе партийной организации с информацией о выполнении плана по подготовке квалифицированных рабочих на 102,7 % [3, л. 21] и повышении качества обучения. В рамках реформирования укреплены новейшим оборудованием учебно-производственная база в учебных заведениях, вновь создан ряд учебно-производственных мастерских. В училища направлено 50 единиц оборудования, почти на 1 млн руб. приобретено сельскохозяйственной техники для практического обучения студентов [3, л. 21].

Тюменский регион стал активным проводником в жизнь государственных преобразований в сфере развития профессионально-технического образования молодежи. Местные органы управления проводили системный анализ показателей учебных заведений, выявляли достижения и пробелы в качестве подготовки обучающихся и кадрового состава, модифицировали производственную часть практики.

Литература

1. Быковская Г. А. К вопросу о государственной научно-технической политике в СССР в 50–80 годы // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2003. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gosudarstvennoy-nauchno-tehnicheskoy-politike-v-sssr-v-50-80-gody> (дата обращения: 21.11.2025).

2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (далее – ГБУТО ГАСПИТО). Ф. 2661. Оп. 2. Д. 15.
3. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 2661. Оп. 2. Д. 16.
4. Куда пойти учиться? // Тюменская правда. 24.06.1958. № 146 (3643).
5. Смолина Е. Десятиклассники пришли на производство // Тюменская правда. 18.09.1958. № 219 (3716).
6. Хрущёв Н. С. В президиум ЦК КПСС. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране // Правда коммунизма. 26.09.1958. № 114(2887). С. 1–4.

УДК 626/627(091)(571.12)

Репрезентация повседневности в производственных практиках участников транспортного освоения Тюменского Севера

Веселов С. И.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации повседневности в производственных практиках гидростроителей Тюменского Севера в 1977–1991 гг. На примере деятельности треста «Запсибгидрострой» реконструированы ключевые пространственные, временные и практические измерения повседневного опыта управленцев и рабочих. В условиях экстремальной северной стройки формировались уникальные производственные практики гидростроителей, породившие особую форму агрегатной повседневности, характерную для позднесоветского общества. Повседневность транспортных строителей Главморречстроя на Крайнем Севере была активным пространством, где преодоление бытовой неустроенности и производственных вызовов порождало специфическую корпоративную культуру, основанную на импровизации, инициативе и солидарности.

Ключевые слова: повседневность, гидростроительство, транспортное освоение, ведомственный причал, речной порт, жизненный мир, повседневный мир, рутина, обыденное сознание, Тюменский Север

Representation of Everyday Life in the Production Practices of Participants in the Transport Development of the Tyumen North

Veselov S. I.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the representation of everyday life in the production practices of hydraulic builders of the Tyumen North in 1977–1991. Using the example of the Zapsibgidrostroy trust, the key spatial, temporal and practical dimensions of the daily experience of managers and workers are reconstructed. In the conditions of extreme northern construction, unique production practices of hydraulic builders were formed, which gave rise to a special form of aggregate everyday life, characteristic of late Soviet society. The daily life of Glavmorrechstroy's transport builders in the Far North was an active space where overcoming everyday insecurity and industrial challenges generated a specific corporate culture based on improvisation, initiative and solidarity.

Keywords: everyday life, hydraulic engineering, transport development, departmental pier, river port, life world, everyday world, routine, everyday consciousness, Tyumen North

Исследование повседневности в ее историческом измерении представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет реконструировать жизненный мир людей в единстве материальных условий, рутинных практик и субъективных переживаний. В советский период данная проблематика изучалась преимущественно в ракурсе эволюции социально-бытовых условий, способствовавшей стабилизации трудовых коллективов Севера Тюменской области [2, 5]. Однако повседневная история транспортного освоения северных районов Западной Сибири в современной историографии представлена неравномерно. В частности, отраслевая специфика повседневных практик строителей-транспортников остается на периферии научного интереса, что ограничивает понимание социокультурных механизмов индустриализации региона.

Современные исследователи достаточно детально изучили социокультурные аспекты строительства железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут [1], быт и социокультурную сферу автотранспортников Самолора [12, 14]. Предпринимались попытки проанализировать проблемы социально-бытового обеспечения строителей автодорог Севера Западной Сибири [3]. Во всех этих работах повседневность транспортных строителей анализировалась через призму материального решения проблем соцкультбыта и возможностей главных управлений Минтрансстроя СССР в обеспечении их жизнедеятельности. При этом повседневные практики гидростроителей, создававших критически важную портовую инфраструктуру для нефтегазового комплекса в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецкого автономных округах, остаются до сих пор практически неизученной темой.

Для более всестороннего анализа повседневности гидростроителей применялась концепция многомерной матричной структуры повседневности, предложенная исследователем Г. П. Отюцким [11, с. 16–17]. В качестве теоретической рамки выступает понимание жизненного мира человека через призму пространства, времени, типологии повседневной деятельности, системы субъектов и ценностей повседневного бытия. В этой связи предметом исследования выступают нарративные структуры повседневности в воспоминаниях гидростроителей. Они ретроспективно отображают отношение участников транспортного освоения к производству и окружающей их действительности в условиях Крайнего Севера. Основным источником нарративной памяти о транспортном освоении речного пространства стало корпоративное издание к 30-летию треста «Запсибгидрострой» [15].

Транспортный коллапс середины 1970-х гг., сдерживавший нефтегазовое строительство на фоне стремительного ввода месторождений, сделал безотлагательным возведение новых гидротехнических сооружений. Ответом на этот вызов стал приказ Минтрансстроя СССР от 28 сентября 1977 года о создании в г. Нижневартовске треста по строительству гидротехнических объектов «Запсибгидрострой» в составе Главморречстроя [15, с. 26]. Для разворачивания работ по строительству механизированных портов и причалов было принято решение об организации Плавучих строительно-монтажных отрядов в Нижневартовске (ПСО № 33) и Сургуте (ПСО № 34). Однако уже на этапе организации предприятие оказалось перед лицом суровой реальности северной стройки.

Первый управляющий трестом О. Б. Рихтер после назначения прибыл в г. Тюмень, где встретил резонные доводы партийного руководства (в лице второго секретаря Тюменского обкома КПСС Г. И. Шмаля) о нецелесообразности базирования треста в г. Нижневартовске. Осмотр передаваемой производственной базы Мостоотряда № 69 подтвердил эти опасения: инфраструктура предприятия была совершенно не готова. Таким образом, пространство повседневности первых управленцев превратилось в зону постоянного риска и импровизации. Вопреки прямому указанию министерства Рихтер и его команда инженерно-технических работников, преимущественно выходцев из треста «Мурманскморстрой», начали создавать аппарат треста и управление производственно-технологической комплектации в более перспективном г. Сургуте [15, с. 27].

«Авантюризм» в своих действиях, как вспоминал О. Б. Рихтер, он оправдал на совещании у министра транспортного строительства тем, что Сургут представлял собой удобный промышленно-транспортный узел, находившийся на стыке мультимодальных (водно-железнодорожных) грузопотоков, направленных как на Север, так и в западную и восточную части Ханты-Мансийского округа. Более того, одобрению ведомственного волонтаризма управляющего трестом способствовало заключение договоров на строительство причалов для объединения «Сургутнефтегаз» и Домостроительного комбината. Эти предприятия предоставляли проекты на три крупнопанельных дома и детский сад [15, с. 28–31]. Ежедневная рутина внутриведомственных согласований, межведомственного взаимодействия и поиска ресурсов в условиях организационного вакуума и стала тем самым «рождением треста».

Повседневный мир гидростроителей с самого начала формировался в авральном режиме и постоянном поиске нестандартных решений. Размещаясь на первых порах в приспособленных помещениях, выделенных строительными трестами (гидротехники получили помещение для проектной группы, места в общежитиях и три квартиры), «Запсибгидрострой» должен был в кратчайшие сроки начать сооружение дополнительных причальных стенок и новых механизированных причалов в Сургуте, Нижневартовске, Уренгое, Надыме, Сергино для нефтегазодобывающих предприятий в условиях стремительно растущего грузопотока Иртышского пароходства. Ответом стали уникальные производственные практики, рожденные в самой гуще портово-причального строительства.

Как вспоминал главный механик треста В. Н. Слинко, в 1977–1982 гг. при возведении ведомственных причалов широко применялось «самобытное техническое творчество»: например, для строительства причала использовалась баржа длиной 80 м, на которой снималась палуба. Затем получался опалубок, который наполнялся железобетоном, и далее опускался на воду и буксировался на нужное место. Потом причал затапливали, сделав надстройку и засыпав грунтом, приступали к его использованию [15, с. 33–34].

Другой ключевой инновацией гидростроителей, определившей производственный ритм на транспортных объектах, стало пакетное применение трубошпунта (ШТС), что радикально ускорило процесс строительства. Его стали использовать в пакетном виде, чего раньше не делала ни одна организация гидростроителей Главморречфлота. «Забивка одиночных шпунтин – это долгий процесс, а мы вбивали сразу несколько шпунтин, соединенных между собой», – вспоминал В. Н. Слинко. Архивные документы свидетельствуют, что уже в 1978 г. трест сдал пусковой комплекс Нижневартовского речного порта с причальной стенкой длиной 200 пог. м. Однако берегоукрепительные работы правого берега р. Оби не были выполнены полностью в связи с нехваткой щебня и допущенным браком при укладке плит смежной организацией [10, л. 72]. В 1980 г. трест построил и досрочно ввел в эксплуатацию собственный ремонтно-хозяйственный причал. Среди передовиков-гидростроителей отмечались бригады, руководимые Матюкевичем, Зайцевым [13, с. 1]. Одновременно гидростроителей критиковали за медленное строительство базы автотранспортного предприятия треста, отсутствие благоустройства, где «все перерыто, перепахано, что ни подойти, ни проехать» [7, с. 2].

На пике роста производственной программы в 1983–1986 гг. трест построил крупный промышленный порт в Ямбурге (820 м). Как отмечал В. В. Гончаров, этот порт «был построен своевременно и сыграл решающую роль в освоении Ямбургского газоконденсатного месторождения» [15, с. 15]. Именно там гидротехники опробовали плавучие жилищно-административные комплексы (брандвахты), которые могли вмещать до 50 человек. Их изготавливали из барж ограниченной годности, где предварительно монтировались общежития на главной базе треста в Сургуте, далее вниз по Оби их перемещали в район Обской губы. Такие комплексы были весьма автономными, что позволяло в условиях отсутствия стационарных объектов проживания улучшить быт вахтовиков и повысить мобильность строительного-монтажных подразделений на Ямале [8, с. 2].

В условиях насыщенной производственной деятельности, трест «Запсибгидрострой» во второй половине 1980-х гг. сдал в эксплуатацию механизированные причалы и причальные

стенки в п. Сергино, г. Сургуте, г. Нижневартовске. С применением шпунтовых свай был построен причал в Березово (1988–1990). Всего с 1977 по 1992 гг. транспортные строители ввели в строй 10 тыс. пог. м причалов и берегоукреплений [15, с. 191–192]. Эти объекты представляют каркас пространства повседневности, где формировались жизненные миры гидростроителей Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, обеспечивших логистическую жизне-способность крупных портов и ведомственных причалов.

В обыденном сознании ветеранов-гидростроителей четко прослеживается разделение пространства повседневности на Большую землю (прошлый опыт, часто – Мурманск) и новый суровый северный край. Яркое описание, данное О. Б. Рихтером о поселке Мостоотряда-69 в Нижневартовске («обветшалые деревянные домики, грязные улочки»), представляет точку входа в новую и экстремальную повседневность [15, с. 27].

Время повседневности для разных субъектов наполнялось индивидуальным содержанием. Для управленцев, подобных Рихтеру, это была монотонная рутина внутриведомственных согласований с различными главками Минтрансстроя СССР во время становления треста. Для его преемника В. В. Гончарова период с 1981 по 1991 гг. – «время наращивания мускулов» и интенсивного расширения деятельности.

В типологии повседневной деятельности можно обозначить три основных типа деятельности: работа, дом и отдых (после работы или уже на пенсии). Описание производственной деятельности превалирует в нарративе гидростроителей. Например, в своих воспоминаниях начальник отдела кадров С. М. Микуляк рефлексировал о работе аппарата треста в деревянной конторе, здание которой прозвали в шутку «стелющимся небоскребом». «Офис» треста также периодически заливало весенними «бурлящими ручьями» [15, с. 35]. Главный механик В. Н. Слинко в повседневной рутине выделял бесконечные командировки на вертолете для выбора площадок под строительство портов и причалов. Все это в комплексе формировало жизненный мир инженерно-технических работников гидростроительного треста [15, с. 41].

Понятие «дом» в условиях подвижного характера работы гидростроителей трансформировалось. Идеалом была благоустроенная квартира, но реальность чаще всего представляло временное жилье – вагончики. На начальном этапе становления треста, как отмечал председатель Объединенного профкома треста А. П. Селиванов, большие трудности вызывал поиск жилья для моряков, «прилетевших из Мурманска, с Северного флота», для которых была осуществлена установка вагончиков и их подключение к котельной [15, с. 36]. Однако из повседневности гидростроителей треста временное и неблагоустроенное жилье не сразу ушло. За девять лет существования треста было построено всего три жилых дома. На декабрь 1986 года 112 семей проживало в вагончиках. Машинист котельных установок ПСО № 34 Н. Кокушева взывала к социальной ответственности руководства предприятия: «Думаю, пока не будут решаться социальные вопросы, трудно рассчитывать на энтузиазм рабочих» [6, с. 3].

Уникальным явлением в производственной деятельности гидростроителей стали брандвахты. Эти сооружения сами по себе стали феноменом экстремальной повседневности, демонстрируя высокую степень адаптации к местным природно-климатическим условиям. Для портового строительства на Ямале в условиях вечной мерзлоты и отсутствия подготовленных береговых площадок гидростроители оперативно перемещали брандвахту буксиром к строившемуся объекту. Главный механик треста В. Н. Слинко подчеркивал, что в суровых условиях Ямала с морозами до $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$ «уют и комфорт мы создавали сами» [15, с. 35]. Это было целенаправленное преобразование повседневности гидростроителя.

На такой плавучей базе монтировалась электростанция, строилась кухня, организовывался бильярдный зал с камином. Однако за этой почти «курортной» атрибутикой скрывалась строгая рутина, призванная поддерживать порядок. Слинко детально описывал установленный ритуал пребывания на брандвахте: «Все, кто входил на баржу, как на флоте, должны были о швабру вытереть ноги. Снимаешь грязную одежду, вешаешь на сушку, надеваешь тапочки и идешь в свою каюту». Эта практика была не прихотью, а необходимым механизмом разделения внешнего, враждебного пространства повседневности и внутреннего, искусственно

созданного островка цивилизации. Именно в связи с этим ироничный комментарий делегации руководства главка – Главморречстроя («Ну вы прямо здесь коммунизм построили!»), и столь же ироничный ответ гидростроителей («Ну да! На отдельно взятой брандвахте») следует понимать буквально [15, с. 35]. Это было не просто хвастовство, а декларация успеха выживания коллектива транспортных строителей в арктических условиях ямальской тундры.

Повседневность включает не только объективные условия, но и субъективные оценки, которые со временем кристаллизуются в профессиональное обыденное сознание. Ярким примером служит эволюция взглядов руководителя треста В. В. Гончарова (в 1985–2012 гг.). Его ретроспективная оценка (2007 г.) о том, что речной транспорт и портовую инфраструктуру в Югре и на Ямале необходимо «было развивать на 5–10 лет раньше, а не вслед за строительством железной дороги», – это не просто личное мнение профессионала, а закономерный вывод, вызревший в недрах повседневных наблюдений за деятельностью речного флота [15, с. 15–16].

Этот вывод уходит корнями в личный опыт главного инженера Гончарова в 1980-х гг., когда, анализируя текущую ситуацию, он констатировал в статье: «...большая же часть существующих в настоящее время причалов представляет собой либо временные деревянные эстакады, ряжи, либо обработка судов ведется непосредственно на берег. Такие примитивные условия переработки грузов, естественно, влекут за собой неоправданные потери времени, сотни тысяч тонн грузов не доходят до потребителя, бывает порча оборудования, материалов, хищения» [4, с. 2]. Таким образом, позднейшее суждение Гончарова о «глобальной ошибке» является прямой отсылкой к проблемам транспортного освоения рубежа 1970–1980-х гг., с которыми он сталкивался ежедневно на должности главного инженера. Этот кейс наглядно показывает, что профессиональная рефлексия и стратегическое видение управляющего трестом формировались под влиянием сложных производственных задач по строительству портов и причалов на Севере Западной Сибири.

Повседневный мир рядовых работников гидростроительного треста реже попадает в фокус корпоративных изданий, но может быть детально реконструирован по материалам местной прессы. Характерный случай, описанный в 1985 г. в газете, зафиксирован в ходе совместного рейда инспектора Сургутской ГАИ и представителей городского Комитета народного контроля: водитель автобазы треста «Запсибгидрострой» Ю. С. Манаенков, направленный за стройматериалами, был обнаружен у продовольственного магазина с оставленной на холостом ходу и открытой машиной, а главным объяснением его поступка стала «необходимость поездки с женой для покупки яиц» [16, с. 3].

Этот случай демонстрировал не просто нарушение производственной дисциплины, а запечатлел особое состояние повседневного мира советского рабочего-гидростроителя, где границы между личными потребностями (в продуктах) и производственными (перевозки стройматериалов) в обыденном сознании стирались. Подобные практики работы транспортных строителей в авторитетном дискурсе порицались, однако они были органичной частью сложившейся системы негласных «компенсаций», позволявших адаптироваться к хроническому дефициту и суровым условиям повседневной жизни в Ханты-Мансийском автономном округе. Иными словами, рабочий воспринимал все то, чем ему разрешалось пользоваться для выполнения служебных обязанностей, как свое. Такую повседневность исследователи А. И. Казанков и О. Л. Лейбович именуют агрегатной, где возникали «ситуативные агрегации гетерогенных практик», сформированных «из разнородных элементов: формальных и неформальных, принадлежащих рациональной культуре модерна и извлеченных из традиционных или даже архаических укладов» [9, с. 79–80].

Подводя итог, можно утверждать, что повседневность участников транспортного освоения Тюменского Севера была особым, активно формируемым жизненным миром, а не пассивным фоном нефтегазового строительства. На примере треста «Запсибгидрострой» показано, что экстремальные условия, производственный аврал и дефицит материально-технических ресурсов порождали специфические пространственно-временные режимы, ритуалы и практики. Повседневность работников аппарата треста была зоной постоянного риска и импровизации,

где стратегические решения вырастали из рутины согласований и преодоления бюрократических барьеров. Повседневность рабочих демонстрирует модель «агрегатной повседневности», где стирание границ между личным и производственным выступало неформальным адаптационным механизмом к местным условиям жизни. Кульминацией адаптации гидростроителей стали уникальные социальные практики обустройства быта, такие как создание плавучих жилищных комплексов – брандвахт, символизировавших победу солидарности коллектива и инженерной смекалки над враждебной средой.

Сама репрезентация этой повседневности в корпоративных изданиях постсоветского периода носит избирательный характер. В ней акцентировано технологическое совершенствование и формирование сплоченного коллектива, тогда как острые социальные проблемы (длительное проживание в вагончиках) отодвинуты на второй план. Однако материалы местной прессы периода перестройки свидетельствуют о нараставшей критике социальной политики треста и министерства в целом, что вносит в образ героической повседневности необходимые контрастные штрихи. Таким образом, повседневность гидростроителей была активным пространством конструирования реальности, где рождались не только технологические инновации, но и устойчивые формы профессиональной идентичности и корпоративной солидарности, основанные на взаимовыручке, инициативе и поиске нестандартных решений в условиях Тюменского Севера.

Литература

1. Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. Сургут : Печатный мир, 2017. 184 с.
2. Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 174 с.
3. Веселов С. И. Социально-бытовые условия жизни автодорожных строителей Севера : Западной Сибири в середине 1960-х – первой половине 1970-х гг. // Наука и инновации XXI : материалы IV Всерос. конф. молодых ученых. Сургут, 2017. Т. 3. С. 209–213.
4. Гончаров В. Задачи и возможности // К победе коммунизма. 20.06.1980. № 120. С. 2.
5. Губина Л. И. Обеспеченность жильем населения Тюменской области и проблема закрепления кадров // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск : Наука, 1983. С. 217–223.
6. Давыдов Н. Соревнование не терпит формализма // Гудок. 13.12.1986. № 286. С. 3.
7. Дубровина Г. Долг дозорных // К победе коммунизма. 11.06.1980. № 113. С. 2.
8. Жданов А. Приплыл... поселок (рассказываем об инициативе) // Правда. 04.06.1985. № 155. С. 2.
9. Казанков А. И., Лейбович О. Л. Агрегатная повседневность сталинской эпохи: к постановке проблемы // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 4 (47). С. 74–84.
10. Муниципальное казенное учреждение «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 129. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.
11. Отюцкий Г. П. Структуры повседневности: методологические подходы российских исследователей // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 13–17.
12. Сапожникова Н. В. «Севера мои севера»: нефть начинается с дороги (социосфера автотранспортников эпохи покорения Самотлора) // Российская нефть: история и современность : сб. статей Всерос. науч. конф. с межд. участием, г. Сургут, СурГУ, 27 нояб. 2015 г. Курган : Курганский Дом печати, 2016. С. 274–282.
13. Срабаниян С. Срок опережен // К победе коммунизма. 22.03.1980. № 59. С. 1.
14. Терентьева Н. В. Повседневность и быт строителей дорог на Самотлорском нефтегазовом месторождении (конец 1960-х – 1970-е гг.) // Российская нефть: история и современность : сб. статей Всерос. науч. конф. с межд. участием, г. Сургут, СурГУ, 27 нояб. 2015 г. Курган : Курганский Дом печати, 2016. С. 283–295.

15. Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР – 15 лет в России / гл. ред. А. В. Бруй ; авт. текста В. И. Былинский ; ред. Н. Пояркова. М.: Спец-Адрес, 2007. 202 с.

16. Усачев П. Куда хочу – заворочу // К победе коммунизма. 13.12.1985. № 241. С. 3.

УДК 792.03

Совершенствование подготовки актерских кадров драматических театров Западной Сибири в 1950–1960-е гг.

Раздобреев О. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы совершенствования подготовки актеров для работы в драматических театрах Западной Сибири в 1950–1960-е гг. В силу нехватки профессиональных кадров в 1960 г. по решению Министерства культуры РСФСР открыто Новосибирское театральное училище. Создание специализированного учебного заведения не сняло проблему пополнения трупп драматических театров специалистами полностью, но снизило ее остроту.

Ключевые слова: драматические театры, Западная Сибирь, кадры, образование, театральное училище

Improving the Training of Actors in Dramatic Theaters of Western Siberia in the 1950s and 1960s

Razdobreev O. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article discusses the issues of improving the training of actors to work in drama theaters in Western Siberia in the 1950s and 1960s. Due to the shortage of professional staff, in 1960, by decision of the Ministry of Culture of the RSFSR, the Novosibirsk Theater School was opened. The creation of a specialized educational institution did not completely eliminate the problem of recruiting drama theater troupes with specialists, but it reduced its severity.

Keywords: drama theaters, Western Siberia, personnel, education, theater school

В 1950-е гг. в Западной Сибири драматические театры действовали во всех областных и краевых центрах, а также в таких городах, как Новокузнецк, Бийск, Рубцовск и др. При этом общей для всех театров была проблема кадрового состава, затрагивавшая как режиссерский, так и актерский уровни.

Штатное расписание театров утверждалось сначала региональными управлениями культуры соответствующих исполкомов, а затем Главным управлением по делам искусств Министерства культуры РСФСР [8, с. 57–58]. При этом в нем фиксировалось количество штатных единиц и их оклад с указанием требований к наличию профессиональной подготовки. Однако в крае отсутствовали не только высшие, но и средние специальные учебные заведения, готовившие кадры непосредственно для театров. Выпускники подобных заведений в европейской части страны неохотно ехали в Сибирь, поэтому актерские труппы при дефиците лиц со специальной подготовкой пополнялись талантливыми выходцами из самодеятельности или выпускниками студий при самих театрах. Для этого, в частности, в 1957 г. приказом Министерства культуры РСФСР была открыта театральная студия для подготовки актеров при Новосибирском драматическом театре «Красный факел» с возможностью набора 20 человек [2, л. 32].

Документы свидетельствуют о том, что в 1952 г. в штатном расписании Новосибирского областного передвижного драматического театра художественно-руководящий персонал составлял четыре штатных единицы, артистический персонал – 17 единиц, однако в театре не было ни одного актера с высшим образованием и даже среднее специальное образование было исключением [4, л. 12]. В 1959 г. во всех театрах Новосибирска работало 84 актера драмы, из них специальное среднее образование имело 25 человек. Из шести режиссеров драмы профессиональное среднее образование было только у двоих. Высшее не имел никто [3, л. 2 об]. В Новосибирском театре юного зрителя при плане 39 артистов с высшим и средним образованием такое образование имели только 10 человек, поэтому дополнительная потребность в специалистах составляла на 1960 г. 29 человек [3, л. 21].

Проблема профессиональной подготовки поднималась в рассматриваемый период в большинстве драматических театров Западной Сибири. Другой ее стороной являлась неукомплектованность трупп с невозможностью качественной замены кадров, текучесть которых нередко приобретала катастрофические масштабы. Так, по данным Кемеровского отделения Всесоюзного театрального общества, только в 1968 г. из местного драматического театра уволились 23 актера, три режиссера, два заместителя по постановочной части. В 1967 г. в Алтайском краевом драматическом театре не были заняты ставки семи артистов и режиссера. В 1962 г. в театре «Красный факел» г. Новосибирска было всего шесть молодых актеров, а за 1968–1970 гг. театр покинули 30 человек. Тяжелейшая ситуация с кадрами вынуждала партийное и советское руководство учреждениями культуры на местах обращаться даже в республиканское министерство культуры [1, с. 42].

Понимание того, что во многих провинциальных драматических театрах «резко не хватает молодых профессионально подготовленных кадров», привело Министерство культуры РСФСР к решению «об открытии театральных училищ в ряде городов федерации» [5, л. 17]. В Западной Сибири в 1960 г. приказом по Министерству культуры РСФСР открыто Новосибирское театральное училище, относившееся к ведению Управления культуры Новосибирского облисполкома [5, л. 3]. У истоков создания училища стояли известные мастера сцены: народные артисты РСФСР Н. Ф. Михайлов, Е. Г. Агаронова, главный режиссер драматического театра «Красный факел» В. П. Редлих [7].

Новосибирское театральное училище было средним специальным учебным заведением. Обучение в нем длилось 3,5 года. Норматив приема абитуриентов на 1960–1961 гг. составлял 40 человек. Финансирование нового учебного заведения осуществлялось за счет исполнения бюджета по учреждениям культуры области. Начальнику Новосибирского областного управления культуры А. С. Николаеву Министерством культуры РСФСР предписывалось укомплектовать открывшееся учебное заведение преподавателями, приобрести необходимое оборудование и учебные пособия, обеспечить учебными планами, программами и документацией [5, л. 9].

В марте 1961 г. в обком КПСС и в Областное управление культуры направлено письмо директора училища, отмечавшего, что в училище осуществлен первый набор учащихся в составе 40 человек. Новый учебный год начался 10 ноября. К работе были привлечены высококвалифицированные педагоги: народный артист РСФСР Н. Ф. Михайлов, режиссер театра «Красный факел» К. С. Чернядев, заслуженная артистка РСФСР Л. Б. Борисова, заслуженный артист РСФСР А. Я. Мовчан, кандидат филологических наук Ю. С. Постнов и др. [5, л. 9]. «Сформировался крепкий коллектив самого молодого художественного учебного заведения Новосибирска», – отмечалось в письме. Однако училище не имело собственного здания, что, по словам директора, ставило его «в трудные условия, серьезно тормозящие учебно-воспитательный процесс» [5, л. 9].

Училище временно разместилось в Доме работников искусств, занимая две аудитории и зал. При этом сам Дом работников искусств арендовал эти помещения в левом крыле Новосибирского театра оперы и балета. Отдельные занятия проводились в репетиционных залах театров и в городской музыкальной студии. В документах училища за 1961 г. отмечено, что

несмотря на все неудобства и трудности первый учебный год закончился успешно. На второй курс переведено 38 человек. Однако на втором курсе должны были начаться индивидуальные занятия, для которых требовалась специально оборудованная учебная сцена, но такими оснащенными аудиториями учебное заведение не располагало [5, л. 9–10]. Для решения вопроса директор училища обращался в горком КПСС, указывая на то, что «о неудовлетворительном положении с размещением училища было известно и городскому, и областному управлениям культуры» [5, л. 10], но вопрос о собственном здании так и не был решен.

В дальнейшем многие годы училище располагалось в малоприспособленном полуподвальном помещении жилого дома на ул. Октябрьской, мешая его жильцам, которые нередко жаловались на шум от репетиций. Занятия шли в обычных жилых комнатах, лишь немного переоборудованных. Отчасти помогало то, что преподаватели курсов, работавшие в театрах, значительную часть практических занятий, например, по мастерству, движению, речи вели в помещениях своих театров. Вместо учебной сцены был лишь маленький помост в так называемом зале, где не было кулис и постановки света. Здесь же располагались крохотная костюмерная и библиотека [6].

При всех бытовых неудобствах училище сразу стало очень популярным учебным заведением с высоким конкурсом среди абитуриентов. Однако наборы и выпуски оставались небольшими, поэтому выпускников для заполнения вакансий в сибирских театрах по-прежнему не хватало.

В особенно сложном положении находились передвижные драматические театры, такие как Новосибирский областной драматический театр, который не имел стационарного помещения, постоянно находился на гастролях, поэтому актеры шли сюда на работу неохотно. Обращаясь в декабре 1963 года к начальнику областного управления культуры директор и одновременно главный режиссер театра писал: «Новосибирский областной драматический театр в настоящий момент находится в чрезвычайно трудных условиях с актерскими кадрами. Труппа театра полупрофессиональна... Театру недостаточно предоставляется жилплощадь для приглашения актеров из других городов страны» [5, л. 21].

В сложившейся ситуации единственным выходом руководство театра считало укомплектование труппы театра за счет выпускников Новосибирского театрального училища. «Нам кажется, что долг и обязанность руководства Новосибирского театрального училища и выпускаемых им молодых специалистов – в первую очередь удовлетворить заявки на актеров Новосибирского облдрамтеатра и морально подготовить выпускников к работе в этом театре», – указано в письме. При этом даже на практику студенты шли в областной театр неохотно, поэтому руководство драмтеатра просило в обязательном порядке направить на практику и потом на постоянную работу выпускников училища, поскольку «готовящиеся поездки по обслуживанию сельских жителей области находятся под срывом» [5, л. 21].

Другой стороной проблемы оказалась недостаточная профессиональная подготовка выпускников Новосибирского театрального училища, поступавших на работу в театры. Их приходилось доучивать по таким направлениям, как сценическое движение, сценическая речь, танец и др. [1, с. 42]. Областным управлением культуры отмечались такие недостатки молодых актеров, как плохая дикция, отсутствие постановки правильного дыхания, неумение носить на сцене костюм и детали туалета (трость, веер, пенсне, шаль и др.). Обращалось внимание и на малую профпригодность некоторых учащихся, имевших дефекты речи, отсутствие способностей и пр. «Часть выпускников слабы профессионально..., что налагает на администрацию училища обязанность строже и требовательнее подходить к отбору учащихся. Некоторые выпускники пассивны в общественной жизни театра, мало работают над повышением своего профессионального и идейного уровня», – констатировали руководящие органы. В связи с этим директору театрального училища предлагалось обратить серьезное внимание на идейное воспитание коллектива и устранить недостатки в подготовке кадров [5, л. 57].

При всех недостатках Новосибирское театральное училище стало настоящей кузницей кадров для региона, но в силу небольших выпусков не могло полностью решить проблему

комплектования сибирских драматических театров подготовленными кадрами, поэтому и в 1960-е гг. далеко не все актеры имели хотя бы среднее профессиональное образование.

Литература

1. Бортников С. Д. Театральное искусство Сибири в 1960–1985 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 39–47.
2. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1375. Оп. 1. Д. 131.
3. ГАНО. Ф. Р-1375. Оп. 1. Д. 239.
4. ГАНО. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 44.
5. ГАНО. Ф. Р-2356. Оп. 1. Д. 1.
6. Зубов А. Е. Новосибирская театральная школа: фрагменты истории // Новосибирский государственный театральный институт. URL: https://ngti.ru/theatre_school_history/monografii-stati-materialy/a-e-zubov-novosibirskaya-teatralnaya-shkola-fragmenty-istorii/ (дата обращения: 20.12.2025).
7. Новосибирский государственный театральный институт. URL: <https://ngti.ru/instityt/history/?ysclid=mjn1jafeq6959471031> (дата обращения: 20.12.2025).
8. Раздобреев О. В. Организация управления драматическими театрами Западной Сибири в 1950-е гг. // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Курган, 4–5 дек. 2025 г. Курган : Курганский государственный университет, 2025.

Раздел III
**ОСВОЕНИЕ РЕСУРСОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ПРОЕКТЫ, ПРАКТИКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ (1960-Е ГГ. – НАЧАЛО XXI В.)**

УДК 316.334.3:331.556:94(470.32) «196/198»

**Общежитие как форма расселения трудовых ресурсов «Главтюменнефтегазстрой»
в 1960–1980-е гг.**

Прищепина А. И.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье проанализирован процесс расселения трудовых ресурсов Главного управления «Главтюменнефтегазстрой» на примере общежития как формы жилищного строительства. Автор указал на положительные стороны такого поселения рабочих и служащих, отмечая экономичность их строительства, транспортную доступность места работы, возможность прописки, обеспеченность жильцов минимальным набором мебели, постельных и столовых принадлежностей, что позволяло сэкономить на обустройстве. В публикации отмечается многообразие форм коллективного расселения, в числе которых заметное место занимали приближенные к производственным объектам рабочих поселений вагон-домов. В ней особо указывается на проблемы строительства общежитий, связанных с недостаточным финансированием строительных объектов и их обустройства. Автор выявил динамику их газифицирования, водоснабжения, совершенствования жилищно-коммунального обслуживания, благоустройства прилегающей территории. Заметное место отведено характеристике деятельности органов самоуправления общежитий по обеспечению правил совместного проживания, поддержанию чистоты, правопорядка и организации культурно-массовой работы.

Ключевые слова: расселение, благоустройство, газифицирование, канализация, финансирование, жилищное строительство, самоуправление

**Dormitory as a Form of Settlement of Labor Resources *Glavtyumenneftegazstroy*
in the 1960–1980s**

Prichepa A. I.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article analyzes the process of resettling the workforce of the Main Department of Glavtyumenneftegazstroy using the example of a dormitory as a form of housing construction. The author pointed out the positive aspects of such a settlement of workers and employees, noting the cost-effectiveness of their construction, transport accessibility of the place of work, the possibility of registration, and the provision of tenants with a minimum set of furniture, bedding, and dining utensils, which made it possible to save on furnishing. The publication notes the variety of forms of collective settlement, among which a prominent place was occupied by wagon houses close to the production facilities of the workers' settlements. It highlights the problems of dormitory construction related to insufficient financing of construction projects and their facilities. The author has identified the dynamics of their gas supply, water supply, improvement of housing and communal services, landscaping of the adjacent territory. A prominent place is given to the characteristics of the activities of the dormitory self-government bodies to ensure the rules of cohabitation, maintain cleanliness, law and order, and organize cultural and mass work.

Keywords: resettlement, improvement, gasification, sewage, financing, housing construction, self-governing bodies

Начавшаяся в Западной Сибири в середине 1960-х гг. разработка нефтегазовых месторождений потребовала привлечения кадров для создаваемых отраслей промышленности и строительства пунктов их расселения. По данным таблицы, в 1959–1989 гг. население Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО) за счет мигрировавших трудовых ресурсов составляло от 75,8 % до 81,2 % [14, с. 102; 20, с. 19]:

Прирост населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Годы	Прирост	ХМАО (тыс. человек)
1939–1959 гг.	Естественный	31,0
	Механический	Нет данных
1959–1969 гг.	Естественный	24,2
	Механический	75,8
1970–1978 гг.	Естественный	18,8
	Механический	81,2
1979–1989 гг.	Естественный	24,4
	Механический	75,6

Освоение новой нефтегазовой провинции на севере Западной Сибири осуществлялось путем привлечения рабочих кадров из многих регионов Советского Союза. Демографической особенностью населения Ханты-Мансийского автономного округа являлся его преимущественно молодежный состав. Так, в середине 70-х гг. средний возраст сургутян составил 26,5 лет [1, с. 314], что требовало особого внимания к решению социальных проблем, среди которых центральное место занимало обеспечение жильем как главное средство закрепления кадров на промышленных объектах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, создания необходимых условий для обеспечения бытовых потребностей молодых семей.

В процессе промышленного освоения территории округа за короткий срок сформирована специфическая система расселения, состоявшая из городов и рабочих поселков, находившихся в непосредственной близости от крупных нефтяных месторождений. В 1965–1996 гг. построено 15 новых северных городов, таких как Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, Урай, Когалым, Радужный, Мегион, Стрежевой и другие [2].

На начальном этапе жилищная проблема решалась путем стихийного самостоятельного строительства ветхих балковых конструкций и использования списанных вагонных. В нефтяных городах ими повсеместно застраивались значительные территории. В первой половине 1960-х гг. наиболее комфортабельным жильем считались сборные брусчатые дома, поставляемые Белогорским деревообрабатывающим комбинатом. Во второй половине 1960-х гг. начали строиться дома из железобетона. Первый такой дом в Сургуте, например, возведен без привлечения подрядных строительных организаций геофизической партией под руководством Каткова в 1966 г. Массовая застройка новых городов началась во второй половине 1960-х гг. В 1967 г. в нефтепромысловых районах построено 10 тыс. м² жилой площади в виде полносборных крупнопанельных и крупноблочных домов с полным благоустройством [3].

Вместе с возведением многоквартирных домов в эти годы началось строительство общежитий. Их ведомственная принадлежность и право администрации предприятий принимать решение о заселении работников существенно упрощало этот процесс.

К числу оптимальных достоинств такого рода размещения, по сравнению с предоставлением жилья в многоквартирных домах, наряду с экономичностью их строительства, не требовавшего возведения индивидуальных кухонь и санузлов, следует отнести возможность получить приезжим работникам жилье без длительного ожидания вселения и оформления прописки, необходимой для трудоустройства на работу. Стоимость проживания в общежитии была гораздо меньше платы за коммунальные услуги собственной квартиры. В комнатах общежитий имелся минимальный набор мебели, постельных и столовых принадлежностей, что позволяло сэкономить на обустройстве. Как правило, общежития располагались вблизи

места работы, что гарантировало экономию времени и средств. Проживание рабочих в общежитии дисциплинировало их жильцов, так как оно регламентировалось установленными инструкциями. Кроме того, выборные органы самоуправления общежитий разрабатывали и осуществляли просветительские и воспитательные мероприятия, направленные на культурное развитие жильцов. Однако процент нуждавшихся в жилье сотрудников «Главтюменнефтегазстрой» был высоким. В 1974 г. только около 30 % рабочих и служащих структурных подразделений Главка проживали в общежитиях [5].

Актуальность строительства общежитий в городах Ханты-Мансийского автономного округа определялась значительным отставанием ввода в строй многоквартирных жилых домов. Введение в эксплуатацию промышленных объектов оставалось неизменно приоритетным, что влекло за собой хроническое недостаточное финансовое обеспечение жилищно-бытового строительства. Строительные управления, занимавшиеся строительством жилья и объектов соцкультбыта, не справлялись с объемами, испытывая весь спектр проблем, связанных с ограниченным выделением средств: недостаток строительных материалов, техники и рабочих рук. Так, в 1966 г. в связи с этим не было введено в эксплуатацию 26 800 м² запланированной жилой площади в г. Сургуте, г. Нефтеюганске [15]. При огромном значении региона для страны, работники, осваивавшие его, оказывались в худших жизненных условиях, чем в центральных регионах страны.

С середины 1960-х гг. строительству общежитий уделялось пристальное внимание. В 1965 г. Главком «Главтюменнефтегазстрой» начинает сдавать общежития в эксплуатацию с центральным отоплением. План по возведению объектов бытового назначения был выполнен им на 71 %, а в 1966 г. на 84 %. К концу 1966 г. было построено 56 общежитий [6]. Из-за недостатка средств их не удавалось обеспечить водоснабжением и канализацией. Такое положение создавало значительные сложности в поддержании надлежащего санитарного состояния общежитий.

Своеобразной формой общежитий являлись бытовые вагоны-домики. На балансе «Главтюменнефтегазстрой» 1 января 1966 года числилось 103 вагона-домика. Из них вагонов-столовых – 20, магазинов – 21, красных уголков – 7, медпунктов – 4, душевых – 21, прачечных – 8, контор – 19, сушилок – 2. Имевшиеся вагоны-домики, за исключением треста «Спецгазстрой», были расположены непосредственно в черте городов и рабочих поселков; 49 вагонов треста «Спецгазстрой» были установлены на трассе, в которых рабочие проживали без семей с выездом к постоянным местам проживания в выходные дни [7].

Капитальных и типовых общежитий в 1970-е гг. было недостаточно. В них заселялись только семейные рабочие и служащие, а одинокие сотрудники на протяжении длительного времени проживали в общежитиях, приспособленных из деревянных домов на 12–16 квартир, и в бараках, именуемых в повседневности «арктические казармы». В них отсутствовали необходимые для проживания условия: не было постирочных и бытовых комнат, комнат санитарии для женщин, помещений для занятий учащихся. Общежития были оборудованы, как правило, устаревшей мебелью, вызывавшей многочисленные жалобы жильцов [8].

В 1970 г. руководством Главка в связи с многочисленными жалобами была проведена проверка общежитий, и выяснилось, что в их обслуживании имелись серьезные недостатки: отсутствовал газ на кухне, не действовали санузлы. Помимо этого, в комнатах не хватало мебели и посуды. Коменданты общежитий заявляли о неисправности канализации и санитарных узлов. Становилось очевидным, что жалобы работников имеют под собой серьезные основания. Начальники административно-хозяйственных отделов трестов-подразделений халатно выполняли свои обязательства по ремонту и обслуживанию общежитий. В ходе проверки выяснилось, что они слабо вникали в вопросы создания благоприятных бытовых условий, а инженерно-технические работники редко бывали в общежитиях рабочих и не интересовались их бытом и повседневными запросами, что отрицательно сказывалось на закреплении рабочих кадров [16].

Критически оценивая создавшуюся бытовую обстановку в общежитиях, руководство «Главтюменнефтегазстроя» принимало меры по ее улучшению. Для этого настоятельно рекомендовалось «...составить и утвердить графики ответственных дежурных, организовать контроль за чистотой в комнатах и местах общего пользования, разработать мероприятия, направленные на недопущение рецидивов проявления хулиганского поведения» [17].

Эффективной формой улучшения жизнедеятельности общежитий являлись группы общественного смотря, функции которых распространялись на контроль культурно-бытового, жилищного и медицинского обслуживания в них. По результатам проверок на оперативных совещаниях в тестах-подразделениях принимались меры по устранению замечаний. Выбранным активом самоуправления общежитий разрабатывались условия и постоянно проводились социалистические соревнования за звание лучшей комнаты с присуждением после ежеквартального подведения итогов совместно с профсоюзными организациями вымпела и переходящего Знамени. Принимались меры по улучшению материального состояния общежитий. В них были отремонтированы системы отопления и электропроводка, выделены необходимые помещения для библиотек, парикмахерских, бань, прачечных и столовых. При общежитиях организована торговля в магазинах и ларьках. Жильцов обеспечили кипятильниками, кухонными принадлежностями, камерами хранения личных вещей, принимались меры, направленные на обеспечение пожарной безопасности, проведено благоустройство дворовой территории [13].

В 1968 г. «Главтюменнефтегазстроем» построено четыре типовых общежития в Урае, Сургуте, Нефтеюганске и Тюмени. Во всех общежитиях установлено радио, завезен жесткий и мягкий инвентарь, оборудование, а также проведен косметический ремонт всех общежитий и капитальный ремонт трех общежитий. На балансе Главка имелось 61 общежитие, из которых 29 % оборудовано водопроводом, 28 % – канализацией и 89 % – центральным отоплением. К общежитиям уложены бетонированные дорожки, весной проведены посадки деревьев и кустарников, посев газонов [9].

В г. Сургуте с 1970 г. задачи проектно-изыскательского и архитектурного обеспечения начал осуществлять филиал Ленинградского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования городов Севера – ЛенЗНИИЭП. Он разрабатывал новые и совершенствовал действовавшие в северном исполнении типовые проекты жилых и общественных зданий, подготавливал индивидуальные проекты крупных общественных зданий и сооружений, оказывал техническую помощь местным предприятиям крупнопанельного домостроения в формировании среды обитания, способствовавшей акклиматизации приезжающего населения, обеспечению надежности и долговечности их конструкций, эксплуатируемых в суровых условиях северного региона. По состоянию на начало 1970 г. в Сургуте имелось 63 здания общежитий различных ведомств общей площадью 46 162 м² на 92 % оборудованных центральным отоплением и на 86 % – газифицированных [4].

Активно велось строительство общежитий в г. Нефтеюганске, где жилищная ситуация, по мнению специалистов, была более благоприятной. Центральное отопление отсутствовало только в балках по ул. Нефтяников, в пп. Пойковском, Сингапай. Общежития и жилые дома для сотрудников были оборудованы всем необходимым. В них имелся мягкий и твердый инвентарь, хотя и в недостаточном количестве. Наличествовали библиотеки, душевые, прачечные, камеры хранения и сушилки. Все общежития были обеспечены постельными принадлежностями, хозяйственным инвентарем. Кроме центральных теплосетей имелись автономные котельные [10].

Нехватка жилья стала особенно остро ощущаться в Нефтеюганске с 1971 г. в связи с ростом объемов нефтедобычи и притоком рабочих кадров. Отдаленные подразделения Главка использовали для их размещения вагончики, так как производственные площадки находились на большом расстоянии (например, 160 км от города). Они курировали застройку площадок в пп. Каркатеевы, Южный Балык, Салым, Муген и Демьянск. Многие дальние стройплощадки были оборудованы не только вагончиками, но и столовыми, банями, прачечными и передвижными библиотеками [11].

Подводя итог изучения вопроса расселения рабочих кадров «Главтюменнефтегазстроем» в общежитиях, можно утверждать о наличии существенных трудностей в решении этой проблемы в связи с недостаточным финансированием и связанными с этим сложными вопросами материального обеспечения их строительства на протяжении всего исследуемого периода. Нередко для ликвидации их дефицита Главное управление вынуждено было использовать материальные ресурсы, не предназначенные для постройки общежитий. Параллельно с обустройством капитальных общежитий активно велись переоборудование многоквартирных домов в общежития и постройка сооружений для временного проживания непосредственно на промышленных объектах.

В середине 1960-х гг. имевшийся жилой фонд общежитий не был благоустроен. В большинстве из них водопровод и канализация отсутствовали, подъезды к ним не были отремонтированы, прилегающая территория захламлена строительным мусором. Главное управление с самого начала своей деятельности в 1965 г. занималось улучшением качества жизни сотрудников в общежитиях. К концу 1980-х гг. комплекс обустройства капитальных общежитий был расширен за счет выгребных ям и мест для размещения мусорных контейнеров, проведены радиотрансляционная сеть, наружное освещение и телефонная связь, увеличилось число спортивных площадок с обеспечением их необходимым инвентарем, установлены скамейки, столы для домино и шахмат и организованы места отдыха [19]. На трассах и поселках нефтяников уже в 1973 г. имелось 2 132 вагончика, где проживало более 10 тыс. человек. Вагончики были объединены в вагон-городки, а в г. Надым и п. Пангоды выполнены в блочном исполнении. В вагон-городках имелись культурно-бытовые вагоны (бани-душевые, красные уголки, столовые, магазины и т. д.). Трассовое передвижное жилье было обеспечено центральным отоплением, электроосвещением и радио [12]; 97 % жилого фонда было обеспечено центральным отоплением, 45 % жилого фонда – канализацией и водопроводом, 81 % жилого фонда – газоснабжением [13].

Литература

1. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 325 с.
2. Города Ханты-Мансийского автономного округа. URL: [https:// geogoroda.ru/ region/ hantymansiyskiy-avtonomnyye-okrug-ugra](https://geogoroda.ru/region/hantymansiyskiy-avtonomnyye-okrug-ugra) (дата обращения: 22.11.2025).
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1861. Оп. 1. Д. 31. Л. 132.
4. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 19. Д. 73. Л. 46.
5. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1200. Л. 148.
6. ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 161. Л. 70.
7. ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 161. Л. 69.
8. ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 613. Л. 145.
9. ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 328. Л. 17.
10. ГАТО. Ф. 1861. Д. 1. Д. 608. Л. 70–71.
11. ГАТО. Ф. 1861. Д. 1. Д. 608. Л. 70–71.
12. ГАТО. Ф. 1861. Д. 1. Д. 132. Л. 40.
13. ГАТО. Ф. 1861. Д. 1. Д. 132. Л. 75.
14. Карпова В. П., Колева Г. Ю. От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / под ред. В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011.
15. Муниципальный архив города Сургута (далее – МАГС). Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
16. МАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 228.
17. МАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 228.
18. МАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–107.
19. МАГС. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

20. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997. 169 с.
УДК 550.8(571.1)"196/198"

**Развитие геологоразведочных работ на севере Западной Сибири в 1960–1980 гг.:
попытка периодизации**

Магарамов А. А.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье проанализированы периодизации развития Главного тюменского геологического управления в 1960-е – 1989 гг. Периодизации В. П. Карпова и А. М. Брехунцова создавались для анализа развития производственных сил отрасли в регионе. Предложена новая периодизация на основе периодизации Н. М. Пашкова.

Ключевые слова: история геологии, Главтюменьгеология, геологоразведка, 1960-е годы, 1980-е годы

**The Development of Geological Exploration in the North of Western Siberia in 1960–1980:
an Attempt at Periodization**

Magaramov A. A.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article analyzes the periodization of the development of the Main Tyumen Geological Department in the 1960s–1989. The periodizations of V. P. Karpov and A. M. Brekhuntsov were created to analyze the development of the industry's production forces in the region. A new periodization based on the periodization of N. M. Pashkov is proposed.

Keywords: history of geology, *Glavtyumengeology*, geological exploration, 1960s, 1980s

В региональной историографии предложено две периодизации в отношении геологического поиска на Севере Тюменской области: Н. М. Пашковым в работе «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса 1964–1980 гг.», В. П. Карповым в работе «Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.)».

Этапы в периодизации Н. М. Пашкова связаны с партийными и правительственными решениями, а также подъемами и спадами в производственной деятельности геологоразведчиков:

1) 1962–1970 гг.; начало периода связано с принятием постановления Совета Министров СССР от 19 мая 1962 года «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири»; многократное увеличение масштабов геологоразведки; перемещение центра поисков в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа; объемы разведочного бурения превысили 500 тыс. м, но к 1970 г. они не достигли показателей, предусмотренных упомянутым постановлением; предполагалось довести показатели глубинного разведочного бурения до 700–800 тыс. м в год;

2) 1971–1974 гг. характеризуются существенным ограничением геологоразведочных работ, вследствие снижения капиталовложений; плановые органы посчитали открытые запасы достаточными для развития нефтегазовой промышленности Западной Сибири; ограничивали капиталовложения в отрасль с 1969 г.;

3) 1974–1980 гг. имели значительное повышение темпов разведки; период характеризуется укреплением материально-технической базы геологоразведки, увеличением темпов социально-бытового строительства [5, с. 26–28].

Периодизация, предложенная В. П. Карповым, включает два периода в рамках 1960-х – конца 1980-х гг.:

1) начало 1960-х – середина 1970-х гг. характеризуется резким увеличением объема геологоразведочных работ;

2) середина 1970-х – конец 1980-х гг. отличается от первого периода поиском и разведкой более сложных месторождений, освоением новых территорий, привлечением буровых организаций из других регионов страны для форсирования работ [3, с. 128–129].

Примечательна периодизация, предложенная геологом А. М. Брехунцовым. В качестве основного критерия автор периодизации рассмотрел объем разведочного бурения, указал основных руководителей «Главтюменьгеологии»:

1) до середины 1970-х гг.; руководители: Ю. Г. Эрвье, Л. И. Ровнин и Б. В. Савельев; среднегодовой объем бурения 500–600 тыс. м, разведка в первую очередь крупных месторождений;

2) середина 1970-х – 1985 гг.; руководители: Ф. К. Салманов, А. Г. Юдин, Е. А. Тепляков; период отличается наращиванием объемов бурения (рост объемов глубокого разведочного бурения в «Главтюменьгеологии» в 1975–1985 гг. составил 556–1 734 тыс. м); вовлечение в поиск и разведку новых территорий, структур второго порядка и переход на более глубокие горизонты;

3) после 1985 г.; период начался с перестройки; наметились тенденции, в дальнейшем приведшие к развалу геологической отрасли [2, с. 24; 1, с. 209].

Указанные периодизации одним из главных критериев выделения периодов в развитии геологической отрасли определяют динамику изменения производственных показателей. Особенно на них ориентирована периодизация В. П. Карпова, где рассмотрено развитие геологической отрасли с целью раскрыть становление и развитие производственных сил западносибирского нефтегазового комплекса. Исследователем А. М. Брехунцовым выбраны схожие критерии периодизации.

Для комплексного рассмотрения развития отрасли, по мнению автора статьи, оптимальнее критерии периодизации, предложенные Н. М. Пашковым. При выделении периодов исследователь опирается на решения высших государственных и партийных органов, которые имели определяющее воздействие на развитие отрасли, а годовые показатели объемов глубокого разведочного бурения, другие производственные показатели являются только следствием разных причин и государственной политики.

Например, при рассмотрении развития производственных сил В. П. Карпов опустил период 1971–1974 гг., выделенный Н. М. Пашковым, как период ограничения геологоразведочных работ в связи с тем, что это сокращение было следствием ошибки, которую быстро исправили [3, с. 128].

На графиках производственных показателей этот период выглядит как небольшой производственный спад, но он оказал значительное влияние на работу «Главтюменьгеологии». Так, в 1970–1971 гг. были ликвидированы организации среднего звена: трест «Обьнефтегазразведка», трест «Норильскнефтегазразведка», трест «Ямалнефтеразведка», что существенно повлияло на работу Главка, осложнило управление снабжением экспедиций. Кроме того, сократилось число экспедиций [1, с. 153–155, 160–163, 209].

Периодизация, предложенная Н. М. Пашковым, нуждается в развитии и дополнении, так как она доведена только до 1980 г. Необходимо разделить период 1962–1971 гг.: границей можно считать 1966 г. В 1965 г. создано Министерство геологии РСФСР союзно-республиканского подчинения [6], далее в 1966 г. приказом министерства создано Главное тюменское геологическое управление – «Главтюменьгеология», развивалась система управления отраслью [1, с. 160–163].

Период 1974–1980 гг., заканчивающийся современностью Н. М. Пашкова, по мнению автора статьи, следует продлить до 1989 г. В конце 1980-х гг. ликвидированы отраслевые министерства, одним из первых постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1989 года упразднено Министерство геологии, далее приказом по Министерству геологии СССР

от 12 января 1990 года – Главное Тюменское производственное геологическое управление. На базе объединений, организаций и предприятий, ранее входивших в состав Главка, на добровольной основе образован Тюменский геологический концерн («Тюменьгеология») [4, с. 192].

Автор статьи предлагает использовать периодизацию:

1) 1962–1966 гг.; многократное увеличение масштабов геологоразведки; перемещение центра поисков в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа; начало периода в связи с постановлением «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири»; в 1962–1966 г. объем глубокого разведочного бурения вырос с 191 тыс. м до 434 тыс. м [7; 1, с. 209];

2) 1966–1971 гг.; создание «Главтюменьгеологии», развитие системы управления отраслью; начало периода – создание «Главтюменьгеологии» в составе Министерства геологии РСФСР; к 1967 г. объемы глубокого разведочного бурения достигли 507 тыс. м, а далее начался спад [6];

3) 1971 – 1974 гг.; существенное ограничение геологоразведочных работ вследствие снижения капиталовложений; главной причиной ограничения капиталовложений в Западной Сибири авторы называют позицию Госплана и Мингеологии, считавших, что в регионе подготовлено достаточно запасов, чтобы обеспечить необходимый объем добычи на многие годы; начальник Главка Ю. Г. Эрвье отмечал, что из-за недостатка средств приходилось средства, выделенные для бурения, расходовать на строительство для нужд геологических экспедиций; самый низкий объем глубокого разведочного бурения за период отмечался в 1972 г. – 392 тыс. м, в 1974 г. – 456 тыс. м [3, с. 130–131; 1, с. 209];

4) 1974–1985; после восстановления необходимого уровня капиталовложений в геологию отмечается поступательный рост объемов глубокого разведочного бурения и других производственных показателей;

5) 1985–1989 гг. – период перемен, сказавшихся на производственных показателях; особенно резкий рост объемов глубокого разведочного бурения, объема сейсмических работ и других отмечается в 1985–1987 гг.; так, в 1984 г. объем глубокого разведочного бурения в «Главтюменьгеологии» составил 1 520 тыс. м, в следующем году этот показатель возрос более чем на 200 тыс. м, схожий рост был показан в 1986 г., а самый интенсивный рост этого показателя – в 1988 г., то есть на 304 тыс. м (по сравнению с 1987 г.).

Такие высокие темпы роста связаны с новым экономическим курсом страны. В рамках политического курса Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва, провозглашенного 23 апреля 1985 года на апрельском пленуме ЦК КПСС, также был провозглашен курс на ускорение помимо других положений. Целью было ускорение экономического, социального и политического развития СССР. Оно проводилось преимущественно административными методами. В «Главтюменьгеологии» применялись такие меры, как внедрение ЭВМ, особенно в геофизических расчетах, увеличение количества смен и др. Нововведения изложены в работе руководителя главка Ф. К. Салманова «Ускорение поиска» [1, с. 209; 8];

В 1988 г. произошел спад роста показателей глубокого разведочного бурения, а затем резкое падение объемов разведочного бурения, но рост показателей сейсморазведочных работ продолжался до 1990 г. В конце периода «Главтюменьгеология» была ликвидирована, предприятия, входившие в ее состав, стали самостоятельными [1, с. 215].

Литература

1. Биография Великого подвига: Тюменская геология. Годы. Люди. События (1953–2003) / под ред. В. Д. Токарева, А. В. Григорьева, А. П. Лидова. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во., 2003. 688 с.

2. Брехунцов М. А. Стратегия // Энергия Ямала / сост. и ред. В. Н. Битюков. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. С. 6–30.

3. Карпов В. П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.) : дис. ... д-р ист. наук. Тюмень, 2006. 512 с.
4. Комгорт М. В. Глава 1. Поисково-разведочные работы на нефть и газ на территории Югры в 1953–1991 гг. // Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2024. Т. 7: Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991) / отв. ред. Е. Ю. Зубкова, А. И. Прищепа. С. 150–194.
5. Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса 1964–1980 гг. / под ред. В. В. Алексева. Томск : Изд-во Томского университета, 1988. 240 с.
6. Путеводитель по российским архивам // Министерство геологии. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/991> (дата обращения: 11.11.2025).
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.) // Сборник документов за 50 лет. Т. 5. М. : Политиздат, 1968. 750 с.
8. Салманов Ф. К. Ускорение поиска. М. : Недра, 1985. 64 с.

УДК 338(571.122)"196/198"

Опыт промышленного освоения западных районов Ханты-Мансийского округа в 1960–1980-е гг.

Полиенко В. А.¹, Шурыгин А. С.²

^{1, 2} Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу промышленного освоения западных районов Ханты-Мансийского автономного округа (Березовского, Октябрьского, Кондинского, Советского) в период 1960–1980-х гг. Указанные территории имели специфическую ресурсную базу, сочетавшую крупные лесные богатства с более ограниченными, чем в Среднем Приобье, запасами нефти и газа. Исследование раскрыло роль лесной промышленности и железнодорожного строительства (Ивдель – Обь, Тавда – Сотник) как основы для последующего развития нефтегазового комплекса. Особое внимание уделено Шаимскому нефтегазоносному и Березовскому газоносному районам как «лабораториям опыта» в становлении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Несмотря на попытки интеграции отраслей и создание единой инфраструктуры, к концу 1980-х гг. не удалось сформировать сбалансированный территориально-производственный комплекс из-за ведомственной разобщенности и недоразвитости транспортной сети. Работа основана на архивных материалах, статистических данных и научных публикациях, что позволяет комплексно оценить исторический опыт освоения крупной части региона в контексте современных проектов развития этих территорий.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ, промышленное освоение, Западная Сибирь, нефтегазовый комплекс, лесная промышленность, транспортная инфраструктура, Шаимский нефтегазоносный район, Березовский газоносный район, Краснотуркменский свод, Урай, Нягань, железнодорожное строительство, межотраслевое взаимодействие, территориально-производственный комплекс

The Experience of Industrial Development of the Western Regions of the Khanty-Mansiysk Okrug in the 1960–1980s

Polienko V. A.¹, Shurygin A. S.²

^{1, 2} Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article analyzes the industrial development of the western regions of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (Berezovsky, Oktyabrsky, Kondinsky, and Sovetsky) in the 1960s and 1980s. These territories had a specific resource base that combined large forest resources with more limited oil and gas reserves than the Average Ob region. The study revealed the role of the forestry industry and railway construction (Ivdel – Ob, Tavda – Sotnik) as a basis for the subsequent development of the oil and gas complex. Special attention is paid to the Shaimsky oil and gas-bearing and Berezovsky gas-bearing regions as "laboratories of experience" in the development of the West Siberian oil and gas complex. Despite attempts to integrate industries and create a unified infrastructure, by the end of the 1980s it was not possible to form a balanced territorial production complex due to departmental fragmentation and underdevelopment of the transport network. The work is based on archival materials, statistical data and scientific publications, which makes it possible to comprehensively assess the historical experience of developing a large part of the region in the context of modern development projects in these territories.

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug, industrial development, Western Siberia, oil and gas complex, forestry industry, transport infrastructure, Shaimsky oil and gas region, Berezovsky gas-bearing region, Krasnoleninsky arch, Uray, Nyagan, railway construction, inter-industry interaction, territorial production complex

Говоря о становлении и развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (далее – ЗСНГК) на территории Ханты-Мансийского округа (Ближний Север Тюменской области) [12, с. 184] в 1960–1980-е гг., исследователи большое внимание уделили промышленному освоению в Среднем или Широком Приобье, иногда даже заменяя этим понятием промышленный комплекс всего округа. По мнению авторов статьи, такой подход соотносится с благоприятными горно-геологическими условиями вокруг уникальных нефтяных месторождений Среднеобской нефтегазоносной области, позволившими создать крупнейшие социально-экономические центры, тяготевшие к востоку региона: Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск, а также другие базовые и опорные населенные пункты. Несмотря на разность и смешение в подходах к определению географии хозяйственных районов региона, хотелось бы отдельно поднять проблему изучения промышленного освоения западных районов Ханты-Мансийского национального (с 1977 г. – автономного) округа в 1960–1980-е гг.: Березовского, Октябрьского, Кондинского районов, а также выделившегося из его состава в 1968 г. Советского района [1, с. 216–217].

Научная актуальность темы связана как с фрагментарным вниманием исследователей к хозяйству данных районов в указанный период, так и с уникальными природными условиями, иными от Среднего Приобья ресурсными базами – крупнейшие лесосырьевые ресурсы и относительно небольшие месторождения нефти и газа. Кроме того, опыт освоения указанных районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры особенно интересен в настоящее время в связи с проектом формирования на их территории нового транспортного коридора, соединяющего Свердловскую область с Ямалом [12]. Следует отметить и активизировавшиеся обсуждения региональных властей вопроса строительства железной дороги «Полуночное – Обская» [34], которая активно разрабатывалась в середине 2000-х гг. в рамках комплексного проекта «Урал промышленный – Урал Полярный» [32, с. 48–60].

Традиционной отраслью, на которой специализировался запад Ханты-Мансийского округа в середине XX в., являлась лесная промышленность, чему способствовали богатейшие запасы лесосечного фонда в регионе [31, с. 40]. Так, к началу периода на территории Кондинского района уже действовал леспромхоз, созданный в 1932 г. [27, с. 79]. Послевоенные годы стали решающими в организации лесных разработок в Кондинском районе. В первую очередь они были связаны со строительством железнодорожных магистралей Ивдель – Обь и Тавда – Сотник [31, с. 43–44]. Предприятия, относящиеся к Верхне-Кондинскому, Южно-Кондинскому и Нижне-Обскому лесопромышленным районам округа, считались наиболее перспективными, поскольку одной из основных задач леспромхозов было снабжение территорий с дефицитом леса,

в первую очередь Урала [9, с. 88–89]. Совокупно Советский и Кондинский районы значительно превосходили в объемах вывозки древесины леспромхозы Среднего Приобья. За 1970 г. на долю Советского и Кондинского районов приходилось 5 975 тыс. м³, в то время как Сургутского и Нижневартовского – всего 452 тыс. м³ леса / деловой древесины [31, с. 88].

Развитие лесного хозяйства и освоение необжитых земель было бы невозможно без создания транспортной системы, позволяющей перемещать продукцию, материалы, технику, людей и др. Именно с западных районов началось железнодорожное строительство в Ханты-Мансийском округе. В период с 1965 по 1978 гг. окончательно завершена стройка и введение в эксплуатацию упомянутых ранее железных дорог Ивдель – Обь и Тавда – Сотник (общая протяженность обеих магистралей – более 500 км) [15, с. 173]. Если говорить о значении направления Ивдель – Обь, то изначально данная линия прокладывалась как исключительно лесовозная магистраль, но с середины 1970-х гг. она приобрела особенно важное значение в связи с открытием и разработкой вдоль нее нефтяных месторождений Красноленинского свода [2, с. 278–279]. Эта ветка и направление Тавда – Сотник с середины 1960-х гг. участвовали в материально-техническом обеспечении нефтепромыслов Шаимского района [5, л. 80].

Именно мощности лесной промышленности, транспортная сеть в виде двух еще строящихся, но частично действовавших веток Свердловской железной дороги были стартовой базой при обустройстве инфраструктуры ЗСНГК на западе Ханты-Мансийского автономного округа в середине 1960-х гг. Так, за несколько лет до начала разработки Шаимского нефтегазоносного района (далее – НГР) будущий базовый поселок нефтепромысловиков Урай (с 26 ноября 1962 года – рабочий поселок [6, л. 103], а с 25 июня 1965 года – город окружного подчинения [22, с. 424]) с 1957 г. застраивался жилыми, культурно-бытовыми и промышленными объектами по генплану Кондинского лесопромышленного комбината [7, л. 3]. В начале геологам и нефтяникам нужна была совершенно новая, мощная транспортная и промышленная база. Указанный генплан, рассчитанный на строительство поселка с промбазой общей площадью в 57 га, пришлось пересмотреть в связи с деятельностью Шаимской нефтеразведочной экспедиции в 1960 г., увеличившей площадь поселка более чем в 2 раза – до 120,7 га – без учета строительства аэродрома [7, л. 5]. Еще во время опытной эксплуатации месторождений этого НГР руководство НПУ «Шаимнефть» докладывало Комитету партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР о более высокой экономической целесообразности продолжения железной дороги от Устье-Ахи (конечная станция ветки Тавда – Сотник) непосредственно до промышленной базы Урая, чем строительство 120-километровой автодороги Урай – Сотник [4, л. 15]. К слову, остаются неизвестными истинные причины нереализации данного проекта.

Несколько ранее Шаимского НГР, открытого в июне 1960 года с промышленного нефтяного фонтана скважины Р-6 на Трехозерном месторождении, осваивался Березовский газоносный район (далее – ГР), открытый в 1953 г. с не менее известного газового фонтана на скважине Р-1 близ с. Березово. Более северные условия и большая, чем у Шаима, удаленность от промышленности Урала замедляли освоение этого района. Однако Урал требовал срочно много газа для своей металлургии и электроэнергетики, поэтому за 1963–1966 гг. был построен первый газопровод в Западной Сибири Игрим – Серов. При его проектировании огромную роль сыграла железная дорога Ивдель – Обь, формировавшая будущий транспортный коридор магистральных газопроводов с Ямала [19, с. 52–55]. Кроме того, тогда же со станции Ем-Юган по зимникам одновременно обеспечивались два довольно отдаленных друг от друга центра нефтегазодобычи запада округа: Урай и Игрим [22, с. 384].

Березово-Игримская группа газовых месторождений уже в конце 1960-х гг. не могла отвечать быстро возрастающим планам по газовой промышленности в Тюменской области, учитывая открытие в это же самое время гигантских месторождений Ямала: Уренгойское, Медвежье, Тазовское, Ямбургское и др. Падала эффективность геологоразведочных работ, которые в 1965 г. [12, с. 183–184] направили на более перспективные и менее изученные районы, а с вводом Медвежьего месторождения в 1972 г. доля Березовского ГР в общей добыче газа

Тюменского Севера стремительно уменьшалась. Несколько похожий путь прошел и Шаимский НГР. В первой половине 1960-х гг. на фоне усиленных геологоразведочных работ в НГР неоднократно поднималась тема «дискриминации северных разведок» [14, с. 167–174] Среднего Приобья. Это не помешало весьма форсированным темпам промышленного освоения НГР, ключевым событием которого стал ввод в эксплуатацию в конце 1965 г. первого магистрального нефтепровода в Западной Сибири Шаим – Тюмень. К началу 1970-х гг. Шаим в основном вышел на заданные темпы отбора нефти своих месторождений. Ключевая промышленная инфраструктура, на базе которой обеспечивалась нефтедобыча в НГР как минимум до конца исследуемого периода: центральный товарный парк и термохимическая установка на Сухом бору, ДНС-1 и 2 Мортмыья-Тетеревской группы месторождений, головная НПС «Шаим» и НПС «Кума», позволившие увеличить пропускную способность магистрального нефтепровода Шаим – Тюмень, а также высоковольтная линия 110 кВ «Тавда – Шаим», связавшая электроэнергетику района с генерирующими мощностями Урала и Тюменской области. Именно период восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) остается пиком по темпам промышленного освоения НГР, что выражается в приросте добычи нефти [26], а разговоры о бесперспективности продолжения такой концентрации высокопроизводительных геологоразведочных и буровых работ в не самом нефтеносном районе Западной Сибири вскоре начали получать практическое выражение [24]. Наиболее опытные буровые бригады были переведены на другие территории: в 1968 г. буровую бригаду мастера В. Д. Шидловского перевели из Шаимской в Мегионскую экспедицию [20, с. 158], а уже в 1971 г. коллектив рекордсменов-буровиков Шаимской конторы бурения в полном составе переведен на Самотлор, где составит костяк Нижневартовского УБР № 2 [21, с. 7]. С ростом добычи на более крупных месторождениях Тюменского Севера и Томской области доля добычи Шаимского НГР заметно падала: в 1966 г. – 42 %, в 1970 г. – 15 %, в 1975 г – 4 %, в 1980–1990 гг. – около 2 % [16, с. 8–9]. Рост добычи в НГР был ограничен относительно сложным геологическим строением месторождений, а также размером извлекаемых запасов нефти, структура которых к тому же стала серьезно ухудшаться для вводимых в строй площадей к концу 1980-х гг. [26].

Оба района на западе Ханты-Мансийского округа – Шаимский НГР и Березовский ГР – были «первенцами» промышленной разработки в новом НГК страны в середине 1960-х гг. Они стали настоящими «школами» или «лабораториями» опыта в новых условиях как для геологов, так и нефтяников, газовиков, трубопроводчиков и многих других важных отраслей крепнувшего ЗСНГК. По некоторым подсчетам, около 60 % кадров геологов, уже участвовавших к началу 1960-х гг. в изучении Березово-Игримской группы газовых месторождений, заняли в дальнейшем руководящие посты в геологических организациях Тюменской области [13, с. 95–96]. Кроме того, мероприятия по комплексной автоматизации Пунгинского, а затем Игримского и Похромского месторождений газа стали ценным источником опыта в начале 1970-х гг. для запуска первого газового «гиганта» Ямала – Медвежьего месторождения [13, с. 221–222]. Не отставали в такой же роли «новаторов» и Шаимские нефтяники: с осени 1969 г. началось подключение замерных установок к опытной автоматизированной системе «КЕНТАВР» на Трехозерном месторождении, а в 1970 г. Шаимские и Пунгинские промыслы по уровню автоматизации и технологичности считались одними из лучших в стране [20, с. 8]. Как показала дальнейшая практика, «КЕНТАВР» не прижился на остальных промыслах – появились и внедрялись новые, более совершенные установки «ПАТ-нефтяник». Во второй половине 1960-х гг. в условиях этого НГР были опробованы, а затем внедрялись по всему ЗСНГК гидромониторные долота, наклонно-направленное бурение и бурение с ледового основания, вошли в практику ледовые дороги, построена первая в СССР опытная газотурбинная установка для электрогенерации и многое другое [26, с. 5–9]. По техническим и экономико-организационным направлениям проводились научные изыскания, опыт которых обобщался и специально передавался в другие районы как ЗСНГК, так и страны.

Если в пределах западных районов Ханты-Мансийского округа ресурсы свободного газа сосредоточены в основном в рамках Березовского ГР, запасы недр которого были сильно

ограничены для дальнейшего прироста добычи, то потенциал нефтяной добычи мог реализоваться за счет крупных запасов месторождений Красноленинского НГР, открытого с небольшого притока нефти в Октябрьском районе, на скважине Мало-Атлымской площади еще в 1959 г. [14, с. 167–174]. Промышленные дебиты нефти были получены несколько позднее – в 1962 г. открыто Каменное месторождение нефти. К концу 1970-х гг. была подтверждена высокая перспективность месторождений района, в особенности Красноленинского свода [29, с. 290]. Разработку этого НГР на рубеже 1970–1980-х гг. начало производственное объединение (далее – ПО) «Урайнефтегаз» (образованное в 1977 г. на базе НГДУ «Шаимнефть»), по-прежнему занимавшееся добычей в Шаимском НГР [25]. В 1982 г. для освоения нового района основано самостоятельное ПО «Красноленинскнефтегаз» (в дальнейшем «КНГ») с базовым центром в рабочем поселке лесозаготовителей Няг (с 1985 г. – город окружного подчинения Нягань) вблизи станции Нягань железной дороги Ивдель – Обь [1, с. 220]. В это же время принято решение упразднить «Урайнефтегаз» и подчинить его предприятия нуждам «КНГ», включив в его состав. Теперь буровые, строительные-монтажные и иные работы, а также материально-техническое обеспечение использовались для нужд более перспективных месторождений Красноленинского свода, то есть осуществлена попытка объединить усилия предприятий подведомственных Главному тюменскому производственному управлению по нефтяной и газовой промышленности («Главтюменнефтегаз») Миннефтепрома СССР на обширных территориях Кондинского, Октябрьского и Советского районов Ханты-Мансийского автономного округа [23, с. 59]. Усилены дорожно-строительные мощности нового предприятия подразделениями треста «Узтюмендорстрой» Минавтодора Узбекской ССР, закрепленного при «КНГ» по Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1980 года № 241 «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». В интересах местных нефтяников за 1980-е гг. силами треста построено 362 км дорог [8, с. 88–92; 18; 36].

Важно рассмотреть строительную индустрию Урая, возникшую в 1966 г. с трестом «Шаимгазстрой», при котором в конце 1960-х гг. уже функционировал Урайский Комбинат производственных предприятий (КПП), в 1970-е гг. переросший в самостоятельный Домостроительный комбинат с мощностями по выпуску железобетонных изделий [28, с. 99–100]. Так, во второй половине 1960-х гг. урайский трест участвовал в обустройстве газодобывающих районов Надыма на Ямале, а также поселков газовиков Светлый и Игрим Березовского района [37, с. 207]. Урайского ДСК помимо удовлетворения нужд города с 1970-х гг. поставлял блочные и иные домокомплекты для населенных пунктов нефтяников и газовиков остального ЗСНГК: Нефтеюганска, Нижневартовска (в Среднем Приобье), Белоярского (на севере округа), Комсомольского (в Советском районе), а в 1980-х гг. – в Нягань (базовый город Красноленинского НГР) [10, с. 267–269]. В 1985 г. Урайский ЗКПД (ДСК) Миннефтегазстроя выпустил 25,5 тыс. м³ сборного железобетона, а также 46 тыс. м² деталей КПД. В 1990 г. по предложению Тюменской комплексной геологоразведочной экспедиции на западе Югры рассматривался проект развития узла предприятий стройиндустрии «Урай – Советский», объединявший на территориальной, сырьевой и транспортной основе мощности Урая и Нягани, а также п. Сергино [17, с. 170–181].

Несмотря на существование кооперации и взаимодополняемости промышленных мощностей западных районов Ханты-Мансийского автономного округа, в 1980-е гг. оставались проблемы «комплексности», формирования единого ТПК, охватившего бы как небольшие НГР, так и весь ЗСНГК.

При ресурсном освоении западных районов округа отрасли промышленности, принадлежавшие разным министерствам, проводили зачастую противоположные стратегии развития – это было типичным проявлением ведомственности. Высокие вырубки, вызванные потребностями нефтяников и, по-видимому, собственными планами леспромпхозов, а также постоянные отводы земель с ценными лесными насаждениями под строительство нефтегазовой инфраструктуры, поставили не только экологию, но и саму лесную отрасль в кризисное положение –

леспромхозы исследуемой территории в 1980-е гг. срывали плановые задания. Исследователь А. В. Судаков отметил, что «именно высокопродуктивные земли как наиболее удобные в инженерном отношении запрашиваются в первую очередь под промышленные объекты и трассы коммуникаций» [31, с. 91]. Негативную роль сыграла и тактика самих вырубок. Ивдель-Обский лесоэкономический район, будучи изначально самым богатым по ресурсам, сильно их истощил. Не следует рассматривать обозначенную проблему в отрыве от Среднего Приобья, где у потребителей – главным образом нефтяников – был настоящий дефицит древесины в силу меньших местных лесных ресурсов, в то время как обеспеченные западные районы Югры вывозили лес за пределы региона [31, с. 94, 361]. Картину серьезно истощенных лесных ресурсов можно было наблюдать и в Шаимском НГР вблизи Урая [11, с. 269].

Несмотря на определенные географические преимущества западных районов Ханты-Мансийского округа, к концу рассматриваемого периода так и не было создано единой наземной транспортной сети даже в интересах отдельных хозяйствующих ведомств. Так, успехи по строительству внутрипромысловых дорог нефтяников в 1980-е гг., ведомственное укрупнение двух производственных объединений в одно не позволили соединить базовые города обеих НГР. Город Нягань имел более выгодное транспортное положение из-за расположения на железной дороге, в то время как «тыловая база» Красноленинского свода в Урае не имела должного наземного сообщения с железными дорогами, Няганью. Планы Межведомственной территориальной комиссии Западной Сибири при Госплане СССР (созданной в 1980 г. с расположением в Тюмени) по соединению Урая с северными месторождениями автодорогой и обеспечению его выхода к рельсовым путям станции Сергино (железнодороги Ивдель – Обь) отложены «за пределы двенадцатой пятилетки», которая стала последней в истории СССР [11, с. 268–271]. В 1986 г. нефтяники Урая называли «порочной практикой» доставку для них необходимого оборудования на центральную Базу производственно-технического обслуживания и комплектации оборудования в Нягани, «с которым по-прежнему нет устойчивой связи, а авиатранспортом выделяется с большим трудом», требуя направлять фондовые поставки через более близкую ст. Верхнекондинская или через ст. Устье-Аха [3, л. 111–112].

Опыт освоения западных районов Ханты-Мансийского округа в 1960–1980-е гг. показал, что несмотря на предпосылки взаимовыгодных межотраслевых связей к концу периода так и не было создано полноценного территориально-производственного механизма, способного отвечать сбалансированному развитию всех представленных в исследовании отраслей. Удачное географическое положение сырьевых баз, обусловленное близостью к развитой промышленности Урала, явилось в 1960-е гг. основным толчком к более быстрому промышленному освоению, чем в остальных районах округа и Тюменского Севера в целом. На уровне отдельных территорий округа видно, что приоритетом пользовались именно нефтяные и газовые ведомства, деятельность которых получала серьезную финансовую и политическую поддержку в рамках становления и функционирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Литература

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. Тюмень : ТюменНИИГипрогаз : Тюмень, 2003. 304 с.
2. Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2024. Т. 7 : Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991) / отв. ред. Е. Ю. Зубкова, А. И. Прищепа. 712 с.
3. Архивная служба администрации города Урай (далее – АСАУ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1543.
4. АСАУ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2.
5. АСАУ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55.
6. Архивный отдел администрации Кондинского района (далее – АОАКР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 129.

7. АОАКР. Ф. 71. Оп. 1. Д. 19.
8. Болотов Н. С., Каменских А. П. Минерально-сырьевые ресурсы и динамика развития стройиндустрии Тюменской области. Тюмень : ГЕОТЭКС, 2001. 211 с.
9. Веселов С. И. Форсирование автодорожного строительства в северных районах Западной Сибири (1980-е – начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 88–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forsirovanie-avtodorozhnogo-stroitelstva-v-severnyh-rayonah-zapadnoy-sibiri-1980-e-nachalo-1990-h-gg> (дата обращения: 09.12.2025).
10. Воевода И. Н. Лесная и лесоперерабатывающая промышленность Сибири (вопросы методики и методологии планирования и повышения эффективности производства) / отв. ред. А. М. Алексеев. Новосибирск : Наука, 1980. 320 с.
11. Город первой нефти – труженик Урай: к 35-летию города / сост.: Н. Н. Андреева [и др.]. М. : Диадема-пресс, 2000. 105 с.
12. Дуэль И. И., Нежный А. И. По обе стороны Оби. М. : Мысль, 1989. 288 с.
13. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации / В. П. Карпов [и др.]. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. 392 с.
14. Зубков К. И., Карпов В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера, Урала и Западной Сибири). М. : Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.
15. Комгорт М. В., Карпов В. П. Первая Тюменская нефть: Атлым? Шаим? // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) : сб. науч. статей Всерос. науч. конф., Сургут, 18 окт. 2019 г. Сургут : Альфа Принт, 2020. С. 167–174.
16. Крючков М. Т., Конов А. А. Новое железнодорожное строительство на Урале и в Западной Сибири в 1956–1991 годах // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. № 2. 2012. С. 171–176.
17. Молодые города – мечта и реальность советских нефтяников // Вслух.ру. 25.12.2023. URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/molodye-goroda-mechta-i-realnost-sovetskikh-neftyanikov_402109/ (дата обращения: 08.12.2025).
18. Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. / гл. ред. Ю. П. Баталин. Кн. 1 : Становление. Большая нефть Сибири. Тюменский газовый проект. М. : Российский союз нефтегазостроителей, 2004. 349 с.
19. Нефть и газ Тюмени в документах (1966–1970 гг.). Т. 2. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 340 с.
20. Нефть и газ Тюмени в документах. 1971–1976. Т. 3. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. 288 с.
21. Нефть и газ Тюмени в документах: 1901–1965 / отв. ред. Д. А. Смородинков. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. 479 с.
22. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы / Н. А. Мальцев [и др.]. М. : ВНИИОЭНГ, 1996. 308 с.
23. Нефтяная эра Шаима: 40 лет Шаимской нефти / сост. С. Потапов. М. : ПЕНТА, 2004. 195 с.
24. Острый Г. Так рождаются гиганты // Тюменская правда. Тюмень. 31.05.1967. № 126.
25. Откуда есть, начинался Талинский... // Администрация городского поселения Талинка. URL: <https://admtalinka.ru/talinka/history.php> (дата обращения: 08.12.2025).
26. Первая нефть Западной Сибири: хроника освоения Шаимского нефтегазоносного района / В. И. Некрасов [и др.] // Нефтяное хозяйство. 2004. № 6. С. 5–9.
27. Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс: страницы истории (1917–1997 гг.). Тюмень : Пульс, 1997. 311 с.
28. Санников А. Н. История освоения Шаима и строительство города Урая : дис. ... д-ра ист. наук. Урай, 1976 г. 265 с. // Архивная служба администрации города Урай. Ф. 31. Оп. 8. Д. 2. 265 л.

29. Солодовников А. Ю. География Тюменской области: нефтяная и газовая промышленность : монография. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2020. 440 с.
30. Стенограмма пресс-конференции Губернатора Югры Руслана Кухарука от 24.11.2025 // Единый официальный сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://admhmao.ru/governator/speeches-i-reports/11818575/> (дата обращения: 08.12.2025).
31. Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х – сер. 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2005. 183 с.
32. Тимошенко В. П. Мегaproект «Урал промышленный – Урал Полярный»: инерция советской эпохи в сравнительной перспективе // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2013. № 2 (464). С. 48–60.
33. Урайское Управление Буровых Работ : 1964–2004 : Западно-Сибирский Филиал ООО «ЛУКОЙЛ – Бурение». Урай, 2004. 28 с. URL: <https://cloud.mail.ru/public/57mf/4YofEAME5> (дата обращения: 07.05.2025).
34. Фатеев А. Югорский меридиан // Тюменские известия. 08.06.2024. URL: <https://t-i.ru/articles/53841?ysclid=miwhc0gytw615791780> (дата обращения: 08.12.2025).
35. Червонцева П. Растут дома с урайской маркой // Знамя. 05.08.1972. № 9 (9).
36. Шабуров В. Было-стало: улица Узбекистанская // Новости Югры. 28.08.2020. URL: https://ugra-news.ru/article/bylo_stalo_ulitsa_uzbekistanskaya (дата обращения: 01.11.2024).
37. Юбилейному году – достойную встречу! // Знамя. 23.11.1966. № 26.

УДК 94(571) "1960/1980"

Роль женщины в кинематографе нефтегазового освоения Западной Сибири (1960–1980-е гг.)

Пядухова Д. Д.

Томский государственный университет, Томск, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор советских фильмов, отразивших историю нефтегазового освоения Западной Сибири 1960–1980-х гг., методом гендерного анализа. Цель – обозначить ключевые аспекты, участвовавшие в конструировании фемининности и гендерной роли женщины в нефтегазовой отрасли. Значение героинь в сюжете определялось их вовлеченностью в любовные линии, а их трудовой статус оставался второстепенным и преимущественно не связанным с престижными профессиями. Советский кинематограф о «большой нефти» ограничивал женские образы рамками традиционных гендерных нарративов.

Ключевые слова: советский кинематограф, гендер, фемининность, нефтегазовое освоение

Woman's Role in the Cinematography of the Oil and Gas Development of Western Siberia (1960–1980s)

Pyadukhova D. D.

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The article presents an overview of Soviet films reflecting the history of the oil and gas development of Western Siberia in the 1960s and 1980s, using the method of gender analysis. The aim is to identify the key aspects involved in the construction of femininity and the gender role of women in the oil and gas industry. The importance of the heroines in the plot was determined by their involvement in love affairs, and their work status remained secondary and mostly unrelated

to prestigious professions. Soviet cinema about "big oil" limited female images to traditional gender narratives.

Keywords: soviet cinema, gender roles, femininity, oil and gas development

Гендерная проблема в позднесоветском кино является разработанной в отечественной и зарубежной историографии. Многие ученые тематикой своих работ продолжают традицию дисциплинарного разделения на женские (women's or feminist studies) и мужские исследования (men's studies). В первом случае работы сосредотачиваются на идее формирования женской идентичности посредством кино с особым вниманием к взаимодействию ролей работницы, жены и матери [8, 11]. В фокусе комплементарной второй группы трудов находятся репрезентации маскулинности как гендерного образа, который конструировал социальные ожидания от советских мужчин [2, 3, 6, 7]. Другое направление обращается к комплексному подходу в изучении влияния советской идеологии и политики на гендерную динамику в кинематографе. Оно концентрируется не только на нормативах поведения мужчин и женщин на экране, но вскрывает значения кинематографических представлений о советской телесности, сексуальности и иных категорий, пронизывающих гендерные отношения [1, 9, 10].

В статье использованы достижения гендерных исследований в области кино применительно к фильмографии, посвященной истории становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (далее – ЗСНГК) начала 1960-х – конца 1980-х гг. Внимание исследователя сосредоточено на вопросе о том, какие сюжетные решения и символические значения, использованные в кинолентах о «большой нефти», формировали представления о феминности (женственности) и гендерной роли женщины в процессе освоения нефтегазовых месторождений Тюменского Севера. При таком подходе кинематограф представлен не столько как зеркало, отражающее «объективную» социальную действительность, но как смыслообразующий дискурс, участвовавший в ее конструировании. Далее предложен аналитический обзор наиболее репрезентативных в контексте данного исследования фильмов, повествующих об истории открытия «большой нефти».

«Северный вариант» (1974) – первый фильм о событиях нефтегазового освоения, который снят для телевизионного формата Свердловской киностудией. Особенностью фильма является открытое признание гендерного конфликта как части социальной жизни первопроходцев-нефтяников. Всего «Северный вариант» предлагает три женских персонажа, каждый из которых репрезентует отличные образы феминности.

Алевтина – главный женский персонаж фильма, что следует из аннотации, используемой в большинстве отечественных интернет-ресурсов: «Жизнь осложняют любовные раздоры: из-за красавицы Алевтины бурильщики подрались, и Кожеватов отправляет ее на большую землю» [4]. Примечательно, что на протяжении киноистории зрителю не дают намеков для распознавания профессии девушки; была ли она частью вспомогательного персонала бригады или специалистом-геологом. Таким образом, авторы нивелируют статус Алевтины как работницы, акцентируя внимание исключительно на ее роли в любовной линии. Образ Алевтины формирует язык сексуального напряжения, который, по мысли авторов киноленты, имел место в закрытых мужских коллективах. Уже первая сцена «Северного варианта» открывается страстными объятиями девушки с возлюбленным буровиком Федей. Сексуальность Алевтины оказывается провоцирующим фактором в бригаде («так у нас тихо, только при Алевтине круглосуточную вахту надо держать»), поэтому решением бригадира Юрия Кожеватова она удаляется с буровой, вопреки тому, что актерами конфликта были подравшиеся мужчины.

Вторая героиня «Северного варианта» представлена геологоразведчицей Наташей. Ее дистанция с Алевтиной воспроизведена даже во внешнем виде: если первая одета в юбку, то Наташа предстает в «классическом» наряде полевого геолога (клетчатой рубашке, свитере, джинсах). Несмотря на разницу профессиональных и личностных черт, их объединяла функциональная позиция в сюжете, базировавшаяся на вовлеченности в романтические отношения. Наташа оказывается влюблена в своего бригадира Юрия Кожеватова, и это обстоятельство

является ключевым для развития ее персонажа. Фильм утверждает традиционный гендерный нарратив, согласно которому приоритетом женской идентичности выступает любовь, тогда как профессиональная роль представляется второстепенной.

Последний женский персонаж «Северного варианта» – тетя Таня, занимавшая на буровой должность повара. Категория «тетя» одновременно указывает на немолодой возраст женщины и близкое к родственному отношение к ней со стороны остальных членов бригады. Из сюжета становится понятным, что у тети Тани «были дети, пока не выросли». Ощущение покинутости или ненужности, по-видимому, находит компенсацию в том «материнском» участии, которое женщина оказывает членам бригады.

Кинофильм «Трасса» (1978) исключителен тем, что стал международным проектом советского и чехословацкого производства. В основу сюжета легла история испытания новой модели чешского грузовика «Татра» под нужды нефтяников Тюменского Севера. Главный герой по имени Карел Войта оказывается среди группы испытателей, отправленных под Нижневартовск для анализа работы машин в условиях Крайнего Севера.

Основной конфликт фильма образует любовный треугольник с участием бывших супругов – врача Риты и водителя-передовика Аркадия – и Карела, которого с первого взгляда привлекает женщина. Символическое состязание мужчин воплощается в соревновании за трудовое первенство в количестве «ходок» (продолженном километраже) на принадлежащих каждому «конкуренционных» грузовиках – КрАЗ и Татра. В то же время Рита, которая сначала не воспринимает «мальчишеское» поведение нового ухажера серьезно («Три года Севера делают из вас настоящего мужчину. Я вас не обидела?»), постепенно проникается симпатией к Карелу, наблюдая его личностную трансформацию. «У меня было много друзей, много девушек, теперь – ничего. Сибирь, трасса и, главным образом, ты», – признался мужчина.

Финал фильма печален: спешащая на помощь к больному геологу Рита гибнет, срываясь с обрыва. Помимо прочих интерпретаций такой финал не лишен гендерной подоплеки. Трагическая смерть может рассматриваться как расплата за чрезмерную независимость Риты, которая сама водила машину скорой помощи, что так удивило Карела при первой встрече с ней («Может, у них своих шоферов не хватает?.. А может, ей так больше нравится? Самой баранку крутить...»).

Таким образом, гендерная роль Риты конструируется прежде всего через утверждение в качестве объекта внимания и желания двух героев-мужчин, что иллюстрирует распространенный стереотип о женщине как о центральном элементе конфликта, обусловленном мужской конкуренцией. В этом отношении показательна одна из последних сцен «Трассы», в которой Аркадий и Карел на прощание жмут друг другу руки, что символизирует их примирение, ведь после смерти возлюбленной героям больше нечего делить. Схожий женский образ представляет Тая из известной киноэпопеи А. Кончаловского «Сибириада» (1978), интимная связь с которой становится поперек дружбы Тофика и Алексея Устюжанина.

Фильм «На таежных ветрах» (1979) о геологах-нефтеразведчиках тюменских кладовых снят по мотивам романа К. Лагунова «Одержимые» (1974). Действие разворачивается в молодом поселке нефтяников, а в качестве ключевых женских персонажей предстают учительница Лида и работница столовой Соня.

Драма Лиды – это жизнь с нелюбимым мужем, помбуром Сенечкой, что подсвечивает еще более явно случайная встреча с недавно приехавшим в поселок буровым мастером Ярославом. Развитие истории их любви с первого взгляда оказывается процессом обретения Лидой своей субъектности и признанием героиней примата личного счастья над моральным долгом перед Сенечкой, который беспрекословно любил жену. Контекст нефтегазового освоения с его выраженным гендерным дисбалансом [5, с. 116–120] становится для женщины пространством возможностей для переустройства личной жизни и альтернатив в выборе/смене партнера, несмотря на признание социальных последствий такого выбора: «Знаешь, Ярослав, наверное, нелегко нам будет».

Если кейс Лиды символизирует инструментальную выгоду от исключительного положения женщины, то персонаж Сони, бывшей официантки в аэропорту райцентра Сарья, воплощает негативные риски от присутствия женщины в маскулинной среде. Ее приезд в поселок ознаменован слухами о прошлых интимных связях («да ее каждый командировочный в Сырье знает. Она ведь в ресторане работает?.. То-то весь поселок звонит, подобрал, мол»), которые могли быть инициированы лишь внешней привлекательностью героини («интересная девушка»). Это обстоятельство осложняет отношения девушки с Платоном Ветровым, ради которого она устраивает переезд и меняет место работы. Ключевым становится эпизод явного внимания к Соне со стороны начальника экспедиции Германа Кузьмича, который просит ее задержаться с ним в столовой. Несмотря на прозаичность ситуации (они лишь разговаривают), домыслы об измене способствуют разрыву отношений Сони и Платона: «Неизвестно, какой ты у нее по счету. Говорят, начальник экспедиции...». Скрывая новость о своей беременности, Соня отправляется в бригаду к Ярославу на должность повара, и лишь после ряда перипетий герои воссоединяются.

Образ Сони – история «роковой женщины» в ЗСНГК, в некотором смысле страдающей от издержек своей сексуальности. Создатели фильма намеренно акцентировали внешнюю красоту девушки: безупречный макияж, сложные прически, яркие цвета гардероба (красный платок, платье в красный цветок), украшения и прочее, что не только входит в противоречие с реалиями ее производственно-трудовых условий, но и нивелирует их значимость для кинокартины. Беременность же Сони можно назвать отсылкой к одной из начальных сцен фильма, в которой парторг Русаков, проходя по поселку, наталкивается лишь на женщин с колясками и детвору, что как бы указывает на основную роль женщин в ЗСНГК.

Советский кинематограф о нефтегазовом освоении Западной Сибири репрезентативно ограничивал женские образы рамками традиционных гендерных нарративов. Сюжетообразующая роль женских персонажей преимущественно определялась мотивами любви и построения романтических отношений, тогда как их профессиональная самореализация оставалась на периферии повествования или вообще нивелировалась. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, по мысли создателей фильмов, не открывал для женщин передовые позиции тружениц геологии и нефтеразведки; их трудовой статус в большинстве был связан с феминизированными отраслями труда (повар, учительница, врач и пр.). Наконец, значение феминности в кино о «большой нефти» Севера было имманентно связано с представлениями о сексуальности женщин как угрозе дисциплины в рабочих коллективах, превращаясь в источник драматического и социального напряжения.

Литература

1. Дашкова Т. Ю. Телесность – Идеология – Кинематограф: визуальный канон и советская повседневность. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 256 с.
2. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности : сб. статей / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–452.
3. Прохоров А. Ключевое понятие № 4: киномужественность – от сталинизма к оттепели // Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб. : Академический проект : Издательство ДНК, 2007. С. 59–71.
4. Северный вариант. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/471714/?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.12.2025).
5. Стась И. Н. Гендер и половозрастной состав населения в нефтяных городах // Статья горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган : Курганский Дом печати, 2018. С. 112–125.
6. Dumančić M. Men Out of Focus: The Soviet Masculinity Crisis in the Long Sixties. Toronto: University of Toronto Press, 2020. 344 p.

7. McCallum C. E. The Fate of the New Man. Representing & Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965. DeKalb, IL : Northern Illinois University Press, 2018. 259 p.
8. Red women on the silver screen. Soviet women and cinema from the beginning to the end of the communist era / ed. by Lynne Attwood. London : Pandora, 1993. 272 p.
9. Sexuality, Nudity and the Body in Soviet Cinema / ed. by Birgit Beumers, Catherine Icon, Eugénie Zvonkine. London : Routledge, 2025. 254 p.
10. Shcherbenok A. Russian/Soviet screened sexuality: An introduction // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2009. № 3 (2). P. 135–144.
11. Women in Soviet Film. The Thaw and Post-Thaw Periods / ed. by Marina Rojavin, Tim Harte. London : Routledge, 2017. 216 p.

УДК 947: 323

Отражение августовского кризиса 1991 г. в политическом пространстве севера Западной Сибири

Сердюков Д. В.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена реакция региональных властей Тюменской области на события августовского путча 1991 г., проанализирована противоречивая позиция партийных органов и областного руководства в отношении ГКЧП. Особое внимание уделено активной поддержке российского руководства со стороны областных и окружных советов, а также органов госбезопасности. Описан ход событий: проведение митингов, принятие официальных решений, реакция средства массовой информации и населения региона, а также процесс ликвидации областных структур КПСС после поражения путча. Несмотря на первоначальную растерянность, большинство региональных органов власти заняло пророссийскую позицию, что сыграло важную роль в противостоянии ГКЧП.

Ключевые слова: ГКЧП, путч, КГБ, регионы севера Западной Сибири, Тюменский обком КПСС, президиум, советы народных депутатов

Reflection of the August 1991 Crisis in the Political Space of the North of Western Siberia

Serdyukov D. V.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article examines the reaction of the regional authorities of the Tyumen region to the events of the August 1991 coup, analyzes the contradictory position of the party authorities and the regional leadership in relation to the Emergency Committee. Special attention is paid to the active support of the Russian leadership from regional and district councils, as well as state security agencies. The course of events is described: holding rallies, making official decisions, the reaction of the media and the population of the region, as well as the process of liquidation of the regional structures of the CPSU after the defeat of the coup. Despite the initial confusion, most regional authorities adopted a pro-Russian position, which played an important role in opposing the Emergency Committee.

Keywords: The State Emergency Committee, the coup, the KGB, the regions of the north of Western Siberia, the Tyumen Regional Committee of the CPSU, the presidium, the councils of People's deputies

В дни августовского переворота 1991 г. региональные государственные и партийные органы оказались в ситуации неопределенности. С одной стороны, давил ГКЧП с решением о введении чрезвычайного положения, с другой – Президент РСФСР Б. Н. Ельцин, призвавший к сопротивлению.

Из секретариата ЦК КПСС 20 августа на имя первого секретаря Тюменского обкома поступила телеграмма без подписи с предложением оказать поддержку ГКЧП. По официальным данным, первый секретарь обкома КПСС В. С. Чертищев принял решение не доводить эту телеграмму до членов бюро обкома и секретарей партийных комитетов [3]. Об этом говорят архивные источники фонда обкома КПСС.

Есть и другие оценки тех дней. Эти события описывал тюменский историк-краевед А. А. Петрушин. Председатель созданного в мае 1991 года КГБ РСФСР генерал-майор В. В. Иваненко предложил председателю Тюменского областного Совета Ю. К. Шафранику опубликовать 20 августа в местных газетах документы ГКЧП и обращение российского руководства: «Люди сами разберутся, что к чему». И буквально 20 августа в Тюмени у Дома Советов прошел митинг против действий ГКЧП в поддержку обращения Ельцина «К гражданам России» [8]. По данным комиссии депутатского расследования облсовета, еще один митинг прошел вечером 21 августа на площади у Дворца культуры и техники «Геолог» [4, л. 61, 170].

Президиум Тюменского облсовета народных депутатов принял решение обязывавшее местные советы обеспечить выполнение указов Президента РСФСР, 19 августа в 19 часов, а 20 августа официально довел свою позицию о неконституционности чрезвычайного положения, соответствующий текст телеграммы за подписью Ю. К. Шафраника направили во все органы власти Сибири и Урала [4, л. 54–62]. При этом из 11 членов бюро Тюменского обкома за содействие ГКЧП выступили члены ЦК: В. С. Чертищев и слесарь-сборщик судостроительного завода В. И. Лобовский. Остальные, включая секретаря обкома по идеологии В. П. Первушина и первых секретарей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого окружкомов А. А. Рыбалова и С. Е. Корепанова, воздержались при голосовании в поддержку «заявлений» ЦК компартии РСФСР и КПСС [8].

Утром 20 августа на расширенном совещании в Салехарде С. Е. Корепанов констатировал неопределенность: «Ни обком партии, ни ЦК РКП официального отношения к происходящим событиям пока не высказали. Мы будем поддерживать все то позитивное, что отвечает чаяниям трудового народа» [7].

Председатель КГБ РСФСР В. В. Иваненко составил служебную шифротелеграмму в российские территориальные органы госбезопасности. К «обращению» Б. Н. Ельцина добавил свой абзац: «В этот критический для нашего общества день все сотрудники органов безопасности должны проявить выдержку, благоразумие, способность трезво оценивать политическую ситуацию в стране, всемерно содействовать законно избранной народом власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития. Уверены, что сотрудники органов КГБ РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте» [8].

Начальник УКГБ по Тюменской области генерал-майор В. А. Ефремов, избранный в 1990 г. депутатом облсовета, зачитал телеграмму, подписанную председателем КГБ РСФСР В. В. Иваненко. Не зная, чем закончатся события в Москве, офицеры госбезопасности и милиции в Тюмени «твердо решили встать на сторону правительства России, руководствоваться приказами и распоряжениями КГБ и МВД РСФСР» [8].

К утру 21 августа военная активность ГКЧП снизилась, 22 августа в 18 часов в Тюмени над Домом советов под звуки российского гимна (мелодия М. И. Глинки) был поднят трехцветный национальный флаг России [8].

Только 23 августа бюро обкома КПСС распространило заявление, в котором сообщило о необходимости незамедлительного созыва пленумов ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР. В заявлении также присутствовало обращение в прокуратуры СССР и РСФСР с просьбой провести расследование причастности всех членов ЦК КПСС и КП РСФСР к государственному перевороту [3].

На севере с первого дня решительную позицию занял председатель Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа В. А. Чурилов. В окружном радиоэфире 19 августа он осудил ГКЧП, призвал жителей округа к соблюдению Конституции [9, с. 69].

Председатель Ямало-Ненецкого окружного Совета народных депутатов Л. С. Баяндин также поддержал Б. Н. Ельцина. В решении президиума окружного совета было указано, что органам власти округа необходимо соблюдать Указы Президента и распоряжения правительства РСФСР, приказы КГБ, МВД и Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам. Народным депутатам Советов округа всех уровней через средства массовой информации, встречи в трудовых коллективах, избирательных округах провести работу по разъяснению Указов Президента РСФСР [1]. Окружная газета «Красный Север» не смогла оперативно сообщить об этом читателям, ссылаясь на недостаточные типографские мощности и отсутствие необходимого количества наборщиков [7].

Несмотря на активную работу президиумов областного и окружных советов на местах, ситуация была тревожной. Так, с некоторой растерянностью в Ноябрьске 19 августа в 14 часов предпринята попытка собрать совещание в городском совете. Председателя горсовета А. Д. Кота в это время в городе не было, собрались далеко не все. Было принято обращение к горожанам – сохранять спокойствие, обойтись без митингов. Информация из Москвы отсутствовала, и исполком занял выжидательную позицию. Только 20 августа горсовет собрался и призвал поддержать российское правительство. Жители Ноябрьска получали информацию в основном из радиопередач Ханты-Мансийского радио, транслировавших самые последние новости. Городское радио не смогло в силу отпусков большинства сотрудников отразить ситуацию своевременно и качественно. В городской газете «Северная вахта» тоже ничего о госперевороте не писали. У спорткомплекса «Ямал» 22 августа состоялся митинг горожан. На нем выступил приехавший к тому времени председатель горсовета А. Д. Кот. Мероприятие превратилось в конфликт и пустые споры. Уже 23 августа к флагу РСФСР над горсоветом подняли еще и трехцветный флаг. Городские власти явно осторожничали. Флаг РСФСР сняли только вечером 26 августа [7].

Через неделю Л. С. Баяндин на страницах «Красного Севера» для широкой аудитории опубликовал итоги предварительного расследования: «При общем осуждении действий антиконституционного ГКЧП и полной поддержке мероприятий Президента РСФСР отмечено, что председатель Ямальского райисполкома Х. М. Езынги телеграммой рекомендовал сельским советам действовать в соответствии с законом о правовом режиме ЧП. Сознательно сдерживалась оперативность подачи в эфир информации председателем комитета по телерадиовещанию В. Н. Скрикуляком, требовавшим письменных указаний Окрсовета. Председатель Новуренгойского горисполкома Л. А. Ермилова дала указание начальнику городского узла связи К. К. Журову ограничить доступ в радиоузел и уклониться от разговора с депутатами о необходимости передать указы Президента РСФСР. Заместитель председателя исполкома Губкинского поселкового Совета Ю. С. Медведев на совещании с хозяйственными руководителями поселка 20 августа предложил создать штаб по чрезвычайному положению, отказывался принять по телефону тексты Указов Президента РСФСР, не проявлял желания с ними ознакомиться. По итогам проверки к указанным должностным лицам необходимо применить законные меры. Предложить прокурору округа В. А. Полякову дать правовую оценку их действиям. При этом, принято решение президиума Ямало-Ненецкого окружного Совета в целом одобрить деятельность советов народных депутатов всех уровней, их исполнительных органов, средств массовой информации, хозяйственных руководителей, поддерживавших законно избранные органы власти РСФСР» [2].

Председатель Ханты-Мансийской окружной комиссии по расследованию Г. В. Тихонов сообщил, что не было выявлено никаких документов, а также действий со стороны работников совета и аппарата, указывавших на их причастность к деятельности ГКЧП [5].

В масштабах Тюменской области аналогичные решения приняты президиумами городских и большинства районных советов. Часть районов провели расширенные заседания президиумов советов 21 августа. Позже всех решения приняли в Омутинском и Бердюжском районах, там президиумы собрали, когда ГКЧП прекратил свое существование, а в Сорокинском районе заседание президиума не состоялось из-за отсутствия кворума [4, л. 1, 24, 25, 64, 85]. Депутатская комиссия Октябрьского районного совета Ханты-Мансийского автономного округа отметила, что никаких сведений о поддержке Президента России нет. Отсутствие заместителей и самого первого секретаря РК КП на месте в дни переворота, молчаливая позиция комитета дает основания судить о пассивно-выжидательной тактике руководства райкома партии [4, л. 5].

В Ханты-Мансийском автономном округе информации о проведенных митингах в источниках выявить не удалось, однако факты пассивного протеста против ГКЧП зафиксированы на стене школы № 7 в Сургуте: неизвестные белой краской крупно написали «Свободу Горбачёву» [6].

После упразднения ГКЧП Президент Б. Н. Ельцин 23 августа Указом № 79 приостановил деятельность КПСС на территории Российской Федерации [9, с. 68]; 24 августа 1991 года Исполком Тюменского облсовета следом подтвердил его действие, запустил процесс ликвидации партийных структур и национализацию партийного имущества на территории Тюменской области [4, л. 178].

На местах ликвидация партийных организаций проходила спокойно, кабинеты парткомов на период проверки опечатались. Заключение комиссии облсовета по результатам изучения партийных документов передали в прокуратуру. Их озвучил прокурор Тюменской области В. А. Багин: «Установлено: часть документов, прежде всего шифртелеграммы, полученные в дни путча, уничтожены по указанию первого секретаря обкома Чертищева. Следственной частью облпрокуратуры начато предварительное расследование». Однако Генеральный прокурор В. П. Степанков рассудил политически: «Мы не можем людей привлекать к уголовной ответственности за инакомыслие». Расследование в отношении Чертищева и других работников обкома прекратили «за отсутствием состава преступления» [8].

С одной стороны, в Тюменском регионе ощущалась растерянность в первые дни путча, не было четкого понимания того, какой центр власти поддержать. Партийные комитеты как правило заняли выжидательную позицию. Одной из причин такого поведения источники называют устную рекомендацию первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. С. Чертищева не выступать официально ни с какими заявлениями до выяснения ситуации [4, л. 246–247]. С другой стороны, действия советов народных депутатов и их исполнительных органов демонстрировали активную поддержку Президента РСФСР. В организации противодействия ГКЧП стоит признать особую роль руководства КГБ и МВД РСФСР и их тюменских структур.

Литература

1. Баяндин Л. С. В президиуме окружного совета // Красный Север. 1991. № 38. С. 1.
2. Баяндин Л. С. Уроки истории. В президиуме окружного Совета // Красный Север. 1991. № 40. С. 3.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Ф. 124. Оп. 157. Д. 31. Л. 2–3.
4. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области». Ф. 814. Оп. 1. Д. 7850а.
5. Донская О. Дело ГКЧП. Наши не причастны? // Новости Югры. 21.09.1991. С. 1.
6. Казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Фотофонд. Оп. 1. Д. 474. Л. 1.
7. Кривчиков К., Мельник М., Зимин В. Савенков В. Флаг свободной России // Красный Север. 1991. № 39. С. 2.

8. Петрушин А. А. В августе 1991 года // Тюменский курьер. 20.08.2021. С. 5. URL: <https://tm-courier.ru/2021/08/20/v-avguste-1991-goda/> (дата обращения: 10.12.2025).

9. Прищепа А. И. Формирование политической структуры Ханты-Мансийского автономного округа в 1990-е годы // Северный регион. 2000. № 2. С. 68–75.

УДК: 930.1(571.12):639.2"20"

Отечественная историография о рыбной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в XX в.

Кетоков А. Б.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В работе рассмотрены основные направления историографии, посвященной рыбной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в XX в. Показан переход от советского хозяйственно-экономического подхода к современному междисциплинарному осмыслению отрасли с учетом повседневности, экологии и культурных практик. Уделено внимание вкладу ключевых авторов, анализировавших структуру промысла, его экологические последствия и социокультурные аспекты.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ, рыбная промышленность, историография, XX век, экология, повседневность, этнография, промысел

Domestic Historiography on the Fishing Industry in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the 20th Century

Ketokov A. B.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The paper examines the main areas of historiography devoted to the fishing industry of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the 20th century. The transition from the Soviet economic approach to a modern interdisciplinary understanding of the industry, taking into account everyday life, ecology and cultural practices, is shown. Attention is paid to the contribution of key authors who analyzed the structure of fishing, its environmental consequences and socio-cultural aspects.

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug, fishing industry, historiography, 20th century, ecology, everyday life, ethnography, handicraft

Рыбная промышленность Ханты-Мансийского автономного округа представляет собой важную составляющую хозяйственного, экологического и социального развития региона в XX в. Сочетание богатой водной системы Обь-Иртышского бассейна и его притоков, традиций коренных народов и промышленного освоения Севера определили уникальный облик отрасли. В статье дана попытка анализа перехода от хозяйственно-производственного подхода в советский период к междисциплинарному осмыслению отрасли с учетом факторов повседневности, экологии и культуры на современном этапе.

В советской историографии теме рыбного промысла посвящено множество опубликованных работ, историки этого периода сосредоточились на экономико-производственном направлении.

Одним из первых исследователей, комплексно отразивших специфику отрасли, был ученый-ихтиолог И. Н. Арнольд. В работе «Рыбная промышленность» он предоставил общий

обзор рыбного промысла СССР. В его исследовании показаны орудия и способы лова, породный состав рыбы разных районов. В работе содержится информация о рыбных продуктах и торговле ими с разными странами [2].

Исследования в области рыбодобычи продолжил А. Т. Мандрик. В работе «Рыбная промышленность советского Дальнего Востока в 1959–1965 гг. Очерки истории» ученый проанализировал рыбную промышленность Дальнего Востока и отметил негативные тенденции отсутствия квалифицированных кадров, дисбаланс между объемами улова и производственными мощностями рыбопереработки [12].

Комплексным исследованием является работа Н. П. Сысоева «Экономика рыбной промышленности СССР», в которой он подробно рассмотрел значение рыбных ресурсов, техническое оснащение и организацию рыбообработки [22].

В коллективном труде, приуроченном к десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа, содержится информация о крупных рыбопромышленных предприятиях региона на 1941 г. В исследовании отражена история создания рыбодобывающей базы, указаны статистические данные об уловах и производстве продукции в довоенные годы, сведения о кадровом потенциале предприятий [4].

Особую ценность представляет работа Ю. П. Прибыльского «Подвиг рыбаков Обь-Иртышья», где представлены исторические сведения о становлении промыслов, табличные данные по объемам вылова, участие трудовых коллективов в добыче, переработке и обработке рыбы. По мнению исследователя, район Обь-Иртышья является перспективной зоной развития рыбного хозяйства Севера [17].

Труд Н. М. Кокосова «Ханты-Мансийский национальный округ» описал виды рыб, методы лова, водоемы, размещение инфраструктуры: рыбзаводов, консервных фабрик, рыбоучастков [11]. Региональная картина может быть дополнена работой И. П. Захарова, посвященной истории развития Сургута и рыбной промышленности [9]. В исследованиях Б. У. Серазетдинова указаны сведения о добыче рыбы югорчанами в период военного времени. Автор с помощью статистических данных показал выполнение годовых планов по рыбодобыче и выпуску консервов [21]. В книге А. С. Экономовой «Моя Родина – Ханты-Мансийск» зафиксированы сведения о работниках, отличившихся в переработке и обработке рыбы [23].

Сведения об основных предприятиях, которые были сосредоточены на выпуске рыбной продукции, можно найти в комплексном исследовании М. Е. Бударина. Он отмечал важность воспроизводства рыбных ресурсов и поиска новых мест для промысла [5].

Тему рыбной промышленности затрагивал Л. Е. Киселев. По его мнению, на Севере сложилась мощная добывающая и перерабатывающая база. В его исследовании содержится информация о людях, которые внесли значительный вклад в развитие рыбной промышленности региона [10].

Роль молодежи в развитии рыбной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа рассмотрена в краеведческом исследовании Н. Б. Патрикеева. На основе периодической печати и воспоминаний очевидцев автор систематизировал информацию о социально-бытовом устройстве работников на предприятии [15], а также отразил информацию о становлении рыбной промышленности [16].

Работы советского периода ограничивали анализ и восприятие отрасли как сложной системы, включающей людей, экологию и культуру, но они являются мощной методологической основой, которая обеспечила массовое накопление плановых и производственных показателей. Например, работы содержат количественные данные об уловах и переработке сырья. В исследованиях отражена статистика о численности рабочих и планы развития отрасли. Данные позволяют воссоздать представление о состоянии рыбной промышленности не только всего государства в целом, но и отдельно региона.

Даже в более поздних исследованиях авторы часто возвращались к темам добычи и организационной структуры предприятий. Связано это с тем, что их информация создает устойчивую, сравнимую и количественно выраженную базу, которую легче отследить на протяжении времени,

чем сложные социальные и культурные слои отрасли. Исследования, основанные на хозяйственно-производственном подходе, не дают полноценного представления о состоянии рыбной промышленности. В постсоветской историографии фокус исследований смещен в сторону междисциплинарного подхода, что приносит преимущества для реконструкции более детальной картины рыбной отрасли.

В исследованиях рыбной отрасли Ханты-Мансийского автономного округа проблематика приобрела форму взаимосвязанных направлений, где экологические и санитарные условия, социально-трудовые факторы и индустриальные практики стали неотделимы от показателей предприятий.

В работе А. И. Прищепы отмечено «неблагополучное санитарное состояние населенных пунктов». В исследовании автор показал, что экологическая обстановка вокруг Сургутского рыбокомбината была плачевной, виной тому было загрязнение сточных вод самим предприятием [18]. Историк Н. Н. Рашевская в серии работ продолжила анализ производственных и санитарных условий на Сургутском рыбокомбинате, включая гендерный и возрастной контекст труда [19, 20].

Интерпретацию водного пространства как социального и промышленного ресурса предложил Е. И. Гололобов в статье «Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке». Ученый отметил, что политика государства в отношении водного пространства меняется. Подход к гидроресурсам как к биоресурсу, который можно «хищнически» использовать, сменяется охранной политикой. Переход к охране водных ресурсов сопровождается изменением целей и инструментов освоения Севера: от ускоренного роста и расширения добычи – к устойчивому управлению водоснабжением, охраной водных объектов и гармонизацией интересов предприятий, государства и населения [7].

Ученый М. С. Мостовенко расширил проблематику экологического загрязнения и зафиксировал в исследованиях последствия освоения Севера: загрязнение Оби, состояние очистных сооружений, работу комиссии по охране природы [13, 14].

Исследователь Д. О. Елисеев проанализировал влияние климатических изменений на арктическое рыболовство, затронув контексты, актуальные для Ханты-Мансийского автономного округа [20].

Состояние рыбных угодий в годы Великой Отечественной войны и последствия перенапряжения ресурсной базы изучены Л. В. Алексеевой [1].

Ученые А. Л. Гаврилов и О. А. Госькова выявили влияние промышленных объектов на улов и состояние ихтиофауны [6].

Проблематика традиционного природопользования, сохранения биоресурсов и устойчивого промысла отражена в экологических и этнографических работах постсоветского времени [3].

Историография рыбной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в XX в. прошла путь от сугубо хозяйственного анализа к комплексному исследованию, учитывающему экологические, социальные и культурные аспекты. Эта эволюция отражает изменение научных подходов и саму трансформацию региона в условиях индустриального освоения, где экологические условия, социально-трудовые факторы и индустриальные практики становятся неразрывно связанными с показателями предприятий и состоянием природных ресурсов.

Литература

1. Алексеева Л. В. Рыбные угодья и уловы на севере Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижневартского государственного университета. 2021. № 2. С. 45–52.
2. Арнольд И. Н. Рыбная промышленность. М. ; Л. : Государственное изд-во, 1926. 47 с.
3. Богданов В. Д. Социально-экологические условия промышленного освоения полуострова Ямал: проблемы традиционного природопользования // Вестник Арктики. 2020. № 2. С. 54–62.

4. Возрожденный народ: к десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа / сост.: П. В. Байнарович [и др.]. Омск : Омское областное изд-во, 1941. 108 с.
5. Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск : Омское областное государственное изд-во, 1952. 184 с.
6. Гаврилов А. Л., Госькова О. А. К изучению ихтиофауны реки Евояхи // Материалы по экологии и биологии Севера. Тюмень, 2012. С. 133–137.
7. Гололобов Е. И. Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке // Вестник гуманитарных исследований. 2018. № 4. С. 19–27.
8. Елисеев Д. О. Потенциал промышленного рыболовства в Карском море в условиях климатических изменений: проблемы и перспективы // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 84–97.
9. Захаров И. П. Моя земля. Сургут : Нефть Приобья : Сургутнефтегаз, 1999. 214 с.
10. Киселев Л. Е. От патриархальщины к социализму: опыт КПСС по социалистическому преобразованию в национальных районах Севера / науч. ред., предисл. М. Е. Бударин. Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1974. 266 с.
11. Кокосов Н. М. Ханты-Мансийский национальный округ. Тюмень : Тюменское кн. изд-во, 1973. 248 с.
12. Мандрик А. Т. Рыбная промышленность Советского Дальнего Востока в 1959–1965 гг.: очерки истории : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1968. 459 с.
13. Мостовенко М. С. Экологические проблемы индустриального освоения Севера в 1970–1980-е гг. // Исторический вестник Югры. 2020. № 1. С. 34–42.
14. Мостовенко М. С. Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е гг. // Югорский вестник экологической истории. 2021. № 3. С. 51–59.
15. Патрикеев Н. Б. Молодежь Севера в годы послевоенных пятилеток (1945–1958) : ист.-публ. очерк. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 98 с.
16. Патрикеев Н. Б. Югра: вехи жизни: краеведческий очерк. Ханты-Мансийск : Н.И.К., 1995. 121 с.
17. Прибыльский Ю. П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья. Тюмень : Заря Севера, 1978. 152 с.
18. Прищепа А. И. Проблема чистой воды в Сургуте в 1950–1990 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-chistoy-vody-v-surgute-v-1950-1990-gg> (дата обращения: 11.12.2025).
19. Рашевская Н. Н. Производственная повседневность рабочих Сургутского рыбокомбината во второй половине 1940 – первой половине 1950-х гг. // История повседневности. 2019. № 2. С. 66–74.
20. Рашевская Н. Н. Послевоенная повседневность сургутской молодежи // Сибирский архив. 2020. № 1. С. 89–95.
21. Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны, 1941–1945. Екатеринбург : Пакрус, 2005. 222 с.
22. Сысоев Н. П. Экономика рыбной промышленности СССР. М. : Экономика, 1980. 304 с.
23. В труде, как в бою / сост.: А. С. Экономова, Т. Г. Зуева. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. 147 с.

УДК 93/94

**Конфессиональный состав населения Тюменской области в начале 1980-х гг.
(по данным уполномоченного Совета по делам религий)**

Кузнецова А. А.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния религиозного состава жителей Тюменской области в позднесоветский период, в начале 1980-х гг. На основе документов уполномоченного Совета по делам религий исследованы структура, численность и практики религиозных объединений в Тюменской области. Несмотря на немногочисленность и жесткий административный контроль, в регионе сохранялся пестрый конфессиональный ландшафт, включавший зарегистрированные общины Русской православной церкви, ислама и евангельских христиан-баптистов, а также незарегистрированные группы протестантов, сохранялись традиционные верования коренных народов Севера.

Ключевые слова: религия в СССР, Совет по делам религий, Сибирь, Тюменская область

**Confessional Composition of Population of the Tyumen Region in the Early 1980s
(According to the Data of the Authorized Council for Religious Affairs)**

Kuznetsova A. A.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the state of the religious composition of the inhabitants of the Tyumen region in the late Soviet period, in the early 1980s. Based on the documents of the Authorized Council for Religious Affairs, the structure, number and practices of religious associations in the Tyumen region are investigated. Despite its small population and strict administrative control, the region maintained a diverse confessional landscape, including registered communities of the Russian Orthodox Church, Islam, and Evangelical Baptist Christians, as well as unregistered Protestant groups, and the traditional beliefs of the indigenous peoples of the North.

Keywords: Religion in the USSR, Council for Religious Affairs, Siberia, Tyumen Oblast

Религия занимает особое место в человеческом обществе. В советское время власти бросали огромные усилия на то, чтобы искоренить религию и религиозное сознание из общества.

В советской истории было несколько крупных антирелигиозных кампаний. В работе Т. А. Чумаченко, детально изучившей государственно-церковные отношения в 1941–1961 гг., показано, как после репрессий 1930-х гг. Великая Отечественная война и внешняя политика стали причинами вынужденного компромисса и частичной легализации религиозной жизни. Уже к концу 1940-х гг. вновь началось постепенное ужесточение курса. Автором отмечено, что к рубежу 1950–1960-х гг. государство не просто вернулось к репрессивным методам (количество храмов в стране было сокращено почти на 36 %, то есть в 1961 г. – 11 742 храмов, 1966 г. – 7 523 храмов [5]), но и завершило создание системы бюрократического контроля в лице Совета по делам религий и его института уполномоченных [6, с. 228–232].

К началу эпохи застоя по религиозным институтам был нанесен серьезный удар и окончательно отлажен механизм повседневного административного надзора. Советское руководство в значительной степени отказалось от репрессивных методов борьбы с религией и перешло к различным видам идеологического воздействия на советских граждан с целью воспитания у них атеистических убеждений.

К середине 1960-х гг. важную роль в функционировании системы атеистического воспитания играло содействие региональных уполномоченных Совета по делам религий

при Совете Министров СССР. Этот орган возник в результате слияния Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов, существовавших со времен Великой Отечественной войны. Помимо центрального аппарата, располагавшегося в Москве, Совет имел уполномоченных в большинстве регионов Советского Союза [3, с. 120].

В рамках единой общегосударственной системы осуществлялся контроль и над деятельностью верующих Тюменской области. В рассматриваемое время в регионе практически не было церквей и других культовых сооружений: в 1965 г. – 15 действующих храмов, в начале 1980-х гг. – только семь [5]. Религиозная жизнь существовала в основном в подполье и негласно.

По данным уполномоченного Совета по делам религий на 1983 г., в Тюменской области присутствовали верующие Русской православной церкви (РПЦ), мусульмане, евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня, лютеране, старообрядцы и истинно-православные христиане (ИПХ). Кроме того, среди коренных жителей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов было распространено язычество [1, л. 63].

Среди 11 зарегистрированных семь объединений было представлено Русской православной церковью, два объединения – мусульманской общиной, два объединения – евангельскими христианами-баптистами. Кроме зарегистрированных 24 объединения действовали без регистрации, в основном это были малочисленные секты и лютеране [1, л. 63–64].

В области имелись религиозные сооружения (табл. 1) [1, л. 64].

Таблица 1

Церкви Тюменской области на 1983 г.

Город	Количество церквей
Тюмень	2
Тобольск	2
Ишим	2
Ялуторовск	1

Наибольшая часть культовых обрядов проводилась в Тюменском и Тобольском соборах, а также в Ишимской Никольской церкви. За счет этих обрядов собиралось свыше половины всех денежных доходов. О деятельности РПЦ можно судить исходя из данных табл. 2 [1, л. 64–65].

Таблица 2

Деятельность Русской православной церкви в период с 1979–1983 гг.

Направление	1979 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.
Совершено крещений, всего					
в том числе:					
Тюмень					
Тобольск					
Ишиме					
Ялуторовск					
Окрещено детей школьного возраста, всего					
в том числе:					
Тюмень					
Тобольск					
Ишим					
Ялуторовск					
Совершено венчаний, всего					
в том числе:					
Тюмень					
Тобольск					–
Ишим					
Ялуторовск	–		–		
Совершено очных отпеваний					

Получено денежных доходов, тыс. руб.					
в том числе:					
от исполнения культовых обрядов, тыс. руб.					
от добровольных пожертвований верующих, тыс. руб.					
от продажи религиозной литературы и предметов культа, тыс. руб.					

Рост денежных доходов церквей за пять лет в основном происходил за счет продажи верующим религиозной литературы, свечей и предметов церковной атрибутики, цены на которые с 1981 г. были существенно повышены. Необходимо учитывать, что данные табл. 2 не представляют полной картины религиозной обрядности, так как отдельные жители области могли совершать культовые обряды в других областях во время поездок, отпусков и т. д.

Исполкомы местных Советов и уполномоченные Совета по делам религий регулярно прослушивали и анализировали содержание проповедей. С общими проповедями перед верующими священники церквей выступали в дни религиозных праздников, а также по субботам и воскресеньям. В другие дни службы священники проводили с паствой короткие беседы о деяниях святых угодников, разъясняли смысл библейских заповедей, на примерах жизни святых угодников проводили поучения верующим правилам поведения христиан в повседневной жизни.

К содержанию лекций у представителей властей претензий не было, так как в основном они носили религиозно-догматический характер, отдельные проповеди увязывали с современной жизнью и вопросами борьбы за мир. Нередко в беседах порицалось пьянство, обман, недостойное поведение в семье и на производстве. Фактов использования священниками проповедей во «враждебных целях», призыва к невыполнению законодательства, запугивания верующих близким концом света властями не было выявлено.

Обеспокоенность властей вызывали случаи, в результате которых верующие укреплялись в своей религиозности и это затрудняло их отход от религии. Так, братья Храмцовы посещали с детства церковь с матерью. После службы в армии, несмотря на то, что один из них получил высшее, а второй – средне-специальное образование, оба постриглись в монахи, объявили о желании служить церкви и стали священниками церквей в Омской области. Братья Курочкины из Ишима также воспитывались в религиозной семье, регулярно посещали церковь. После окончания школы и службы в армии оба поступили в Московскую духовную семинарию и по ее окончании были назначены священниками в церкви Тюменской области. Братья Коробченко, воспитанные религиозной бабушкой, также завершив учебу в техникуме и побывав в армии, устроились на работу в Тюменский Знаменский собор и по рекомендации настоятеля собора отправились учиться в духовную семинарию. Власти, исходя из существовавших примеров, делали вывод о том, что религиозное воспитание в семьях и прослушивание проповедей формировало у молодежи устойчивые религиозные взгляды, которые весьма сложно изменить [1, л. 66–67].

В целом уполномоченный Совета по делам религий Тюменской области отмечал, что духовенство и актив православных церквей в большинстве своем лояльно относились и поддерживали внешнеполитическую деятельность Советского Союза, соблюдали законодательство о религиозных культах, участвовали в отчислении средств в Фонд мира: в 1983 г. церкви отчислили 28 тыс. руб. (около 3,7 %) [1, л. 67], что соответствует общим тенденциям деятельности РПЦ в рамках Советского Союза.

Еще одной конфессией в Тюменской области был ислам. В 1980 г. зарегистрировано два объединения верующих мусульман: в Тюмени и Тобольске (по 40–50 человек каждое), состоявшие в основном из мужчин престарелого возраста. Служителями культа были выбраны

местные жители, знавшие арабский язык и культовую практику. Их культовая деятельность сводилась к проведению пятничных намазов и исполнению по просьбам верующих культовых обрядов. Проповеди имамов проходили в форме пересказа отдельных сур Корана и хадисов, разъяснений норм шариата, поскольку подавляющее большинство верующих арабского языка не понимали.

Большинство проповедей, как и в православных церквях, носили сугубо религиозный характер, в отдельных из них содержались призывы к соблюдению дисциплины, уважительному отношению друг к другу, осуждалось пьянство, моральная распущенность, недобросовестное воспитание детей. По сообщениям уполномоченного, каких-либо запугиваний и угроз карами на том свете, предсказаний конца света, призывов к паломничеству к святым местам в проповедях не отмечалось.

Обрядовая деятельность служителей культа заключалась в основном в чтении соответствующих сур Корана при захоронениях умерших, при наречении имен новорожденным и в случаях бракосочетания молодоженов. Фактов обрезания крайней плоти у мальчиков обнаружено не было. Этот обычай местными властями считался наиболее диким, поэтому длительное время одной из главных задач они видели в искоренении этой практики [4, с. 10].

За 1983 г. отпето 52 умерших, проведено 26 наречений имен новорожденным и выполнено около 40 обрядов при бракосочетании. Все культовые обряды выполнялись на квартирах верующих без разрешений местных исполкомов Советов, иногда по инициативе исполнительных органов и без предварительного оформления документов на обряд в мечети. По словам уполномоченного, это порождало злоупотребления и побуждало верующих к совершению религиозных обрядов [1, л. 69].

Первые молельные дома после антирелигиозной кампании хрущевского периода появились в Тюменской области только в 1981 г., а мечети – в эпоху перестройки [2], поэтому долгое время на мусульман-казахов, жителей области, оказывали влияние приезжавшие представители мечетей из Петропавловска и Кокшетау [4, с. 5].

В удаленных от мечетей селах, где имелось татарское население, культовые обряды выполнялись лицами, умевшими читать Коран. Денежные доходы мечетей за 1983 г. составили 42,7 тыс. руб., из которых 3,5 тыс. (около 8 %) были отправлены в Фонд мира [1, л. 69].

Евангельские христиане-баптисты имели два объединения по 40–50 человек каждое в Тюмени и Ишиме. Они в основном состояли из женщин пожилого возраста. Богослужения собирали в обычные дни 8–10 человек, в дни религиозных праздников могли прийти 30–40 человек. Пресвитером Тюменской общины был местный житель среднего возраста, с неполным средним образованием, который довольно ревностно относился к службе и старался омолодить общину путем привлечения детей из верующих семей.

Ишимскую общину возглавлял пенсионер с начальным образованием, который стоял на признании законодательства о религиозных культах. С проповедями выступали пресвитеры и диаконы, а также наиболее подготовленные из числа актива. Иногородних проповедников местными властями замечено не было.

Содержание проповедей евангельских христиан-баптистов были аналогичны примерам, рассмотренным выше (РПЦ, ислам) и не представлялись проблемными с точки зрения властей и законодательства о религиозных культах. В 1983 г. Тюменской общиной было окрещено пять человек, совершено пять очных отпеваний. Ишимская же община культовых обрядов не совершала. Добровольными пожертвованиями общины собрали 2,3 тыс. руб., из которых 0,2 тыс. руб. (около 8,7 %) было отчислено в Фонд мира [1, л. 69].

В области осуществляли деятельность и незарегистрированные религиозные общины. Наиболее активными среди них были три группы баптистов-раскольников, пять групп бетбрудеров (молящихся братьев, немецких протестантских сект), три группы пятидесятников и несколько групп верующих истинно-православных христиан. Деятельность малочисленных групп адвентистов седьмого дня, старообрядцев, баптистов носила эпизодический характер,

поэтому власти рассчитывали благодаря своевременной и эффективной антирелигиозной работе на полное прекращение их деятельности в ближайшее время.

Наибольшую активность из незарегистрированных общин проявляли баптисты – сторонники Совета церквей, проживавшие в с. Исетское, совхозе «Коммунар», колхозе «40 лет Октября». Руководители этих групп поддерживали связь с единоверцами из Киргизии, Свердловской области, от которых получали литературу, пленки с записями религиозных проповедей, указания по практической деятельности. Так, в ноябре 1983 года они отправили в Президиум ВС СССР письмо с требованием отмены законодательства о религиозных культах и освобождении из лагерей единоверцев, осужденных за совершение преступлений. Это была обычная практика для протестантских общин из разных регионов страны, в период 1960–1980-х гг. это становится одним из основных методов проявления несогласия с существовавшим режимом в вопросах свободы совести.

Верующие этих групп регулярно проводили на квартирах единоверцев молитвенные собрания, где выступали дети с религиозными представлениями. С активистами проводились профилактические беседы, в ходе которых они открыто высказывали свое несогласие с религиозным законодательством и отказывались от предлагаемой им регистрации. За нарушение законодательства о культах руководители данных групп подвергались штрафам [1, л. 70].

Что же касается верующих ИПХ, проживавших в г. Ханты-Мансийске, за начало 1980-х гг. каких-либо враждебных проявлений зафиксировано не было. Имевшие место ранее факты отказа от голосования во время выборов по религиозным мотивам и отказа от службы в армии в 1983 г. уже не наблюдались [1, л. 70]. В дни религиозных праздников верующие ИПХ, как правило, собирались в квартирах единоверцев и совершали богомоления.

Среди аборигенного населения Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов встречались пожилые люди, которые придерживались веры и обычаев своих предков, практиковали языческую обрядность. Так, во время захоронения умерших ненцы надевали на покойников всю принадлежавшую им одежду, при погребении клали их личные вещи, на месте захоронения забивали жертвенного оленя, остатки которого бросали в костер и окуривали. По возвращению в стойбище родственники умершего разбирали и переносили на другое место чум, изготавливали из дерева или другого материала куколку, в которой по преданию должна некоторое время жить душа умершего. Отдельные пережитки тотемизма и фетишизма сохранялись у хантов, манси и обских угров, которые почитали отдельные виды деревьев, камни необычной формы и т. д. [1, л. 71].

В Тюменской области наблюдался пестрый конфессиональный состав населения, хотя религиозные группы и немногочисленны. Среди общин РПЦ, ислама и некоторых протестантских групп наблюдались лояльные взаимоотношения с властью. Не нарушая советское законодательство о религиозных культах, этим группам удавалось действовать вполне легально. Незарегистрированные общины, которыми в большинстве своем являлись секты и некоторые протестанты, были радикально настроенными и убежденными в своей правоте, необходимости до конца отстаивать право на свободу вероисповедания. Надежды же советских властей относительно успеха атеистической пропаганды, как показали документы, а далее покажет история, не оправдались – религия продолжала оставаться важной частью жизни советского человека.

Литература

1. ГБУТО «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8012.
2. Духовное управление мусульман Российской Федерации. Тюменская область. URL: <https://dumrf.ru/regions/72/history> (дата обращения: 05.01.2026).
3. Ермолук А. В. Содействие уполномоченных Совета по делам религий атеистическому воспитанию населения (по материалам Челябинской области, 1965–1991) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). С. 120–123.

4. Фахрутдинов К. Х. Религия и человек. Из опыта тюменских атеистов, работающих среди мусульман. Свердловск : Среднеуральское кн. изд-во, 1967. 47 с.
5. Чернышов А. В. Религия и церковь в Тюменском крае: опыт библиографии : в 3 ч. Тюмень : Мандр и К, 2004. 272 с.
6. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие: 1941–1961. М. : АИРО-XX, 1999. 248 с.

УДК 911.3:620.9

Диверсификация топливно-энергетического комплекса Сибири на основе развития водородной энергетики

Зиатдинова И. И.

Высшая школа нефти, Альметьевск, Россия

Аннотация. В статье проанализирована диверсификация топливно-энергетического комплекса Сибири через развитие водородной энергетики как стратегически необходимое и исторически обусловленное направление. Показано, что моноресурсная экспортная модель региона сталкивается с вызовами декарбонизации и геополитической нестабильности. Обоснован потенциал интеграции водородных технологий в существующую энергетическую и логистическую инфраструктуру Сибири. Рассмотрены технологические форматы водорода и перспективы формирования новой энергетической специализации региона.

Ключевые слова: Сибирь, топливно-энергетический комплекс, водородная энергетика, диверсификация, энергетический переход

Diversification of the Fuel and Energy Complex of Siberia Based on the Development of Hydrogen Energy

Ziatdinova I. I.

Petroleum higher school, Almetьевsk, Russia

Abstract. The article analyzes the diversification of the Siberian fuel and energy complex through the development of hydrogen energy as a strategically necessary and historically determined direction. It is shown that the mono-resource export model of the region is facing the challenges of decarbonization and geopolitical instability. The potential of integrating hydrogen technologies into the existing energy and logistics infrastructure of Siberia is substantiated. The technological formats of hydrogen and the prospects for the formation of a new energy specialization of the region are considered.

Keywords: Siberia, fuel and energy complex, hydrogen energy, diversification, energy transition

Сибирь всегда была грандиозным энергетическим донором: отсюда шли пушнина, нефть, газ и электроэнергия. Фактически экономика региона долгое время основывалась на экспорте сырья, что делает Сибирь уязвимой перед глобальными вызовами декарбонизации и санкциями. Теперь перед регионом стоит задача диверсификации топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В данном случае водород выступает ключевым инструментом: он не заменит привычный газ и нефть, но позволит эволюционировать от примитивной сырьевой модели к высокотехнологичной ветви, ведь Сибирь имеет уникальные преимущества для «зеленого» и «голубого» водорода. Именно в связке старого и нового существует история Сибири: регион и раньше развивался по принципу синергии богатств и инноваций [4].

Технологический суверенитет России во многом зависит от водорода. По оценкам экспертов, сегодня Россия производит около 5 млн т водорода в год – это пятое место в мире [6]. При этом больше 95 % этого водорода получается из природного газа паровой конверсией (SMR) [6]. Сегодня почти весь российский водород «серый», то есть вырабатывается на нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ) и в химических цехах, с буржуазным CO₂ в атмосфере. Газ, отводимый на НПЗ, составляет около 6 % национального потребления газа [2, 6]. Во введенной в 2021 г. Энергетической стратегии России на период до 2035 г. впервые были официально упомянуты инновационные энергоносители вроде водорода наравне с традиционными [1]. Реальных программ и инфраструктуры пока нет: в России работает только одна заправочная станция для водорода в Черноголовке. Несмотря на это, пока Сибирь размышляет, в мире спрос на водород стремительно растет. Международное энергетическое агентство прогнозирует, что к 2050 г. он вырастет почти в шесть раз и займет до 18 % мирового энергопотребления.

Ключевой посыл: водород – не «эфемерный проект» и не «замена нефти», а инструмент трансформации старой моноресурсной модели в комплексную технологическую систему. У Сибири есть и ресурсы (газовые месторождения, крупнейшие ГЭС), и инфраструктура, и компетенции, чтобы внедрить разные виды водорода: «зеленый» (от электролиза на ГЭС и ВИЭ), «голубой» (газ с улавливанием CO₂), «розовый» (атом) и даже «белый» (природный) [1, 3]. Это значительно повышает шансы сохранить роль глобального энергетического игрока в эру борьбы с изменением климата.

Сибирь исторически развивалась как «ресурсная колония». Сначала это были пушнина и янтарь, позже – нефть и газ. Еще в XVI–XVII вв. Московское государство, унаследовав новгородские земли, строило «гигантскую систему продвижения на восток» по рекам и трактам. Основным экспортным ресурсом был мех; логистика строилась так, чтобы максимально эффективно изымать пушнину и отправлять ее в центр. Ключевые торгово-транспортные коридоры, созданные тогда, во многом совпадают с современными: например, путь от Сибири к Центральной России продолжает идти по аналогичным рекам и дорогам.

Советский период дал региону еще более внушительное наследие инфраструктуры. Поразительный рывок 1930–1980-х гг. превратил Сибирь и российскую Арктику из «экспортной периферии» в часть единого хозяйственного комплекса [4]. Были построены города, порты (Архангельск, Новосибирск, Хабаровск и другие), железные дороги (БАМ, Транссиб), трубопроводы (протянуты магистрали на Дальний Восток и в Европу), гидроэлектростанции, аэродромы и даже атомный ледокольный флот. Северный морской путь стал реальной трансконтинентальной магистралью; заводы в Красноярске и на Алтае обеспечили промышленное освоение. В итоге арктическая территория не просто перестала «услуживать западу» – она стала неотъемлемой частью экономики России.

Сейчас эти объекты – бесценный материальный задел для «водородного перехода». Дешевую «зеленую» энергию дают ГЭС: в стране уже вырабатывается до 48 % энергии ГЭС именно в Сибири и на Дальнем Востоке (хотя задействовано все меньше половины гидропотенциала региона) [5]. Трубопроводы и порты могут быть частично переориентированы на транспортировку газообразного водорода или аммиака. История «ресурсной колонизации» продолжается: например, принципы «добыча – порт – метрополия» в во многом формируют современную логику развития Сибири. Даже знаменитый Северный морской путь – прямое продолжение Новгородских торговых путей. Задача – не отказ от этой логики, а преобразование ее новыми ресурсами и технологиями.

Сибирская «сырая» модель сталкивается с глобальными вызовами. Климатические амбиции (углеродные ограничения Европейского союза и механизм трансграничного углеродного регулирования) и геополитические риски (санкции на технологии, нестабильность рынков) делают экспорт сырого газа и нефти менее привлекательным. Само по себе топливо теряет ценность: дорого продавать углеродный компонент, когда мир движется к чистому водороду. И все это создает системный вызов: как сохранить статус энергетического лидера, не скатываясь до уровня сырьевого придатка?

Ответом может стать именно водород в качестве нового энергоносителя и товара. В отличие от моноуглеродной экономики, водородная предлагает спектр технологических путей. «Цветовая радуга» водорода в России уже знакома: от «зеленого» (от ГЭС и ВИЭ) до «голубого» (метан + CCS), от «розового» (атомный водород) до «коричневого»/«серого» (уголь/газ без улавливания) [1]. Даже «белый» (природный) водород интересен – именно российские ученые и «Газпром» всерьез рассматривают его, что может стать революцией.

«Белый» водород – глубинный газ, накопившийся в коре Земли. Еще недавно он считался экзотикой, но теперь «Газпром» проанализировал сведения по Ковыктинскому и Чаюдинскому месторождению в Восточной Сибири: выяснилось, что там есть водород (хотя в маленьких концентрациях), а независимые залежи могли находиться за пределами традиционных пластов. По словам экспертов, Россия разработала цифровые методы геологической разведки природного водорода, его добыча могла бы стоить менее 1 долл./кг. На Международной конференции в октябре 2024 года директор ООО «Газпром водород» подтвердил, что компания изучает возможность добычи «белого» водорода в Восточной Сибири – на базе Ковыктинского газоконденсатного месторождения [6], то есть он рассматривается как новый полезный ископаемый. «Чистый» водород не дает углеродного следа и сравнен по экологичности с гидроэнергией, то есть стратегически Россия может его «добывать» и продавать.

Сам формат экспорта изменяется: вместо тон сырья на дно танкеров – тонны топлива на борту кораблей. Экспортная стратегия смещается от компаний «Газпром нефть» и «Роснефть» к компаниям «Газпром водород», «Росатом», «Русгидро» и новым предприятиям по производству аммиака (на базе H_2). Это потребует иной логистики, но именно она и новые рынки Азии, Европы могут поддержать Сибирь в XXI в. Уже сейчас большую часть российской продукции H_2 логичнее потреблять внутри страны (например, в металлургии, химии, транспорте) [2]. Как отметил заместитель министра энергетики РФ Павел Сорокин, экспорт низкоуглеродного водорода в Евросоюз или Азию – пока «второстепенная» задача, так как важнее освоить внутреннее применение. Когда мир потребует «чистого газа», именно сингулярное сочетание газа, ГЭС и нового природного водорода даст Сибири шанс стать «энергетическим хабом» нового формата [4, 5].

На практике Россия уже начала «расшатывать» старую систему через пилотные проекты. Известные примеры – низкоуглеродные проекты на нефтеперерабатывающих и химических заводах, где внедряют паровой риформинг с улавливанием CO_2 («голубой» водород).

В транспорте тестируются зеленые технологии: на Сахалине готовят первый отечественный водородный поезд (на 2027 г.) и уже строят экспериментальные суда на топливных элементах [1]. В Черноголовке стоит первая и пока единственная АЗС для водорода, где можно заправить автомобиль (которых пока нет, но все равно важно готовиться). В Москве созданы полигонные площадки: около Зеленограда демонстрировались вездеход «Русак», водородная АЗС, электролизная установка и прочее оборудование. В Китае тем временем выпущены водородные грузовики и автобусы (в провинции Сычуань к 2025 г. выпустят тысячу водородных и автобусов). Можно научиться на таких примерах развивать «сибирский водородный транспорт» (для тяжелого транспорта и изолированных территорий) с учетом национального опыта [2].

На данный момент все это является только точками роста. Они фрагментарны и разрозненны: технологии импортные, инфраструктуры недостаточно, внутренний спрос почти отсутствует. Россия лишь нацелена на создание дорожной карты водородной энергетики (одобрена в 2023 г.) и развитие национальных технологий (электролизеров, накопителей, транспорта). Важные решения только формируются: например, кластеры. В идеале Сибирь должна определить несколько специальных водородных кластеров: Восточно-Сибирский (экспорт в Азиатско-Тихоокеанский регион), Западно-Сибирский (база на «Газпром» и нефтехимию вокруг Омска и Тюменской зоны) и Енисейский (дешевая зеленая электроэнергия ГЭС Красноярья). Они позволят создавать полный цикл: от производства водорода (и газ,

и ГЭС, и возможно месторождения H_2) до потребления (металлургия, тяжелый транспорт, энергоснабжение труднодоступных районов).

Все зависит от системного подхода, нельзя лишний раз проецировать классическую схему развития ТЭК (исключительно «эффект нефти» и «западные рынки»). Конструктивная стратегия видится как «синергия наследия и инноваций»: не отказываться от существующей системы, а трансформировать ее, то есть дальше использовать и адаптировать магистральные трубы, ГЭС, порты Северного морского пути, опыт крупных госкомпаний. Одновременно стимулировать спрос: например, через государственные программы. Так, в Японии реализуется программа *NEDO*, в рамках которой правительство покрывает затраты до 700 млн долл. для производства и инфраструктуры водорода [1]. В России эффективен был бы тот же принцип: дотации и целевые льготы на водородные грузовики, поезда, генераторы, то есть на развитие перевозок и «распределенной генерации» на топливных элементах, замещая импорт (только свои электролизеры, компрессоры) и объединяясь с партнерами. В данном случае возможна международная кооперация: санитарнейтральные проекты России и Японии или РФ и КНР могут давать свои дивиденды, присутствует интерес Азии к российскому водороду и аммиаку как энергоносителям.

Таким образом, от пилотных проектов надо перейти к системному развитию: кластеры, технологии, спрос и инфраструктура должны создаваться одновременно. Это настоящий системный водородный переход, а не набор разрозненных лабораторных опытов. Только при таком подходе Сибирь сможет переместиться из сырьевого придатка в технологический энергетический хаб.

Диверсификация сибирского ТЭК через водород – это не прихоть, а логичный шаг на основе исторического опыта, чтобы завершать историю освоения территории, но уже в условиях XXI в. Стратегия должна основываться на синергии старого и нового. Сибирь по-прежнему должна оставаться производителем топлива, но топлива нового формата, потому что технологии водорода выводят сферу за рамки традиционного ТЭК.

Можно выделить главные направления работы. Во-первых, требуется развивать полный цикл «производство – транспортировка – потребление», например, наладить внутренние рынки: использовать водород для локомотивов на Севере, автопарков карьерной техники, энергоснабжения городов-спутников на Ямале и в Якутии, металлургических печей. Водород в металлургии уже исследуется, так как часть сырья можно заменить на экосистемно чистый водород, что особенно важно для развивающихся рынков. Во-вторых, важно осуществить инфраструктурную интеграцию: где возможно, переделывать старые газопроводы под водород после соответствующей модернизации, использовать порты Северного морского пути для отгрузки аммиака (транспортного аналога H_2), задействовать опыты химпромов для хранения и переработки водорода. В-третьих, необходимо стимулировать спрос и технологии: государство может ускорить развитие, финансируя научные центры и производства электролизеров, компенсируя расходы инвесторов (по примеру японской *NEDO* – Организации по развитию новых энергетических и промышленных технологий) и поддерживая научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Эту роль уже взяла на себя часть «Российской тройки»: «Роснано», «Росатом», «Газпром» и «Ростех», вкладывая средства в стартапы и проекты H_2 (основной упор сейчас сделан на внутреннее использование, а не быстрый экспорт). В-четвертых, требуется усилить международную кооперацию: выделено множество концепций паритетных проектов. Даже сегодня, когда отношения непростые, есть техники и бизнес, которым выгодно работать с Россией над вопросом «чистого» водорода.

Диверсификация сибирского ТЭК через водород – исторически детерминированный и стратегически необходимый путь. Она вытекает из прежней роли Сибири как энергетического центра страны и потребности гибко адаптироваться к новой реальности. Унаследованная от СССР инфраструктура и компетенции – не тормоз, а стартовая площадка для этого перехода. Комбинация мощного газа, крупнейших ГЭС и уникального «белого» водорода дает Сибири шанс играть ключевую роль в мировой низкоуглеродной энергетике.

Переход от точечных экспериментов к целостной экосистеме способен обеспечить окончательный успех и беспрецедентную координацию: правительство, государственные корпорации и научные центры должны действовать как единый механизм. Центр компетенций в Новосибирске, АНО «Платформа НТИ», «Роснано», «Газпром», «Росатом» должны работать на реализацию общей цели. В этом случае через 10–15 лет Сибирь действительно перестанет быть лишь источником сырья для удаленных покупателей и превратится в технологический хаб новой энергетики. Такой сценарий обеспечит стабильность экономики региона и позволит России выполнить свои климатические обязательства. История сибирских ресурсов получает свое продолжение в виде чистой энергетики будущего.

Литература

1. Агеев В. Водородное движение. О перспективах автономной энергетики на транспорте // Независимая газета. 23.12.2025. URL: https://www.ng.ru/science/2025-12-23/14_9407_transport.html (дата обращения: 12.03.2026).
2. Водородная энергетика – мимолетное увлечение или поступательное развитие? // Энергетическая политика. 13.11.2025. URL: <https://energy-policy.ru/vodorodnaya-energetika-mimoletnoe-uvlechenie-ili-postupatelnoe-razvitie/energoperehod/2025/11/13/> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Газпром приступил к поиску месторождений природного водорода для промышленной разработки // Neftegaz.ru. 18.11.2025. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/906634-gazprom-pristupil-k-poisku-mestorozhdeniy-prirodnogo-vodoroda-dlya-promyshlennoy-razrabotki/> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Историческая логистика освоения Севера и Арктики: от Новгорода до Севморпути // GoArctic.ru. 08.06.2021. URL: <https://goarctic.ru/nauka/istoricheskaya-logistika-osvoeniya-severa-i-arktiki-ot-novgoroda-do-sevmorputi/> (дата обращения: 15.03.2026).
5. Прогноз развития и использования альтернативных видов топлива в течение 10 лет // Strategy.ru. 18.10.2023. URL: <https://strategy.ru/news/prognoz-razvitiya-i-ispolzovaniya-alternativnykh-vidov-topliva-v-techenie-10-let-61/> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Technological aspects of Russian hydrogen energy development / V. A. Karasevich [et al.] // International Journal of Hydrogen Energy. 2024. Vol. 57, Iss. 70. P. 1332–1338.

УДК 656

Исторический контекст и эволюция вызовов оптимизации логистики «последней мили» для снабжения удаленных поселков Азиатской России

Зиатдинова И. И.

Высшая школа нефти, Альметьевск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу логистики «последней мили» в удаленных поселках Азиатской России в условиях деградации вечной мерзлоты. Показано, что современные логистические проблемы во многом обусловлены историческим инфраструктурным наследием, сформированным в период стабильной криолитозоны. Обоснована необходимость перехода к адаптивным и исторически обоснованным логистическим моделям.

Ключевые слова: вечная мерзлота, последняя миля, северная логистика, Азиатская Россия, инфраструктурные риски

Historical Context and Evolution of the Optimization Challenges in Last Mile Logistics for Supplying Remote Settlements of Asian Russia

Ziatdinova I. I.

Petroleum higher school, Almet'yevsk, Russia

Abstract. The article examines the challenges of last-mile logistics in remote settlements of Asian Russia under conditions of permafrost degradation. It demonstrates that many contemporary logistical problems stem from historical infrastructure developed during a period of stable permafrost. The study substantiates the need to transition toward adaptive and historically grounded logistics models.

Keywords: permafrost, last mile, northern logistics, Asian Russia, infrastructure risks

Во всем мире именно финальный этап доставки (до двери потребителя) считается самым затратным и «прожорливым» в цепочке поставок [6, 10]. На практике разрозненные поселки в Сибири и на Дальнем Востоке вынуждены бороться с этим вызовом в экстремальных условиях: вечная мерзлота формировала инфраструктуру десятилетиями, а сейчас стремительно тает. Глобальное потепление грозит серьезно нарушить сохранность дорог, трубопроводов и поселений. Уже сегодня на территории России в зону вечной мерзлоты попадают 60–65 % всей территории страны – это миллионы квадратных километров, где расположены крупнейшие месторождения нефти и газа, города Якутск, Норильск, Воркута и другие [1, 7]. Арктика при этом нагревается в 2–3 раза быстрее, чем остальной мир [3, 8]. Инфраструктурные «бомбы замедленного действия» начинают взрываться уже сейчас. По оценкам Нацбанка и Минприроды России, к середине века до 60–70 % объектов в криолитозоне окажутся в зоне высокого риска разрушения [8, 9]. Уже деформированы десятки процентов зданий (в Якутии и Воркуте – до 80 %). Урон исчисляется не просто миллиардами: «только городская инфраструктура может потерять 7–11 триллионов рублей к 2050 году» [3, 9].

«Последняя миля» в Арктике – это не шутка маркетологов, а вопрос жизнеобеспечения тысяч людей. Именно этот контекст делает задачу оптимизации действительно критической. Следует рассмотреть, как историческое наследие советских практик в условиях вечной мерзлоты стало «бомбой замедленного действия» и какие адаптивные стратегии возникают сегодня на стыке прошлого и климата будущего.

В советское время «освоение» Севера велось на базе допущения о том, что мерзлота стабильна и «вечна». С этим условием строились города, дороги, порты и даже сам «последний километр» – то есть подходы к поселкам – преимущественно по зимним дорогам (вьючным и автозимникам), воде. Например, открытие Северного морского пути в 1930–40-е гг. стало прорывом: новый морской логистический коридор позволил перебросить крупные грузы на северо-восток страны [5]. При этом мелкие населенные пункты остались «последней милей» этой артерии. Уже тогда паромная навигация и грунтовые зимники играли важную роль в условиях низкой плотности дорог. Первые русские землепроходцы XVI–XVII вв., по мнению историка Л. К. Позднякова, даже пытались измерить глубину промерзания, например, колодец в Якутии и вовсе пробурили на 30 м, не найдя талого слоя до дна [4].

Ко второй половине XX в. сформировалось типовое поселение: деревянные бараки и панельки на сваях, бетонные аэродромы, грунтовые зимники да рельсы узкоколейки. При этом 81 % современного жилого фонда Арктики построено в период 1960–1999-х гг., то есть именно тогда, когда еще не наблюдалось современных темпов потепления [3]. Фундамент под дома закладывали «по книжке»: сваи, воздушные подполья, теплоизоляция были адаптированы к вечной мерзлоте [4]. Логистика «последней мили» в те годы была сезонной: в теплый период – реки и озера, зимой – замерзшие «дороги». В таких условиях надежность цепочек питания была заложена в осторожном расчете на неизменность вечной мерзлоты.

Ветераны Северных экспедиций помнят, как в 1980–90-е гг. целые поселки под Возом однажды в зиму оказались «отрезанными», так как теплоходы не могли зайти на ранее ледяной

косяк, а земляные дороги проваливались под колесами грузовиков. К счастью, масштабного ущерба не случилось, но напряжение оставалось. Такая зависимость от старой инфраструктуры была главным риском, заложенным в эпоху стабильного льда.

В конце XX – начале XXI вв. парадигма «вечной» мерзлоты дала трещину. Климатические данные показали: север России уже перестал быть стабильным. Средняя глубина сезонного протаивания с 1996 по 2023 г. выросла с 45 см до 70 см, причем в Западной Сибири рекордные участки тонут по 20–60 см за 10 лет [3]. Яркий контраст: в XX в. земля в Сибири промерзала на 12–14 м, сегодня она тает почти на метр летом [3, 4]. Арктика «нагрелась» уже как минимум вдвое быстрее глобальной температуры, и показатели двух-трехкратного ускорения нарастают [2, 3].

По России идут сообщения о массовом проседании домов и деформации трасс. В Воркуте и Норильске до 80 % зданий уже осели или покосились [3, 7]. Асфальт и набивное полотно «холодных дорог» поплыли: участки федеральной трассы «Колыма» вообще приходится из раза в раз восстанавливать после каждой оттепели, топкое месиво вместо асфальта в районе Магадана уже стало шуткой специалистов. Цепь аварийных явлений растет: случайно грянула техногенная катастрофа – разлив топлива на нефтяной базе в Норильске (май 2020 г.), который спровоцирован просадкой фундамента снегозаносного хранилища. Под ударом – важнейшие коммуникации: тысячи километров газопроводов и железнодорожных путей оказались на грани критической деформации.

Мощная техника вынуждена буксировать себя через реки и топи. Масштаб угрозы для «последней мили» понятен: проложенные в лихие 60–80-е гг. зимники и трубопроводы уже не выдерживают нагрузки. Министерство природных ресурсов России оценивает потери от таяния мерзлоты к 2050 г. в 62,7 млрд долл. только для российской Арктики, а основные инфраструктурные объекты могут «накрыться» сотнями миллиардов долларов (включая потери населения и компаний) [3, 8].

Ответ на эти вызовы уходит далеко за рамки простой прокладки новых дорог: происходят принципиальные сдвиги в подходах. Первый этап – типовая инженерная адаптация (так называемые латание дыр), активно внедряются тепловые сифоны и фреоновые охлаждающие установки под фундаментами, они забирают тепло из грунта, не давая ему растаять [9]. Повсеместно устанавливаются датчики температуры, ведется спутниковый мониторинг. Появилось даже совместное российско-китайское исследование криолитозоны. Китайские специалисты охотно делятся опытом, ведь их регионы (Тибет, Манчжурия) уже сталкиваются с подобными проблемами. Все эти меры – реагирование на уже случившееся.

Заметнее стала роль системных преобразований логистики «последней мили». Можно выделить несколько направлений:

1. Мультимодальные связи. Если трасса не может быть использована, нет смысла прокладывать новую, то груз обходит проблему: авиаснабжение, вертолеты, речные переправы расширяются (к примеру, на Камчатке все чаще товары в отдаленные поселки летят самолетами Ан-28 вместо транспортировки на лесовозах).

2. Локальные хабы и резервы. Формируются склады рядом с основными транспортными артериями, откуда товары короткой цепочкой развозят по поселкам. Опыт курьерской доставки оправдал появление «поселковых кладовых» как теплых ниш, которые позволяют наполовину снизить расходы на финальный этап [6].

3. Цифровые технологии и «альтернативная логистика». Внедряются системы маршрутизации и предиктивной аналитики, чтобы учитывать сезонные факторы и метеопрогнозы. Актуальны новейшие варианты – беспилотные дроны и роботизированные вездеходы с целью перекинуть хотя бы мелкие грузы [11]. Эти «волшебные авто» по-прежнему редкость, но испытания в Сибири идут полным ходом (например, «Яндекс» запускал демонстрационные доставки дронами в Якутске).

4. Гибкие бизнес-модели. Аналог «краудсорсинга»: деревенские водители могут на временной основе доставлять посылки соседям по заранее запланированным точкам. Такие

крауд-курьеры в экономике городов доказывают свою эффективность, а в условиях, когда фирменные перевозчики не везут, оказываются иногда единственной альтернативой.

На данный момент все эти методы частичные. По мнению авторов коллективной книги по мерзлоте, «адаптация требуется системная, а не фрагментарная» [7, 8]. Эту цель и преследуется в новой логистике: не повторять старые ошибки (например, врезать дорогу прямо через оползневое болото), а учесть историю – сместить «слабую» «последнюю милю» на более крепкий фундамент.

Глядя в будущее, нельзя забывать уроки прошлого. Тот факт, что 40–65 % области Азиатской России лежит на мерзлоте, означает, что здесь любую инфраструктуру нужно проектировать «с поправкой на вечное» [1, 7]. При этом важно выделить следующее:

1. Исключение узких мест исторической логистики. Например, не делать поселковые подвалы там, где уже сейчас грунт стал грунтовой жижей. Если раньше маленький аэродром или мостик был достаточен, сегодня при планировании стоит сразу учитывать транспортные «быстрые треки» и альтернативные маршруты на случай закрытия основного.

2. Перенос опыта и технологий. Китайский опыт строительства на переходной мерзлоте (Тибет) или канадский (Юкон) может подсказать новые решения и материалы. Традиционные хитрости вкупе с современным инжинирингом должны лечь в основу стратегии. Например, при строительстве зданий следовать «детройтской» схеме – оснащать дома крионосями и щелевыми фундаментами, а дороги проектировать как сеть с резервными подъездами и водоотводами.

3. Акцент на мониторинг и прогнозирование. Законы последних лет (совместный климатический мониторинг, государственная программа наблюдений) – правильный шаг [8]. Нужны не разрозненные датчики, а непрерывная система сбора данных (минимум, как у авиаторов с ДО-160). Например, на одном из селений Якутии экспериментально монтируют «умный» холм мерзлоты с возможностью подогрева – опережающие меры, основанные на исторических данных о таянии.

4. Устойчивое планирование и закон. На уровне государства нужен комплексный подход: транспортная сеть должна закладываться с учетом деградации вечной мерзлоты. Уже разрабатываются проекты поправок к закону о недрах и мерзлоте, чтобы активнее финансировать «холодный» инжиниринг (как система обнаружения утечек при аварии в Норильске, а не постфактум) [1].

Уже появляются попытки мыслить шире. Например, институты разрабатывают «криогенный аудит» поселений – оценка любой стройки с учетом меняющегося климата. Много говорят о зеленой инфраструктуре в Арктике (например, круглогодичные автозимники с поднятым покрытием или прокладкой геотермопроводов). Все эти идеи стоят на плечах той самой школы, что заложена десятилетия назад: главное теперь – не на словах «вечную» мерзлоту охранять, а на деле строить по принципу «уменьшаем риски от исторического наследия».

«Последняя миля» в Азиатской России – одновременно и наследие героического прошлого, и вызов современности. То, что когда-то казалось прочной базой (вечная мерзлота), сегодня оборачивается главным слабым звеном: трескаются фундаменты, проваливаются улицы, меняется даже география оседания поселков. В статье показано, что решение кроется во взаимодействии эпох: от инженерных методов прошлого века (пиленные сваи и проветренные подвалы) до беспилотных машин и цифровых сетей XXI в. [11]. Без исторической перспективы адаптация невозможна: новые логистические решения должны вписываться в давно выстраиваемую систему доставки. Как отметил главный метеоролог страны Роман Вильфанд, «последняя миля» не выдержит старых ошибок – нужно системное видение, объединяющее опыт сибирских геологов, местных жителей и современных инженеров [7, 8]. Только так в будущем нескончаемое сопротивление мерзлоты и тепла станет предсказуемым фактором, «последний километр» – управляемым ресурсом.

Литература

1. Вечная мерзлота тает. Почему это опасно не только для России, но и для людей по всему миру? // Lenta.ru. 11.04.2025. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/04/11/vechnaya-merzlota-taet/> (дата обращения: 15.03.2026).
2. Деградация вечной мерзлоты угрожает Якутии: Россия и Китай запустили совместные исследования // EastRussia. 01.12.2025. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/degradatsiya-vechnoy-merzloty-ugrozhaet-yakutii-rossiya-i-kitay-zapustili-sovmestnye-issledovaniya/> (дата обращения: 12.03.2026).
3. Как в России тает вечная мерзлота: объясняем на графиках // Точка ST. URL: <https://tochno.st/materials/kak-v-rossii-taet-vecnaia-merzlota-obieiasniaem-na-grafikah> (дата обращения: 17.03.2026).
4. Мерзлотное лесоводство // MyLect. URL: <https://mylect.ru/lesovodstvo/658-merzlotnoe-lesovodstvo-start20> (дата обращения: 18.03.2026).
5. Освоение Арктического шельфа: первые шаги в условиях ограниченных ресурсов // Наследие. 2024. № 5. С. 48–49. URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/5/48.html> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Последняя миля в логистике: что это такое, какие проблемы и 10 способов оптимизации доставки // GLSystem. 04.08.2025. URL: <https://glsystem.net/news/poslednyaya-milya-v-logistike-cto-eto-pochemu-dorogaya-i-kak-eyo-optimizirovat> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Российские ученые предложили комплексный подход к мониторингу вечной мерзлоты // Восточный центр государственного планирования. 24.05.2024. URL: <https://vostok-gosplan.ru/en/rossijskie-uchenye-predlozhili-kompleksnyj-podhod-k-monitoringu-vechnoj-merzloty/> (дата обращения: 11.03.2026).
8. Russia's Arctic infrastructure is becoming increasingly vulnerable // Polar Journal. URL: <https://polarjournal.net/russias-arctic-infrastructure-is-under-threat/> (дата обращения: 13.03.2026).
9. Thawing Permafrost and Infrastructure: Problems and Solutions // Fenner + Esler. 16.02.2022. URL: <https://fenner-esler.com/blog/thawing-permafrost-and-infrastructure-problems-and-solutions/> (дата обращения: 14.03.2026).
10. The Evolution of Last Mile Delivery: A Historical Perspective // The Supply Chain Link. 28.03.2025. URL: <https://thesupplychainlink.com/the-evolution-of-last-mile-delivery-a-historical-perspective/> (дата обращения: 16.03.2026).
11. The Evolution of Last-Mile Delivery in Logistics // Extensiv. 09.10.2025. URL: <https://www.extensiv.com/blog/the-evolution-of-last-mile-delivery-in-logistics> (дата обращения: 16.03.2026).

Раздел IV
**НАСЛЕДИЕ СИБИРИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПАМЯТЬ,
АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

УДК 323.11

Этнический состав населения Тюменской области (1989–2021 гг.)

Бауман Д. А.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье проанализирована динамика численности населения основных этнических групп, проживающих на территории Тюменской области, включая автономные округа, по результатам всероссийских переписей населения в период с 1989 по 2021 гг. Русское население региона остается стабильным абсолютным большинством, численность которого росла вплоть до 2010 г., численность коренных народов Севера демонстрирует устойчивый рост, численность представителей этнических групп из Центральной Азии демонстрирует самый значительный относительный рост среди всех этнических групп региона.

Ключевые слова: перепись населения, динамика численности, этнический состав населения, Тюменская область

Ethnic Composition of the Population of the Tyumen Region (1989–2021)

Bauman D. A.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article analyzes the dynamics of the population of the main ethnic groups living in the Tyumen Region, including the autonomous okrugs, according to the results of the All-Russian population censuses in the period from 1989 to 2021. The Russian population of the region remains a stable absolute majority, which grew until 2010, the number of indigenous peoples of the North shows steady growth, and the number of representatives of ethnic groups from Central Asia shows the most significant relative growth among all ethnic groups in the region.

Keywords: population census, population dynamics, ethnic composition of the population, Tyumen Oblast

В СССР в послевоенный период проводилось четыре всесоюзных переписи населения с периодичностью приблизительно каждые 10 лет, что соответствовало рекомендациям Совета экономической взаимопомощи и ООН. Четвертая и последняя всесоюзная перепись населения состоялась 12 января 1989 года. Программа переписи содержала 25 вопросов различной тематики, традиционным из которых стал вопрос о национальной принадлежности. Каждый гражданин был вправе указать ту национальность, с которой он себя соотносил, национальность детей указывалась со слов их родителей либо законных представителей. Данные особенности будут характерны для всех следующих переписей населения.

По итогам переписи 1989 г. выявлено, что на территории всего Советского Союза проживало 286 731 000 человек. С момента предыдущей переписи населения его прирост составил 24 300 000 человек (9,3 %). На территории РСФСР проживало 147 400 000 человек. В Тюменской области проживало 3 080 621 человек, из них: в Ханты-Мансийском автономном округе – 1 268 000 человек, в Ямало-Ненецком автономном округе – 486 000 человек, в самой Тюменской области – 1 308 000 человек. Это составляло всего около 2 % от всего населения РСФСР. При этом наблюдался достаточно пестрый в этническом плане состав населения (табл. 1) [1, с. 137–139].

Таблица 1

Этнический состав населения Тюменской области по итогам переписи 1989 г.

Национальность	Всего (человек)	Указан язык национальности в качестве родного (человек)	Указан русский язык в качестве родного (человек)
Русский	2 248 254	2 247 110	–
Украинец	260 203	167 720	92 249
Татарин	227 423	186 671	40 513
Белорус	49 057	25 473	23 423
Башкир	41 059	29 430	8 682
Чуваш	31 236	18 668	12 477
Немец	29 569	9 715	19 778
Ненец	22 619	20 696	1 559
Ханты	20 371	13 100	7 145
Манси	7 268	2 630	4 604
Селькуп	1 632	1 321	274
Азербайджанец	19 455	16 806	2 565
Молдаванин	17 718	13 307	4 298
Казах	15 682	13 465	2 119
Мордовец	11 159	5 110	5 975
Коми	10 912	6 546	4 280
Мариец	9 028	5 837	3 160
Удмурт	7 076	3 738	3 312
Армянин	5 198	3 341	1 828
Чеченец	4 587	4 097	471
Другие	57 343	35 805	19 803

Результаты данной переписи населения показали абсолютное доминирование русского населения в данном регионе, которое составляло подавляющее большинство, что задавало общий языковой и культурный фон. При этом доминировании Тюменская область является многоэтническим регионом: по результатам обработки данных переписи 1989 г. выделены 20 наиболее крупных этнических групп, включая коренные народы Севера, акцентирована языковая ситуация в регионе, определяя язык как основной маркер национальности. Полное языковое сохранение продемонстрировали ненцы, чеченцы, азербайджанцы, казахи: подавляющее большинство представителей данных этнических групп (свыше 90 %) указали в качестве родного язык своей национальности.

Высокая степень языковой ассимиляции выявлена у немцев, белорусов, мордвы, коми, удмуртов. Подавляющее большинство либо значительный процент представителей данных этнических групп указали в качестве родного языка русский. К примеру, среди немцев только 32,9 % отметили в качестве родного языка немецкий, что, вероятно, стало следствием исторических репрессий, длительного проживания в русскоязычной среде и разрыва связей с исторической родиной. Почти половина белорусов (47,7 %) также указали в качестве родного языка русский, что может объясняться крайней близостью культур и языков, проживанием вне территории своей национальной республики. Удмурты (46,8 %) и коми (39,2 %) также продемонстрировали высокий уровень перехода на русский язык. Высокая степень сохранности родного языка зафиксирована у татар (82,1%), обладавших сплоченной общиной с сильными культурными институтами. Коренные народы региона – ханты, манси – показали разный уровень сохранности родного языка.

Следующая всероссийская перепись населения состоялась только в 2002 г., после того переноса очередной переписи населения 1998 г. в связи с экономическим кризисом (табл. 2). Выявлено, что на территории Российской Федерации проживало 145 166 731 человек, из них в Тюменской области – 3 264 841 человек, что, как и в 1989 г., составляло около 2 % от общей численности населения страны [2, с. 90–94].

Таблица 2

Этнический состав населения Тюменской области по итогам переписи 2002 г.

Национальность	Всего (человек)	Из них говорят на русском языке (человек)
Русский	2 336 520	2 331 463
Татарин	242 325	238 287
Украинец	211 372	210 692
Башкир	46 575	46 280
Азербайджанец	42 359	39 818
Белорус	35 996	35 913
Чуваш	30 205	30 107
Ненец	27 965	23 941
Немец	27 196	27 119
Ханты	26 694	25 935
Казах	18 639	18 461
Молдаванин	17 938	17 820
Армянин	14 802	14 412
Кумык	12 343	12 025
Мариец	11 023	10 978
Лезгин	10 631	10 386
Чеченец	10 623	10 173
Манси	10 561	10 470
Коми	10 555	10 464
Мордовец	9 683	9 658
Таджик	7 968	7 498
Узбек	7 730	7 440
Удмурт	6 310	6 295
Ногаец	4 272	4 179
Киргиз	3 075	2 949
Селькуп	1 857	1 818

Результаты переписи населения 2002 г. показали кардинальные изменения в этнической структуре населения Тюменской области, произошедшие за 13 лет между переписями. Продолжился рост абсолютной численности русского населения (на 120 934 человек) [4, с. 301]. Татары стали второй этнической групп. Некоторые этнические группы продемонстрировали стремительное и резкое сокращение, например, украинцы и немцы: убыль составила 49 612 человек и 21 826 человек соответственно. Данные показатели связаны с распадом СССР и миграцией представителей данных групп на историческую родину. Резкий рост численности наблюдался среди азербайджанцев, чеченцев, армян: прирост на 21 513 человек, 2 434 человек, 8 353 человек соответственно, что связано с активной трудовой миграцией из Кавказа, Закавказья. Появлению крупных диаспор таджиков, узбеков и киргизов (в совокупности прирост составил около 37 000 человек) способствовал резкий поток трудовых мигрантов из Центральной Азии.

Перепись населения 2010 г. зафиксировала численность населения Российской Федерации – 142 856 536 человек, численность населения Тюменской области составила 3 395 755 человек (табл. 3) [3, с. 305–321].

Таблица 3

Этнический состав населения Тюменской области по итогам переписи 2010 г.

Национальность	Всего (человек)	Из них говорят на русском языке (человек)
Русский	2 352 063	2 350 564
Татарин	239 995	237 086
Украинец	157 296	156 913
Башкир	46 405	46 170
Азербайджанец	43 610	41 821
Ненец	31 621	28 258

Окончание табл. 3

Национальность	Всего (человек)	Из них говорят на русском языке (человек)
Ханты	29 277	28 742
Чуваш	25 690	25 632
Белорус	25 648	25 607
Немец	20 723	20 678
Казах	19 146	19 032
Кумык	18 668	18 281
Лезгин	16 247	15 966
Молдаванин	15 806	15 726
Армянин	15 542	15 241
Узбек	14 743	13 953
Таджик	14 328	13 612
Мариец	11 042	11 000
Манси	11 614	10 470
Чеченец	10 502	10 179
Ногаец	8 888	8 630
Киргиз	8 652	8 278
Коми	8 469	8 443
Мордовец	7 444	7 434
Удмурт	5 093	5 084
Селькуп	2 065	2 031

Итоги переписи 2010 г. продемонстрировали устойчивость тех тенденций, которые наметились с начала 2000-х гг. Русские оставались абсолютно доминировавшей группой, ее численность немного выросла (прирост составил 15 543 человек). Численность татар удерживала данную этническую группу на втором месте среди представленных. Численность украинцев, занимавших третье место, претерпела самое значительное сокращение среди крупных групп, сократившись более чем на 54 000 человек. Ощутимо выросла численность азербайджанцев.

Яркая динамика очевидна в отношении численности коренных народов Севера: существенно выросла численность ненцев (прирост 13 %), селькупов (прирост 11 %), ханты (прирост 9,7 %), манси (прирост 9,1 %) (табл. 3).

Современная этнодемография Тюменской области характеризуется усилением нескольких долгосрочных тенденций (табл. 4). Во-первых, зафиксирована устойчивость русского большинства, несмотря на общее снижение численности населения к 2020 г., русские остаются демографическим большинством региона [5, с. 102].

Таблица 4

Этнический состав населения Тюменской области по итогам переписи 2020–2021 гг.

Национальность	Всего (человек)	Из них говорят на русском языке (человек)	Из них используют в повседневности (человек)
Русский	2 339 401	2 312 393	2 308 668
Татарин	195 231	189 339	185 823
Украинец	70 783	69 640	69 480
Башкир	38 829	37 450	37 015
Ненец	37 685	35 371	33 629
Азербайджанец	34 835	32 933	32 715
Ханты	30 242	29 834	29 605
Таджик	29 792	27 538	27 290
Казах	20 611	20 120	20 025
Кумык	18 834	18 077	17 884
Узбек	18 378	17 009	16 882
Лезгин	17 694	17 032	16 836
Чуваш	14 397	14 202	14 151
Ногаец	13 815	13 254	13 008
Армянин	12 434	11 799	11 733

Окончание табл. 4

Национальность	Всего (человек)	Из них говорят на русском языке (человек)	Из них используют в повседневности (человек)
Манси	11 583	11 510	11 480
Немец	11 574	11 494	11 477
Белорус	10 878	10 783	10 762
Киргиз	10 800	10 221	10 149
Чеченец	10 188	9 573	9 484
Молдаванин	8 578	8 388	8 365
Мариец	7 610	7 510	7 475
Коми	5 646	5 603	5 583
Мордовец	3 498	3 445	3 437
Удмурт	2 882	2 840	2 829
Селькуп	2 073	2 064	2 051

Во-вторых, происходит сжатие «старых диаспор», резкое сокращение численности народов, традиционно проживающих в Тюменской области (украинцы, белорусы, немцы и другие), что связано с ассимиляцией, старением и миграционным оттоком населения. Параллельно расширяются «новые диаспоры»: миграция из стран Центральной Азии (в особенности из Таджикистана) и Кавказа (в особенности из Республики Дагестан) становится основным фактором изменения этнической структуры, значительно увеличивая присутствие этих групп [6, с. 319].

В-третьих, численность групп ненцев, ханты и манси демонстрирует уверенный рост, что выделяет их на фоне общей демографической стагнации или сокращения других групп. Эта позитивная тенденция указывает на сохранение их уникального культурного потенциала.

В-четвертых, владение русским языком стало практически универсальным средством интеграции и ассимиляции населения. Резкое сокращение численности белорусов, украинцев и немцев объясняется не только миграцией, но и глубокой лингвистической и культурной ассимиляцией. Для нескольких поколений таких семей русский стал основным языком общения в быту, что постепенно привело к смене этнического самосознания, особенно у молодежи. Русский язык в данном случае выступает как фактор «растворения» в доминирующей среде. Высокий процент владения русским языком среди мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в большей степени является не статистическим показателем, а «пропуском» в общество. Роль русского языка трансформировалась от языка для координации к языку для консолидации. Если с конца XX в. русский язык обеспечивал взаимодействие между крупными сложившимися группами в условиях уже устоявшейся этнической структуры, то с середины 2000-х гг. и с началом активной миграции из Центральной Азии и Кавказа русский язык становится ключевым инструментом адаптации.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2002 года : в 14 т. Т. 12. Национальный состав и владение языками, гражданство / Росстат. М. : Статистика России, 2004. 189 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации / Росстат. М. : Статистика России, 2012. 127 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации / Росстат. М. : Федеральная служба государственной статистики, 1993. 375 с.
4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года / Росстат. М. : Статистика России, 2005. 336 с.
5. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками и гражданство / Росстат. М., 2022. 186 с.
6. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года (включая данные Всероссийской переписи населения 2020 года) / Росстат. М., 2022. 492 с.

УДК 902

История археологического исследования урочища Сайгатино (2011–2025 гг.)

Визгалов Г. П.¹, Шевченко Д. Д.²

^{1,2} Сургутский государственный университет, ООО «НПО «Северная археология-1», Сургут, Россия

Аннотация. Статья обобщила историю археологических исследований урочища Сайгатино (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) с 2011 по 2025 год. Изучение памятников носит исключительно охранной характер и связано с хозяйственным освоением территории, что приводит к их фрагментарному исследованию. Сделан вывод о необходимости планомерного изучения и присвоения комплексу охранного статуса.

Ключевые слова: урочище Сайгатино, Сургутское Приобье, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, археологические памятники

The History of the Archaeological Investigation of the Saigatino Tract (2011–2025)

Vizgalov G. P.¹, Shevchenko D. D.²

^{1,2} Surgut State University, LLC SPA Northern archaeology-1, Surgut, Russia

Abstract. The article summarizes the history of archaeological research in the Saigatino tract (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra) from 2011 to 2025. The study of monuments is exclusively protective in nature and is associated with the economic development of the territory, which leads to their fragmentary study. The conclusion is made about the need for a systematic study and assignment of a protected status to the complex.

Keywords: Saigatino tract, Surgut Ob region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, archaeological sites

Урочище Сайгатино находится в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: правобережье р. Оби, Сургутский район, д. Сайгатино.

В археологической научной литературе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры известно огромное количество памятников археологии. Их изучение в хронологическом порядке впервые предложила Е. А. Зайцева, рассматривая в целом всю историю археологических исследований Сургутского Приобья более чем за 100 лет. Ей выделено три хронологических этапа: 1) конец XIX в. – первая половина XX в.; 2) 1960-е – начало 1990-х гг.; 3) 1994–2010 гг. В работах изучено обширное территориальное пространство, этап ограничен актуальной хронологической датой (выпущены в 2012 г.) [15, с. 28].

Изучение урочища Сайгатино началось в 1968 г. в связи с началом активного хозяйственного освоения территорий. В отличие от «Барсовой горы» урочищу Сайгатино до сих пор не присвоен статус достопримечательного места Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, несмотря на то, что археологический комплекс обладает историко-культурной ценностью. В настоящее время его сохранение – важная общественная задача.

Целью является систематизация и обобщение археологических исследований урочища Сайгатино за период с 2011 по 2025 гг., для реализации которой поставлены задачи: 1) определить степень изученности урочища Сайгатино в археологическом плане; 2) оценить современное состояние сохранности комплекса.

В 2012 г. осмотр археологических объектов урочища Сайгатино произвел А. А. Рудь, который сделал вывод о том, что необходимо провести мероприятия по сохранению объектов

культурного наследия селищ Остяцкий Живец I, II, III; согласно исходной документации ОАО «Сургунефтегаз», непосредственно данные территории памятников археологии будут затронуты при строительстве нефтегазопровода К-704.

В 2013 г. по заказу ОАО «Сургутнефтегаз» археологом Н. П. Матвеевой выполнено обследование территории промышленного освоения в границах землеотвода НГДУ «Сургутнефтегаз» под капитальный ремонт участка нефтепровода. Работы осуществлялись с целью получения данных для выполнения охранных мероприятий в отношении памятников как объектов культурного наследия, а также исключения прямого повреждения культурного слоя на памятниках археологии. В ходе историко-культурной экспертизы выявлено:

1. Местоположение памятников совпало с данными 1981–1982 гг. первооткрывателя А. П. Зыкова.

2. Две площадки на территории селища Остяцкий Живец I утрачены в результате антропогенного воздействия и подмыва берега рекой.

3. Выявлены новые объекты – наземное жилище в виде приподнятой площадки на краю берега и одна полуземлянка.

4. Поселение Остяцкий Живец II сохранилось частично. Памятник задернован, состоял из 15 площадок. В результате прокладки просеки некоторые наземные жилища были скрыты наполовину (площадки № 4, 6, 11, 12) и полностью скрыта площадка № 3, уцелели лишь площадки № 1, 2, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15.

Результаты археологических работы изложены в проекте «Организация археологических спасательных работ на территории селища Остяцкий Живец I и селища Остяцкий Живец II на площади 1 470 м² и охранной зоны поселения Остяцкий Живец III на участке капитального ремонта нефтепровода К-704 Сайгатинского месторождения» [14, с. 3–8].

В 2017 г. Е. И. Кочеговым при проведении государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих воздействию в ходе строительных работ по объекту «Газопровод ДНС Восточно-Сургутского месторождения – Сургутский ГПЗ (3 этап)», выявлен еще один объект археологического наследия – селище Кучиминское 45, по которому проходит не только обследованный газопровод, но и коридор магистрального нефтепровода Нижневартовск – Усть-Балык [9, с. 27].

В 2018 г. сотрудниками МАУ СР «ИКНПЦ “Барсова Гора”» под руководством Г. П. Ведмидя проведены историко-культурные исследования земельных участков, испрашиваемых под объект «Канализационно-очистные сооружения производительностью 200 м³/сут. д. Сайгатина, Сургутский район. Подключение к инженерным коммуникациям, строительство фундамента, иловых площадок и сбросного коллектора». Для выявления культурного слоя заложено четыре стратиграфических разреза в перспективной зоне в отношении возможного нахождения объектов культурного наследия, поскольку на данной территории расположено свыше 30 известных археологических памятников, самый ближайший из которых – селище Хавронина 1. Закладка стратиграфических разрезов показала значительные нарушения естественной почвенной колонки техногенного происхождения в связи с обустройством населенного пункта. Осмотр обнажений поверхности и особенностей микрорельефа не выявил наличия подъемного материала и видимых признаков объектов культурного наследия. Дополнительно был осмотрен ближайший объект археологического наследия – селище Хавронина 1. Объект находится в удовлетворительном состоянии [12, с. 9–11].

В этом же году в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры сотрудниками ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством Е. А. Зайцевой проведены работы по подготовке проекта мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия: селища Кучиминское 1, селища Кучиминское 17, городища Кучиминское 19, могильника Сайгатинский 4 – в зоне планируемых хозяйственных работ по объекту «МН Нижневартовск – Усть-Балык, ППМН на 207 км о. н., 231 км о. н., 231 км р. н. Ду 700 мм Сургутское УМН. Ликвидация» [4, с. 13–15].

В 2019 г. сотрудниками ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством А. В. Колозникова проведено натурное обследование по проекту «Сети газоснабжения высокого и низкого давления для газификации частного жилого фонда д. Сайгатина». При археологическом обследовании произведен осмотр местности для выявления видимых на поверхности археологических сооружений и признаков культурного слоя в почвенных обнажениях, заложено три шурфа и один зондаж со стороны селища Кучиминское 32 (XXXII), а также был заложен один шурф в границах памятника Кучиминское 31 (XXXI). Установлено, что в шурфах со стороны селища Кучиминское 32 признаков культурного слоя не зафиксировано, однако в ходе проведения зондажа подтверждено наличие культурного слоя в виде археологического сооружения, возможно, хозяйственного или ловчей ямы. В связи с этим северная граница памятника селища Кучиминское 32 проведена на расстоянии 5 м от краев ям. В целом А. В. Колозников оценил состояние памятника как удовлетворительное. В шурфе в границах селища Кучиминское 31 признаков культурного слоя не зафиксировано, что позволило провести границу территории памятника в этом месте на расстоянии не дальше 18,6 м от выраженного в рельефе археологического сооружения [10, с. 6–8].

В 2020 г. сотрудниками Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (ТКНС УрО РАН) под руководством Е. П. Загвидина проведена разведка по проекту «Разведочная скважина № 969Р Сайгатинского участка недр и трасса перевозки бурового оборудования к ней». В процессе работ для выявления культурного слоя, определения его структуры и мощности заложены шесть стратиграфических разрезов: одного шурфа размером 1 × 1 м и пяти зачисток обнажений почвенного слоя. Стратиграфия разреза соответствовала естественной почвенной колонке данной территории. В результате археологической разведки объекты культурного наследия и объекты, обладавшие признакам объекта культурного наследия, не обнаружены [11, с. 19–24].

В этом же году сотрудниками ТКНС УрО РАН под руководством П. Г. Данилова выполнена разведка по проекту «Куст скважин 717. Нефтегазопровод от куста скважин 717. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 717. Проезд к кусту скважин 717. Сайгатинское нефтяное месторождение». В ходе археологической разведки проведен осмотр поверхности на предмет наличия выраженных в рельефе остатков сооружений, объектов этнографии, археологического материала. Визуально выраженные руинированные остатки древних сооружений не зафиксированы. Для выявления культурного слоя, определения его структуры и мощности на суходольных участках заложено четыре стратиграфических разреза (зачистки обнажений почвенного слоя). В результате археологической разведки объекты культурного наследия и объекты, обладающие признакам объекта культурного наследия, не обнаружены [3, с. 7–20].

В 2021 г. сотрудниками ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр» под руководством А. В. Кенинга проведена разведка по проектам «Куст скважин 720. Нефтегазопровод от куста скважин 720. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 720. Проезд к кусту скважин 720. Сайгатинское нефтяное месторождение», «Куст скважин 721. Нефтегазопровод от куста скважин 721. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 721. Проезд к кусту скважин 721. Сайгатинское нефтяное месторождение», «Куст скважин 718. Нефтегазопровод от куста скважин 718. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 718. Проезд к кусту скважин 718. Сайгатинское нефтяное месторождение», «Месторождение песка № 5 в пределах участка недр Сайгатинский». В результате натурального археологического обследования на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению, объекты культурного наследия не выявлены [6, с. 8–21].

В 2022 г. сотрудниками МАУ СР «ИКНПЦ “Барсова Гора”» под руководством Т. Н. Соболевой проведена разведка по проекту «Нежилое здание для размещения дошкольной образовательной организации. Детский сад на 80 мест в д. Сайгатина». Для определения наличия (отсутствия) признаков объекта культурного наследия заложены два стратиграфических разреза (шурфа) в границах обследованной территории. Результаты проведенных

работ позволили сделать вывод, что на земельном участке, испрашиваемом ООО «АСПК» под объект «Нежилое здание для размещения дошкольной образовательной организации. Детский сад на 80 мест в д. Сайгатина», объекты культурного (археологического) наследия отсутствуют; выявленные объекты культурного (археологического) наследия отсутствуют; объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия, не обнаружены: в стратиграфических разрезах визуально фиксируемые признаки наличия культурного слоя отсутствуют, археологический материал в земляных выработках и в экспонированном состоянии на площади исследованного участка отсутствует [2, с. 5–7].

В 2023 г. сотрудниками МАУ СР «ИКНПЦ “Барсова Гора”» под руководством Ж. Н. Труфановой проведена историко-культурная оценка территории земельного участка по проекту «Проезд № 2 к детскому саду д. Сайгатина». В результате анализа литературы, архивных источников и картографических материалов установлено, что объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия и объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия, отсутствуют [13, с. 3–5].

В этом же году сотрудниками МАУ СР «ИКНПЦ “Барсова Гора”» под руководством Т. Н. Соболюковой проведена историко-культурная оценка территории земельного участка по проекту «Проезд к детскому саду на 80 мест в д. Сайгатина». Для определения наличия (отсутствия) признаков объекта культурного наследия заложены два стратиграфических разреза (шурфа) в границах обследованной территории.

При историко-культурных изысканиях на земельном участке, испрашиваемом МКУ «УКС» по объекту «Проезд к детскому саду на 80 мест в д. Сайгатина», установлено, что в границах испрашиваемого земельного участка объекты культурного (археологического) наследия отсутствуют, выявленные объекты культурного (археологического) наследия отсутствуют, объекты, обладающие признаками объектов культурного (археологического) наследия, отсутствуют [1, с. 4–8].

В 2023 г. сотрудниками ООО «Юганская Археологическая Экспедиция» под руководством А. В. Хасанова проведена историко-культурная экспертиза по проекту «Участок магистрального нефтепровода “Усть-Балык – Нижневартовск” 219 км – 233 км. Сургутское УМН. Участок магистрального нефтепровода “Усть-Балык – Нижневартовск” 233 км – 280 км. Нефтеюганское УМН. Основная нитка, Ду1020. Замена трубы на ППМН 231 км пр. Сайгатина (пойма), 233 км р. Обь (пойма), 241 км пр. Сырой Аган (пойма), 263 км пр. Юганская Обь (пойма/русло), 276 км пр. Б. Юганская (пойма/русло). Реконструкция (02-ТПР-001-025510)». Заложено два стратиграфических разреза (шурфа). Установлено, что на испрашиваемом участке и в непосредственной близости от границы земель, подлежащих хозяйственному освоению по проекту «Участок магистрального нефтепровода “Усть-Балык – Нижневартовск” 219 км – 233 км. Сургутское УМН. Участок магистрального нефтепровода “Усть-Балык – Нижневартовск” 233 км – 280 км. Нефтеюганское УМН. Основная нитка, Ду1020. Замена трубы на ППМН 231 км пр. Сайгатина (пойма), 233 км р. Обь (пойма), 241 км пр. Сырой Аган (пойма), 263 км пр. Юганская Обь (пойма/русло), 276 км пр. Б. Юганская (пойма/русло). Реконструкция (02-ТПР-001-025510)» общей площадью 144,3756 га, расположены ранее выявленные объекты культурного наследия селище Кучиминское 39 (XXXIX), селище Кучиминское 17 (XVII), селище Кучиминское 40 (XXXX), могильник Сайгатинский (4) IV, селище Кучиминское 12 (XII) [5, с. 5–8].

В этом же году сотрудниками ТКНС УрО РАН под руководством Н. П. Туровой проведена историко-культурная экспертиза по проекту «Месторождение песка № 5 в пределах участка недр Сайгатинский». В ходе археологической разведки проведен осмотр всей территории участка на предмет наличия выраженных в рельефе остатков сооружений, объектов этнографии, археологического материала. Непосредственно на участке визуально выраженные руинированные остатки древних сооружений, а также подъемный археологический материал и признаки наличия древнего культурного слоя в обнажениях не зафиксированы. Участок расположен на обводненной территории, в связи с чем разведочные вскрытия не производились.

В результате проведенной археологической разведки объекты культурного наследия и объекты, обладающие признакам объекта культурного наследия на площади земельного участка В, отводимого под проект «Месторождение песка № 5 в пределах участка недр Сайгатинский», общей площадью 5,4656 га, не обнаружены [7, с. 17–21].

В 2024 г. сотрудниками ООО «Юганская Археологическая Экспедиция» под руководством М. В. Коваленко разработан проект «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия могильника Сайгатинского IV, селища Кучиминского 40, селища Кучиминского XII, расположенных на территории участка, а также на территории непосредственно связанной с территорией участка, подлежащего воздействию в ходе работ “Замена запорной арматуры на ЛЧ в 2025 г. Сургутское УМН. Техническое перевооружение”». В результате археологической разведки установлено, что земельные участки, испрашиваемые под проведение работ по проекту, расположены в границах объектов культурного наследия селища Кучиминского 40 и могильника Сайгатинский IV. Земельный участок непосредственно примыкает к объекту культурного наследия селищу Кучиминское XII. В случае осуществления работ на земельном участке, отводимом под проект, неизбежен заезд тяжелой строительной техники на территорию объектов археологического наследия, организация на территории объекта археологического наследия площадок складирования, площадок для разворота и т. п. При этом объекты археологического наследия могильник Сайгатинский IV, селище Кучиминское 40 и селище Кучиминское XII) могут быть частично или полностью уничтожены.

В целях сохранения объектов археологического наследия могильника Сайгатинский IV, селища Кучиминское 40 и селища Кучиминское XII следует провести спасательные археологические полевые работы (раскопки) на 42 территориях объектов археологического наследия селище Кучиминское 40, могильник Сайгатинский IV. Общая площадь раскопок составит 145,18 м² [8, с. 3–4].

За последние 15 лет урочище Сайгатино изучалось исключительно в процессе хозяйственного освоения. Проблема данного подхода заключается в том, что подобным образом памятники археологии не могут быть изучены в полном объеме, поскольку работы, чаще всего это разведка, наблюдения и аварийные (спасательные) раскопки, происходят в границах, испрашиваемых под строительство различных объектов, а не в границах самих памятников.

Для сохранения и изучения памятников археологии урочища Сайгатино необходимо планомерное и комплексное изучение с целью исключения вероятности физического разрушения и утраты социокультурной ценности, а также присвоения ему статуса достопримечательного места.

Литература

1. АКТ № 03БГ/2023 государственной историко-культурной экспертизы документации, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ по объекту «Проезд к детскому саду на 80 мест в д. Сайгатина», общая площадь 0,889 га. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/42b/9p1hj7pbt734x9h7hsntq349vy9vzc2p/Akt-GIKE_03BG_2023_Saygatina_sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

2. АКТ № 05/Д-2022 государственной историко-культурной экспертизы документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земель-

ных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ на территории общей площадью 0,5957 га отводимой под проект «Нежилое здание для размещения дошкольной образовательной организации. Детский сад на 80 мест в д. Сайгатина». URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/40e/hkutwx8enku0i0cpd175yc53weoh1xej/Akt-GIKE-05.D_2022.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

3. АКТ № 13-2020 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проектам: «Куст скважин 717. Нефтегазопровод от куста скважин 717. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 717. Проезд к кусту скважин 717. Сайгатинское нефтяное месторождение» площадью 22,9920 га; «Разведочная скважина № 4473Р Восточно-Сургутского лицензионного участка и трасса перевозки бурового оборудования к ней» площадью 7,1061 га. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/3c3/Act_GIKE_13_2020.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

4. АКТ № 18-08 государственной историко-культурной экспертизы Раздела «мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия: селища Кучиминское 1, селища Кучиминское 17, городища Кучиминское 19, могильника Сайгатинский 4 – по объекту “МН Нижневартовск – Усть-Балык, ППМН на 207 км о. н., 231 км о. н., 231 км р. н. ду 700 мм Сургутское УМН. Ликвидация”, в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/e58/akt-gike-_18_08_razdel_saygatina_sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

5. АКТ № 21-93-3У государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проектам: «Куст скважин 720. Нефтегазопровод от куста скважин 720. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 720. Проезд к кусту скважин 720. Сайгатинское нефтяное месторождение», «Куст скважин 721. Нефтегазопровод от куста скважин 721. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 721. Проезд к кусту скважин 721. Сайгатинское нефтяное месторождение», «Куст скважин 718. Нефтегазопровод от куста скважин 718. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 718. Проезд к кусту скважин 718. Сайгатинское нефтяное месторождение», «Месторождение песка № 5 в пределах участка недр Сайгатинский». URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/e88/Akt-GIKE-_21_93_ZU_sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

6. АКТ № 22-2023 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проектам: «Водовод высоконапорный на куст скважин 94. Западно-Солкинское нефтяное месторождение», общей площадью 8,7693 га; «Нефтегазопровод УДР – ДНС-10. Западно-Солкинское нефтяное месторождение», общей площадью 1,8646 га; «Месторождение песка № 5 в пределах участка недр Сайгатинский», общей площадью 2,4656 га. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/3d2/d1sqroghxja5xyq7bbglaoiw42hbxme/Act_GIKE-22_2023.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

7. АКТ № 23-48/ЕК государственной историко-культурной экспертизы документации, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, содержащая результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках,

подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по объекту «Участок магистрального нефтепровода “Усть-Балык – Нижневартовск” 219 км – 233 км. Сургутское УМН. Участок магистрального нефтепровода “Усть-Балык – Нижневартовск” 233 км – 280 км. Нефтеюганское УМН. Основная нитка, Ду1020. Замена трубы на ППМН 231 км пр. Сайгатина (пойма), 233 км пр. Обь (пойма), 241 км пр. Сырой Аган (пойма), 263 км пр. Юганская Обь (пойма/русло), 276 км пр. Б. Юганская (пойма/русло). Реконструкция (02-ТПР-001-025510)». URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/34b/256orkzuh6ebn8vu9uyubcbnj52koj9n/Akt-GIKE-_23_48EK_Otch_025510_Saygatina_sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

8. АКТ № 24-73/ЕК государственной историко-культурной экспертизы проекта «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия могильника Сайгатинского IV, селища Кучиминского 40, селища Кучиминского XII, расположенных на территории участка, а также на территории непосредственно связанной с территорией участка, подлежащего воздействию в ходе работ “Замена запорной арматуры на ЛЧ в 2025 году. Сургутское УМН. Техническое перевооружение” (02-ТПР-005-029636) в Сургутском районе ХантыМансийского автономного округа – Югры». URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/1d0/hy2bp6xuhryow34q56743xhc33s21otv/Akt-GIKE-_24_73EK-Kuchiminskie-Saygatinskiy_sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

9. АКТ № 382/№ 6/№ 16-33 государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих воздействию в ходе строительных работ по объекту «Газопровод ДНС Восточно-Сургутского месторождения – Сургутский ГПЗ (3 этап)». URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/a70/akt-gike-_382_6_16_33_saygatina_podpis-_2_.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

10. АКТ № 8-2020 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по объектам: «Куст скважин 250. Нефтегазопровод от куста скважин 250. Линия электропередачи воздушная 6 кВ на куст скважин 250. Проезд к кусту скважин 250», Западно-Сургутское нефтяное месторождение, площадью 13,315 га; «Месторождение песка № 7 (участок 2) в районе куста скважин 504, 511 в пределах Восточно-Сургутского лицензионного участка», площадью 25,5779 га; «Разведочная скважина № 969Р Сайгатинского участка недр и трасса перевозки бурового оборудования к ней», площадью 15,8805 га. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/3d8/Act_GIKE_8_2020.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

11. АКТ № 875 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проекту “Сети газоснабжения высокого и низкого давления для газификации частного жилого фонда д. Сайгатина”, шифр: 1553, площадь строительства 1,4 га. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/ea5/Akt-GIKE-_875_Saygatina_gazifikatsiya_1_sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

12. АКТ государственной историко-культурной экспертизы документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, хозяйственных и иных работ по объекту «Канализационно-очистные сооружения производительностью 200 м³/сут. д. Сайгатина, Сур-

гутский район. Подключение к инженерным коммуникациям, строительство фундамента, иловых площадок и сбросного коллектора» (11,61 га). URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/bb4/akt_ekostroyproekt_saugatina_2018.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

13. АКТ государственной историко-культурной экспертизы документации, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ по объекту: «Проезд № 2 к детскому саду д. Сайгатина», общая площадь 0,1157 га. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/4d8/p49vyrim3850хху-hfaa994yk8w0760rb/Akt-GIKE_Proezd-detsad-sign.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

14. Акт государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению – участок капитального ремонта «Нефтепровод “К-704 – точка врезки” на Сайгатинском месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в границах объектов культурного наследия селищ Остяцкий Живец I Остяцкий Живец II и охранной зоны поселения Остяцкий Живец III». URL: <https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/be1/binder1.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

15. Зайцева Е. А. Археологическая карта Сургутского Приобья. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. 199 с.

УДК 930.2

**«Жилищный вопрос» в деятельности адвокатуры России в 2002–2010 гг.
(на примере Кемеровской области – Кузбасса)**

Болкунова Е. В.

Томский государственный университет, Томск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос исполнения государством в 2002–2010 гг. положения закона о предоставлении адвокатским образованиям служебных помещений в целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности, выявлены негативные тенденции, возникшие в деятельности адвокатуры России в связи с вытеснением адвокатских образований из занимаемых ими служебных помещений.

Ключевые слова: адвокатура, бесплатная юридическая помощь, служебные помещения

**The Housing Issue in the Activities of the Russian Bar in 2002–2010
(Using the Example of the Kemerovo Region – Kuzbass)**

Bolkunova E. V.

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The article examines the issue of state enforcement in 2002–2010 of the provisions of the law on the provision of office space to legal entities in order to ensure accessibility to the public of legal aid and assistance to advocacy, identifies negative trends that have arisen in the activities of the Russian bar in connection with the displacement of law firms from their office space.

Keywords: advocacy, free legal aid, office space

Адвокатская деятельность является социально значимой. Именно адвокатами обеспечиваются гарантированные Конституцией Российской Федерации права граждан на государственную защиту прав, свобод человека и гражданина в РФ, права на получение квалифицированной юридической помощи, а также права на получение юридической помощи бесплатно в случаях, когда это предусмотрено законом.

В 2002 г. российская адвокатура подверглась реформированию. Реорганизация этого органа юстиции прошла в контексте общей трансформации социально-экономической и политической жизни российского общества. Следствием реформы стало «отделение адвокатуры от государства». Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – «Закон об адвокатуре») адвокатура признана профессиональным сообществом адвокатов и институтом гражданского общества, не входящим в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Закон установил, что адвокатская палата является негосударственной некоммерческой организацией, основанной на обязательном членстве адвокатов одного субъекта Российской Федерации, за счет отчислений которых формируется имущество палаты.

Реорганизация Кемеровской областной коллегии адвокатов (КОКА), образованной 5 сентября 1943 года, проведена в форме выделения ее структурных подразделений (юридических консультаций городов и районов) в самостоятельные юридические лица с последующей ликвидацией КОКА. Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса (далее – АП КО), не ставшая правопреемником КОКА, образована 1 ноября 2002 года.

Получив самостоятельность, адвокатура продолжила оставаться включенной в механизм реализации определенных государственных функций (защите прав и свобод граждан, обеспечению законности и правопорядка и др.). Это делало адвокатуру нуждающейся в поддержке государства.

Законодатель в статье 3 Закона «Об адвокатуре» предусмотрел финансирование органами государственной власти деятельности адвокатов, которые оказывают гражданам РФ юридическую помощь бесплатно (тогда, когда это предусмотрено законом), и выделение адвокатским образованиям служебных помещений (при необходимости).

Цель исследования – на примере отдельного региона (Кемеровской области – Кузбасса) показать действительное положение дел по вопросу выполнения государством названного в Законе «Об адвокатуре» положения об оказании адвокатскому сообществу содействия по предоставлению служебных помещений в 2002–2010 гг.

Забегая вперед, следует признать, что в указанный период адвокатские образования поддержки со стороны государства практически не ощутили. С момента наделения адвокатуры самостоятельностью наблюдалось методическое вытеснение адвокатских образований из занимаемых ими служебных помещений: сначала из зданий судов под предлогом расширения их деятельности (в то время суды были оборудованы кабинетами для прокуроров), затем из служебных помещений, арендуемых в других организациях.

Особенно усилилась тенденция выселения адвокатских образований из занимаемых помещений в 2006–2007 гг., что было связано с применением положений Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» [12]. Закон установил, что муниципальное имущество, предназначенное для осуществления полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ, в срок до 1 января 2006 года должно было быть передано в федеральную собственность или собственность субъектов РФ. Муниципальное имущество, не соответствовавшее статье 50 закона и не переданное в федеральную собственность, до 1 января 2009 года подлежало отчуждению органами местного самоуправления или репрофилированию. Исполнение этих требований закона привело к тому, что органы местного самоуправления стали отказывать адвокатским образованиям в продлении договоров аренды занимаемых ими муниципальных помещений в связи с выставлением их на торги, либо в разы повышали арендную плату [9].

Такое положение дел повлекло за собой негативные явления в деятельности российской адвокатуры, в том числе Адвокатской палаты Кемеровской области – Кузбасса. Так, в Резолюции № 1 от 5 апреля 2007 года III Всероссийского съезда адвокатов России «О служебных помещениях адвокатских палат и адвокатских образований» (г. Москва) указано на отрицательные примеры с помещениями, в том числе Кемеровской области [14].

Адвокатские образования были лишены возможности приобретения занимаемых ими помещений с торгов в виду отсутствия у них необходимых средств, поскольку их деятельность, как и деятельность АП КО, не являлась предпринимательской или коммерческой.

С 13 октября 2007 года более чем в 2 раза (с размера МРОТ в 2 300 руб. до 1 100 руб. без учета районного коэффициента) снижен размер оплаты труда адвокатов, участвовавших в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда. При этом размер арендной платы за занимаемое (федеральное) помещение только для АП КО увеличен с 10 декабря 2007 года практически в 2,5 раза, при том, что АП КО существовала свою деятельность только за счет отчислений адвокатов без какого-либо финансирования из бюджетов всех уровней [7, с. 2].

По состоянию на 1 января 2008 года в Кузбассе работало 740 адвокатов на территории 42 судебных районов, где находилось 200 адвокатских образований, в том числе 66 городских и районных коллегий адвокатов, пять адвокатских бюро, два филиала коллегий адвокатов и 127 адвокатских кабинетов [16].

Согласно решению Совета АП КО от 20 ноября 2002 года № 2/16 «О создании Координационного центра Адвокатской палаты КО по организации ведения дел по назначению...», председатели 42 городских и районных коллегий адвокатов (по числу судебных районов в области) назначались координаторами по организации ведения дел по назначению и оказанию бесплатной помощи малоимущим гражданам в установленном законом случаях и в труднодоступных местностях. Указанные категории дел составляли основную нагрузку адвокатов этих коллегий. Только в 2008 г. адвокатами Кузбасса выполнено 22,7 тыс. поручений по оказанию юридической помощи бесплатно, в том числе ее получили 2,1 тыс. малоимущих граждан [15, с. 3]. Таким образом, более 40 коллегий адвокатов в области в первую очередь нуждались в служебных помещениях, в том числе для оказания бесплатной помощи. Десятилетиями юридическая помощь малоимущим гражданам оказывалась в условиях отсутствия финансирования со стороны государства. Однако государство оказывало адвокатуре содействие в предоставлении помещений на условиях аренды [10]. С реализацией Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131 адвокатура лишалась и этого.

Все коллегии адвокатов арендовали помещения различных форм собственности. Расходы арендаторов на аренду помещений, занимаемые адвокатскими образованиями, являлись наиболее затратными. Например, общая сумма арендной платы за 2008 г. всех коллегий адвокатов Кемеровской области составила 4,7 млрд руб. (из которых 4 млрд 736,5 млн. руб. – арендная плата объектов, являвшихся муниципальной собственностью, 342 тыс. руб. – собственностью субъектов РФ, 4 млн. руб. – принадлежавших иным собственникам), адвокатских бюро – 442,6 тыс. руб., филиалов адвокатских образований – 349,2 тыс. руб., адвокатских кабинетов – 1,6 млн руб. [17, с. 1–3].

Проблема с помещениями привела к ликвидации в 2007–2008 г. двух адвокатских образований.

В январе 2007 г. ликвидирована Некоммерческая организация «Коллегия № 30 Крапивинского района Кемеровской области» (далее – КА 42/30) в связи с отсутствием служебного помещения и невозможностью перевода занимаемого жилого помещения в нежилое [17, с. 1]. Когда КА 42/30 распалась, члены коллегии вынуждены были открыть адвокатские кабинеты в связи с требованием учреждения юридических лиц только в нежилых помещениях [2].

В августе 2008 года ликвидирована Некоммерческая организация «Коллегия адвокатов Новоильинского района г. Новокузнецка Кемеровской области» № 4 в связи с выставлением помещения на торги и невозможностью выкупа его адвокатами [17, с. 1]. Все адвокаты этой

коллегии также были вынуждены учредить адвокатские кабинеты и работать в индивидуальном порядке.

В исследуемый период остро стояла проблема с помещениями в связи с выставлением на торги занимаемых помещений еще у трех коллегий адвокатов: НО «Коллегия адвокатов № 4 Рудничного района г. Кемерово», НО «Коллегия адвокатов № 5 Кировского района г. Кемерово», НО «Коллегия адвокатов г. Междуреченска Кемеровской области № 5».

Аналогичная проблема с помещениями возникла у Коллегии адвокатов № 37 г. Мыски в результате обращения прокуратура города к главе города Мыски с письмом о выселении адвокатов из занимаемого помещения (68 м²) и расширения помещения городской прокуратуры, которое запланировано было передать из муниципальной в федеральную собственность [1]. На Конференции адвокатов АП КО от 2 февраля 2007 года сложившаяся с помещениями ситуация признана «обострившейся до крайнего предела» [13, с. 1].

Ликвидация названных двух коллегий адвокатов привела к проблемам оказания квалифицированной юридической помощи в двух судебных районах Кемеровской области в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда, затруднила гражданам доступ к получению квалифицированной юридической помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях Крапивинского муниципального района (дд. Змеинка, Ивановка, Комаровка Банниковского сельского поселения, п. Медвежка, с. Салтымаково Каменского сельского поселения), а также доступ к бесплатно оказываемой юридической помощи [2].

По причине отсутствия служебных помещений для коллегий адвокаты вынуждены были открывать адвокатские кабинеты и работать в своих квартирах, не приспособленных для приема граждан. Так, только за 2008 г. в условиях, когда в области была ликвидирована одна коллегия адвокатов, количество адвокатских кабинетов увеличилось с 127 единиц [16, с. 2] до 133 единиц [15, с. 2]. Эта ситуация нарушила сложившуюся структуру адвокатских образований, которая позволяла судам, органам дознания, органам предварительного следствия и прокурорам при рассмотрении и расследовании дел оперативно привлекать к работе защитников, производить их замену, то есть реализовывать конституционное право граждан на государственную защиту их прав и свобод [3, с. 2].

В материалах III Всероссийского съезда адвокатов 2007 г. отмечалось, что неоправданно высокие расходы адвокатских образований и адвокатских палат на аренду служебных помещений приведут к свертыванию бесплатной юридической помощи малообеспеченным гражданам и вынужденному повышению размеров адвокатских гонораров, которые будут платить граждане, нуждающиеся в юридической помощи [14].

Адвокатское сообщество неоднократно обращалось к властям за помощью в решении проблемы со служебными помещениями. В частности, в 2006 г. в Резолюции № 4 IX очередного съезда Федерального союза адвокатов России к Президенту РФ, Федеральному Собранию и Правительству РФ изложена просьба не допустить лишения адвокатских образований, оказывающих бесплатную юридическую помощь, занимаемых ими помещений [10].

Следует полагать, что в условиях сложившейся ситуации спланированной акцией адвокатского сообщества стало обращение М. Г. Гутова (жителя г. Новокузнецка Кемеровской области), поступившее в адрес Президента Российской Федерации В. В. Путина во время проведения прямой линии 18 октября 2007 года: «...Правительство сократило размер оплаты труда адвоката, действующего по назначению в интересах лиц, которые не в состоянии оплачивать услуги защитника сами. В связи с этим зачастую адвокат либо вынужден осуществлять защиту интересов доверителя себе в убыток, либо подходить к защите формально. Также остается тяжелой ситуацией со служебными помещениями адвокатских коллегий. Не считает ли Президент необходимым изменить следующую ситуацию: установить адекватные размеры оплаты труда адвокатов, либо установить налоговые льготы, осуществлять поддержку в оплате аренды служебных помещений?» [5]. Администрация Кемеровской области потребовала от АП КО проинформировать о результатах рассмотрения этого обращения и М. Г. Гутова, и администрацию

области для доклада о проделанной работе с обращениями в Администрацию Президента Российской Федерации [7].

В рассмотренный период обращения адвокатов остались без удовлетворения. Например, в январе 2007 года соседи из Красноярского края на своей Конференции адвокатов приняли решение приобрести в собственность палаты отдельное помещение за счет собственных средств с привлечением банковского кредита стоимостью не более 15 млн руб. [4].

В некоторых случаях «жилищный вопрос» адвокатского сообщества Кемеровской области решался положительно. Так, на основании распоряжения главы города Новокузнецка от 12 февраля 2007 года некоммерческой организации «Коллегия адвокатов Центрального района г. Новокузнецка» предоставлено помещение в долгосрочную аренду сроком на 10 лет. Однако это было сделано без предоставления каких-либо льгот по арендной плате. На обращение АП КО о предоставлении коллегии таких льгот главой города Новокузнецка разъяснено, что их предоставление невозможно в соответствии с антимонопольным законодательством РФ, поскольку запрещается предоставление льгот отдельным адвокатским образованиям, в том числе некоммерческим (в целях недопущения их преимущественного положения по отношению к другим адвокатским образованиям) [6].

В 2009 г. АП КО высказала предложение о рассмотрении Комитетом по управлению государственным имуществом Кемеровской области (далее – КУГИ) возможности принятия в собственность субъекта помещений, занимаемых некоторыми адвокатскими образованиями, с последующей передачей таких помещений в качестве служебных нуждающимся адвокатским образованиям [11]. В свою очередь КУГИ высказалось о нецелесообразности такого предложения, так как на субъекты РФ возлагалась ответственность по решению вопросов материально-технического и финансового обеспечения оказания адвокатской помощи лишь в труднодоступных и малонаселенных местностях и подразумевал компенсацию расходов адвокатам [8].

Таким образом, в 2002–2010 гг. ни на областном, ни на федеральном уровне не учитывалось, что региональные адвокатские палаты выполняли важную государственную задачу по оказанию квалифицированной юридической помощи гражданам Российской Федерации, в том числе бесплатно. На деле положение Закона «Об адвокатуре», предусматривавшее оказание адвокатуре государственной поддержки в виде обеспечения адвокатских образований служебными помещениями, носило декларативный характер. Ни Федеральными Законами, ни Законами Кемеровской области, ни иными нормативно-правовыми актами порядок обеспечения адвокатских образований служебными помещениями в исследованный период не был урегулирован, что привело к негативным тенденциям в деятельности адвокатуры России.

Литература

1. Обращение председателя НО «Коллегия адвокатов № 37» г. Мыски в адрес председателя АП КО от 08.11.2006 № 2-21-03 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2006.
2. Письмо Адвокатской палаты Кемеровской области в адрес Президента Федеральной палаты адвокатов РФ от 16.02.2009 № 75 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2009.
3. Письмо Адвокатской палаты Кемеровской области от 22.09.2006 № 532 в адрес секретаря Общественной палаты Кемеровской области // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2006.
4. Письмо Адвокатской палаты Красноярского края от 01.02.2007 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.
5. Письмо Администрации Кемеровской области в адрес президента АП КО от 29.11.2007 № ППП-04/13-536 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.

6. Письмо Главы города Новокузнецка от 16.07.2007 № 1/1297 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.
7. Письмо Заместителю Губернатора Кемеровской области М. А. Руднику от 08.02.2008 № 64 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2008.
8. Письмо Комитета по управлению государственным имуществом Кемеровской области от 10.04.2009 № 76-04/816 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2009.
9. Письмо Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 16.01.2007 № 30-01/2007 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.
10. Резолюция № 4: принята IX очередным съездом Федерального союза адвокатов 08.06.2006 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2006.
11. Резолюция Конференции Адвокатской палаты Кемеровской области от 27.02.2009 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2009.
12. Резолюция Конференции адвокатов Адвокатской палаты Кемеровской области от 02.02.2007 № 1 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.
13. Резолюция Конференции адвокатов Адвокатской палаты Кемеровской области от 02.02.2007 № 2 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.
14. Резолюция о служебных помещениях адвокатских палат и адвокатских образований № 1 : принята III Всероссийским съездом адвокатов России 05.04.2007 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2007.
15. Сведения о занятости адвокатов, дисциплинарной практике и нарушениях прав адвокатов АП КО за 2008 г. (статистические) // Приложение к Письму АП КО в адрес ФПА РФ от 13.02.2009 № 73 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2008.
16. Справка Адвокатской палаты Кемеровской области на 01.08.2008 в адрес главного специалиста Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2008 № 29 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2008.
17. Справка об обеспечении служебными помещениями адвокатских образований, внесенных в реестр адвокатских образований Адвокатской палаты Кемеровской области за 2008 г. (на 31.12.2008) от 15.01.2009 № 05 // Адвокатская палата Кемеровской области – Кузбасса. 2008.

УДК: 94(571.1/.5)

Деятельность Тюменского музейно-просветительского объединения (2017–2024 гг.)

Кутакова Е. А.

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена обзору ключевых направлений работы Тюменского музейно-просветительского объединения в период с 2017 по 2024 гг. Основное внимание уделено развитию экспозиционно-выставочного пространства, реализации культурно-образовательных программ и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: Тюменское музейно-просветительское объединение, Ялutorовский комплекс, Музейный комплекс им. И. Я. Словцова, Исторический парк «Россия – моя история», Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Activities of the Tyumen Museum and Educational Association (2017–2024)

Kutakova E. A.

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article is devoted to an overview of the key areas of work of the Tyumen Museum and Educational Association in the period from 2017 to 2024. The main attention is paid to the development of the exposition and exhibition space, the implementation of cultural and educational programs and research activities.

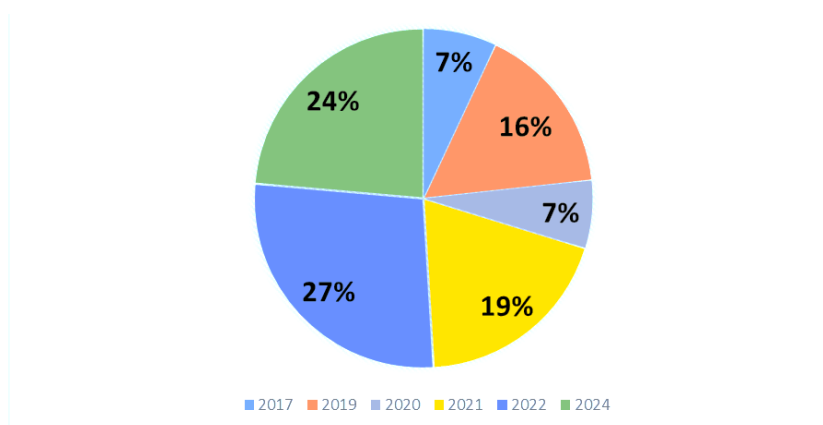
Keywords: Tyumen Museum and Educational Association, Yalutorovsk Complex, Museum Complex named after I. Y. Slovtsov, *Russia – My History* Historical Park, Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

Современный музей выполняет не только функцию хранения, но и выступает в роли активного многофункционального центра, фокусирующегося на культурной, образовательной и общественной деятельности. Ярким примером такой успешной трансформации является Государственное автономное учреждение культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение». На протяжении 2017–2024 гг. объединение продемонстрировало впечатляющую динамику, эволюционировав из совокупности разных музеев в единый современный культурно-просветительский и научный центр. В его структуру входят ключевые музеи региона, каждый из которых обладает уникальным потенциалом: Музейный комплекс им. И. Я. Словцова в Тюмени, мультимедийный Исторический парк «Россия – моя история», Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, Ялutorовский музейный комплекс. Их внедрение в единую сеть позволила выстроить целостное музейное пространство области [2, с. 7–8].

Стратегия развития Тюменского музейно-просветительского объединения с момента его создания в 2017 г., обозначенном годом музейной революции, была ориентирована на объединение и масштабное усовершенствование. Основным достижением этого этапа стало завершение строительства главного корпуса Музейного комплекса им. И. Я. Словцова с современным фондохранилищем (9,1 тыс. м²), которое получило высокую оценку экспертов Международного совета музеев (ИКОМ). Это позволило не только обеспечить надлежащие условия хранения постоянно пополняющихся коллекций, но и реализовать проект «Открытое фондохранилище», предоставив посетителям уникальный доступ к ранее закрытым коллекциям, тем самым ломая традиционные барьеры между хранителем и зрителем [1, с. 7].

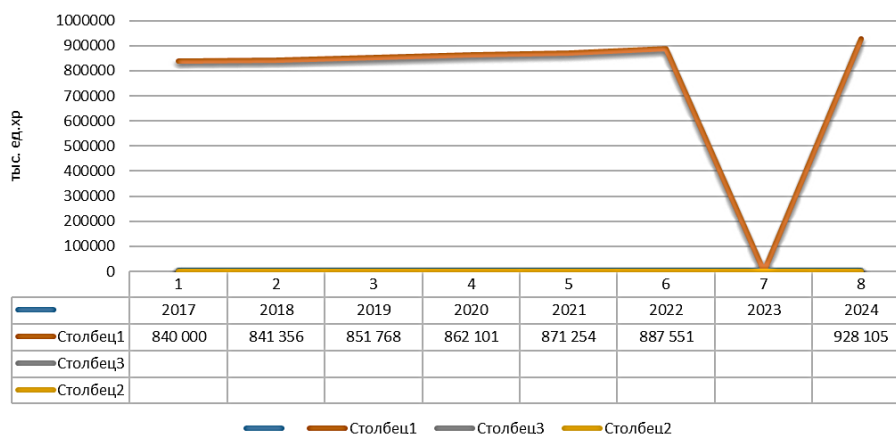
Параллельно в Тюмени был открыт Исторический парк «Россия – моя история», ставший важным инструментом популяризации истории страны для молодежной аудитории с использованием мультимедийных технологий. Значительные преобразования затронули и малые города. В Ялutorовске и Тобольске проведены масштабные работы – отреставрированы «Торговые ряды» в Ялutorовске и «Губернаторский дом» в Тобольске, где в 2018 г. торжественно открылся Музей семьи Императора Николая II [4, с. 19]. Это событие не только обогатило культурную часть региона, но и значительно усилило его позиции в федеральном туристическом проекте «Императорский маршрут», сделав Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник одним из его ключевых узлов.

Стабильный количественный и качественный рост является основной задачей деятельности объединения. Показатели посещаемости выросли с 626 тыс. человек в 2017 г. до рекордных 2,45 млн человек в 2022 г., а по итогам 2024 г. – 2 114 485 человек. Такой впечатляющий рост, особенно преодоление спада в период пандемии 2020 г. (578 тыс. посетителей), обусловлен комплексом факторов: открытие новых современных пространств, активная выставочная деятельность (ежегодно организуется 250–400 выставок), успешная реализация федеральных программ («Пушкинская карта», «Волонтеры культуры»), цифровая трансформация и последовательное развитие инклюзивных программ [5, с. 4–5] (рис. 1).

Рис. 1. Динамика посещаемости Тюменского музейно-просветительского объединения с 2017–2024 гг.

Музейный фонд Тюменского музейно-просветительского объединения представил не менее устойчивую положительную динамику. За семь лет коллекция увеличилась на 88 105 единиц хранения – с 840 тыс. единиц хранения в 2017 г. до 928 105 единиц хранения в 2024 г. Наиболее значительный прирост отмечен в 2021–2022 гг. Параллельно велась масштабная работа по цифровизации: к 2024 г. 100 % фонда внесено в электронный каталог, а 75,82 % предметов имеют фотофиксацию. Эти данные продемонстрировали эффективную системную работу по сохранению культурного наследия, где традиционное комплектование успешно сочетается с современными технологиями учета и доступности. Реставрационная деятельность также велась планомерно, ежегодно силами собственных мастерских восстанавливается около 250 предметов [5, с. 5–8] (рис. 2).

Рис. 2. Динамика объема музейного фонда за 2017–2024 гг.

Экспозиционно-выставочная деятельность объединения отличается масштабом и разнообразием. Ежегодно организуются сотни выставок, среди которых есть как проекты из собственных фондов (например, «Шедевры художественной коллекции»), так и партнерские выставки совместно с ведущими музеями страны, включая Государственный Эрмитаж и Государственный исторический музей («Калашников. Солдат. Конструктор. Легенда», «Сокровища музеев России»). Ключевыми событиями 2017–2024 гг. стали выставки в рамках национального проекта «Культура». Особое внимание уделяется инклюзивности. Например, тактильные копии картин на выставке «Видеть невидимое» и специализированные экскурсии для людей с инвалидностью стали неотъемлемой частью выставочной политики.

Культурно-образовательное направление является одним из приоритетов и реализуется через разветвленную систему программ. Просветительские проекты «Музей – школе», патристическая программа «Звезда», «Музей безграничных возможностей» (для людей с инвалидностью) и «Для тех, кто годы не считает» (для пенсионеров) охватывают все возрастные и социальные группы. Особой популярностью пользуются массовые акции «Ночь музеев» и «Ночь искусств», собирающие десятки тысяч гостей. Активно развивается волонтерское движение: на базе Исторического парка «Россия – моя история» создан региональный опорный центр «Волонтеры культуры», объединивший к 2020 г. 1 596 человек, которые участвуют в федеральных акциях и реализуют собственные проекты, такие как «Том Соьер Фест» [3, с. 9–10].

Научно-исследовательская работа ведется планомерно и является основой для всех направлений деятельности. В регионе проводятся крупные конференции с международным участием («Словцовские чтения», Тюменский музейный форум), публикуются научные труды и статьи в рецензируемых изданиях, сотрудники активно участвуют в российских и международных форумах. Важным событием стало издание второго тома трудов И. Я. Словцова. Эта деятельность обеспечивает научную базу для создания новых экспозиций, таких как готовящийся «Музей Сибири», и для наполнения региональным контентом федеральных проектов.

Таким образом, эволюция Тюменского музейно-просветительского объединения является ярким примером успешной модернизации региональной культурной организации. Объединение, которое основывается на четырех ключевых составляющих – Музейном комплексе им. И. Я. Словцова, Историческом парке «Россия – моя история», Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике, Ялуторовском музейном комплексе, – демонстрирует результативную систему управления.

Тюменское музейно-просветительское объединение, гармонично сочетая бережное сохранение традиций и цифровые инновации, инклюзивность и партнерство, превратилось в основной двигатель социокультурных изменений региона. Оно не только выполняет миссию по сохранению исторической памяти и вовлечению культурных ценностей, но и активно формирует новое культурное пространство, выступая в роли образовательного центра, площадки для коммуникации и точки роста туристической привлекательности.

Литература

1. Информационно-аналитический отчет о работе ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2017 год // ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение»; под общ. ред. С. Ю. Сидоровой. Тюмень : Тюменское музейно-просветительское объединение, 2018. 64 с. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public> (дата обращения: 22.10.2025).

2. Сидорова С. Ю. Тюменское музейно-просветительское объединение: стратегия развития в контексте современных социокультурных трендов // II Тюменский музейный форум : сб. материалов, г. Тюмень, 20–21 окт. 2022 г. / гл. ред. С. Ю. Сидорова, отв. ред. И. Г. Шишкин. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 7–12.

3. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2018 год. Аналитическая часть // Тюменское музейно-просветительское объединение. Тюмень, 2019. 35 с. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public> (дата обращения: 14.11.2025).

4. Отчет о деятельности Государственного автономного управления культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2020 год. Аналитическая часть // Тюменское музейно-просветительское объединение. Тюмень, 2021. 60 с. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public> (дата обращения: 22.10.2025).

5. Отчет о деятельности Государственного автономного учреждения, культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» за 2024 год. Аналитическая часть // Тюменское музейно-просветительское объединение. Тюмень, 2025. 179 с. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public> (дата обращения: 14.11.2025).

УДК 316.354.4

**Реставрационное волонтерство в Западной Сибири:
на примере деятельности волонтерского движения «Том Соьер Фест»**

Федосеева А. С.

*Томский областной краеведческий музей имени Михаила Бонифатьевича Шатилова,
Томск, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрена практика реставрационного волонтерства в Западной Сибири на примере деятельности волонтерского движения «Том Соьер Фест». Приведены результаты деятельности волонтеров «Том Соьер Фест» в Тюменской, Омской и Томской областях, Алтайском крае.

Ключевые слова: реставрационное волонтерство, «Том Соьер Фест», Тюменская область, Омская область, Томская область, Алтайский край

**Restoration Volunteerism in Western Siberia:
a Case Study of the Volunteer Movement of Tom Sawyer Fest**

Fedoseyeva A. S.

*Tomsk Regional Museum of Local Lore named after Mikhail Bonifatievich Shatilov,
Tomsk, Russia*

Abstract. The article examines the practice of restoration volunteerism in Western Siberia using the example of the Tom Sawyer Fest volunteer movement. The results of the Tom Sawyer Fest volunteers' activities in the Tyumen, Omsk and Tomsk regions, and the Altai Territory are presented.

Keywords: restoration volunteering, Tom Sawyer Fest, Tyumen Region, Omsk Region, Tomsk Region, Altai Territory

Последние десять лет ознаменовались интенсивным развитием волонтерского (добровольческого) движения на территории Российской Федерации. По данным платформы «Добро.ру», в 2024 г. число зарегистрированных добровольцев приблизилось к 8 млн человек [14]. Растет число волонтерских общественных и некоммерческих организаций. Планируется, что к 2030 г. не менее 45 % молодых людей будут вовлечены в общественно полезную деятельность [2], а рост общего количества волонтеров прогнозируется в пределах 11–20 млн человек [3].

Одним из ведущих направлений волонтерской деятельности в стране, наравне с социальным, медицинским, спортивным, патриотическим волонтерством, является добровольческая деятельность в сфере культуры. К ней относится поддержка культурных институтов (музеев, театров, библиотек), реализация культурно-образовательных проектов, деятельность по сохранению популяризации культурного наследия (в том числе реставрационное волонтерство). Государство активно поддерживает добровольчество в сфере культуры. Развитие добровольческого движения (волонтерства) в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации является одним из пунктов «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [1].

В России существуют благотворительные фонды и общественные движения, которые занимаются сохранением историко-культурного наследия, а также реставрационным волонтерством, например: социокультурный проект «Усадебные волонтеры», благотворительный фонд сохранения культурного наследия «Белый ирис», проект «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера». Волонтеры помогают проводить противоаварийные работы на объектах, консервировать и приводить в порядок фасады усадеб, храмов, жилых деревянных или каменных домов.

В данном исследовании рассмотрена практика реставрационного волонтерства в Западной Сибири на примере деятельности волонтерского движения «Том Соьер Фест» – фестиваля восстановления исторической среды силами волонтеров и спонсоров, который возник в Самаре в 2015 г. по инициативе редактора интернет-журнала «Другой город», историка и урбаниста, в настоящее время директора Самарского областного краеведческого музея им. А. В. Алабина А. В. Кочеткова. Свое название движение получило в честь известного персонажа романов Марка Твена. В отличие от книжного героя, который просто красил забор, волонтеры не только обновляют цвет фасада деревянного дома, но и выполняют необходимые ремонтно-восстановительные работы, восстанавливают его декор, приводят в порядок прилегающую к объекту территорию.

Постепенно к движению стали присоединяться активисты из других регионов. Так, к 2025 г. насчитывается уже более 80 населенных пунктов, где фестиваль когда-то действовал или действует сейчас, то есть на территории всей России и стран СНГ. Организатором фестиваля может стать инициативная группа граждан или некоммерческая организация. Работы ведутся с фасадами деревянных и каменных зданий, объектами малых архитектурных форм (арками, скульптурами, беседками), советскими мозаичными панно. Активистов поддерживают федеральные и региональные спонсоры, жители самих домов и неравнодушные к судьбе наследия горожане, односельчане, органы местной власти.

В настоящее время движение «Том Соьер Фест» представлено в Тюменской, Омской, Томской областях, Алтайском крае. Непродолжительное время фестиваль действовал в г. Лабытнанги Ямало-Ненецкого автономного округа. В Тюменской области география движения охватывает четыре населенных пункта: г. Тюмень, г. Тобольск, с. Ембаево Тюменского района, с. Новотроицкое Нижнетавдинского района.

В Тюмени движение запущено в 2018 г. урбанистом М. Кауровой и студентом Тюменского государственного архитектурно-строительного университета В. Скалдиным, а его появление связано с интенсивной застройкой исторического центра города и необходимостью сохранения домов, которые не имеют охранного статуса. Пик активности движения пришелся на 2018–2022 гг. В это время проведены работы с фасадами пяти домов, расположенных по адресам: ул. Пароходская, д. 24; ул. Льва Толстого, д. 50; ул. Свободы, д. 12; ул. Дзержинского, д. 32/1. Это объекты, которые были построены до Революции или уже в советский период, которые находятся в разных исторических районах города. На данный момент наблюдается перерыв в деятельности фестиваля в Тюмени по причине временного отсутствия координатора.

У объекта первого сезона 2018 г. (1901 г. постройки, ул. Пароходская, д. 24) проведены работы с фасадом и крышей, у которой заменили профнастил и прогнившую часть фальцовки (рис. 1).

Рис. 1. Объект «Том Сойер Фест» 2018 г., г. Тюмень, ул. Пароходская, д. 24
Примечание. По материалам источника [6].

Здание, расположенное по адресу: ул. Льва Толстого, д. 50, построено в середине XX в. Оно имеет богатый резной декор как на фасаде, так и на примыкающих к нему воротах с калиткой, одной из деталей украшения которой является маленькая красная пятиконечная звезда (характерная для домов ветеранов Великой Отечественной войны). Волонтерами проведены работы с фасадом и крышей дома, которые были окрашены в соответствии с новым цветовым решением, отреставрированы наличники и резьба ворот, расчищены водостоки и воссоздан дымник. Объект, имеющий адрес: ул. Свободы, д. 12, построен в 1928 г. В 2020–2021 г. добровольцами проведены ремонтно-восстановительные работы с фасадом и кровлей здания, заменено крыльцо, восстановлены ворота и отсутствовавший декор. В 2022 г. планировалось восстановить два объекта, расположенные по адресам: ул. Дзержинского, д. 32/1, ул. Луначарского, д. 31. Активисты смогли провести только замену обшивки здания по ул. Дзержинского, д. 32/1, которое является флигелем объекта (ул. Дзержинского, д. 32), – здания 1909 г. постройки со статусом объекта культурного наследия регионального значения [6, 13].

Фестиваль в с. Ембаево, запущенный в 2020 г. по инициативе М. Фаттахова, являлся ответвлением движения «Том Сойер Фест» в Тюмени. Работы велись в 2020–2022 гг. на одном объекте – каменной усадьбе второй половины XIX в. по адресу: ул. Советская, д. 88 (рис. 2).

Рис. 2. Объект «Том Сойер Фест» 2020–2022 гг., с. Ембаево, ул. Советская, д. 88
Примечание. По материалам источника [5].

Данный дом и ансамбль из семи зданий рядом с ним, которые имеют статус объектов культурного наследия, построены купцом второй гильдии и меценатом Н. Кармышаковым-Сайдуковым. Волонтеры занимались отчисткой цоколя и территории здания от мусора, реставрацией оконных рам. Планировалось, что оно станет частью музейного комплекса села [5].

В Тобольске движение появилось в 2021 г. силами Тобольской городской общественной организации по охране и популяризации наследия «Добрая воля». Появление движения связано с желанием сохранить городскую историческую среду. В 2021–2025 гг. проведены работы с фасадами пяти домов, построенных преимущественно в советский период: ул. Мусы Джалиля, д. 33 / 2-ой Безымянный переулок, д. 2, ул. Челюскинцев, д. 8, ул. Алябьева, д. 43а, пер. Кировский, д. 5, ул. Ленина, д. 11. Объекты относятся к типовой застройке и находятся в историческом районе Нижний посад. Усилиями волонтеров сохранено 20 уличных фигур, выполненных известным тобольским художником и резчиком по дереву Е. Ермаковым, а также реставрированы наличники.

У домов, расположенных по адресам: ул. Мусы Джалиля, д. 33 (2021 г.), ул. Челюскинцев, д. 8 (2022 г.), пер. Кировский, д. 5 (2023–2024 гг.), проведены работы с фасадами, обновлены наличники, а также облагорожена придомовая территория. Объект третьего сезона 2023 г., расположенный по адресу: ул. Алябьева, д. 43а, находился в аварийном состоянии, отсутствовала крыша. Добровольцами при участии спонсоров восстановлена крыша, отреставрированы уникальные резные наличники с изображением осетра, покрашен заново фасад. В 2025 г. на объекте по адресу: ул. Ленина, д. 11, в котором жил ветеран Великой Отечественной войны и руководитель городской газовой службы Г. Водовозов, проведены работы с фасадом здания, частично отремонтирована обшивка, планировалась замена кровли [10].

Село Новотроицкое присоединилось к движению «Том Сойер Фест» в 2022 г. по инициативе автономной некоммерческой организации «Нижнетавдинский Центр культурных и досуговых программ “Атмосфера”». Координатором стал руководитель центра – А. Рыков. Появлению фестиваля послужил интерес к созданию музейного пространства по сохранению исторического наследия территории. В работу взяты два дома. В первый сезон 2022 г. волонтеры обновили цвет наличников, ворот и веранды, устранили проседание части здания по адресу: ул. Советская, д. 18. В 2023–2025 гг. проводилось восстановление двухэтажного дома сибирского крестьянина начала XX в. по адресу: ул. Дзержинского, д. 28, где впоследствии разместился культурно-просветительский центр «Сибирская глубинка» [8].

В Омской области движение представлено в г. Омске с 2018 г. по инициативе Омского отделения Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИИК), руководитель которого – С. Коновалов – стал координатором фестиваля. Заинтересованность в сохранении историко-культурного наследия города и желание попробовать новые форматы работы стали причинами появления движения в области. В период 2018–2025 гг. проведены работы на фасадах шести домов, построенных в конце XIX – начале XX вв., расположенных по адресам: ул. Булатова, д. 69, ул. 30-летия ВЛКСМ, д. 39, ул. Пушкина, д. 15, ул. Герцена, д. 37 / ул. Рабиновича, д. 104, ул. Гусарова, д. 46 / ул. Яковлева, д. 165, ул. Октябрьская, д. 104. Кроме реставрации фасадом домов проведены ремонтно-восстановительные работы на средних объектах – арках советских домов 1949 г. и 1951 г. постройки.

У объектов, расположенных по адресам: ул. Булатова, д. 69 (2018 г.), ул. Пушкина, д. 15 (2021 г.) и ул. Гусарова, д. 46 / ул. Яковлева, д. 165 (2023 г.), проведены работы с фасадом дома, отреставрированы наличники, воссозданы утраченные фрагменты резьбы наличников и декора карниза. У объектов, расположенных по адресам: ул. 30-летия ВЛКСМ, д. 39 (2019 г.) и ул. Герцена, д. 37 / ул. Рабиновича, д. 104 (2023 г.), кроме работ с фасадом выполнено восстановление декоративных башен на крышах зданий. На первом объекте восстановлены ветхие и потерянные участки металлочерепицы башни-ананаса (рис. 3); на втором воссоздана башня, утраченная в советское время. В 2024 г. волонтеры планировали привести в порядок фасад и наличники здания по адресу: ул. Октябрьская, д. 104. Появившийся новый владелец дома отказался от сотрудничества с активистами, работы не были проведены в полном объеме [4, 9].

Рис. 3. Объект «Том Сойер Фест» 2019 г., г. Омск, ул. 30-летия ВЛКСМ, д. 39
Примечание. По материалам источника [9].

В Томской области движение представлено в Томске с 2017 г. (впервые фестиваль прошел под названием «ТОМск Сойер Фест») и было связано с проблемами финансирования в 2016 г. муниципальной программы «Сохранение деревянного зодчества». На основе опыта работы территориального общественного самоуправления «Улица Дзержинского» создано общественное движение, участвовавшее в городском ремонте фасадов деревянных домов. Его руководитель А. Иванов стал координатором. В 2017 г. волонтерами проведена реставрация фасадов двухэтажного дома по адресу: ул. Дзержинского, д. 17, который относится к объектам фоновой застройки, формирующим исторический облик достопримечательных мест или архитектурных ансамблей. В сезонах 2018–2020 гг. проведены работы с фасадами зданий, расположенных по адресам: ул. Войкова, д. 18, ул. Гагарина, д. 22. Первый из указанных зданий является объектом культурного наследия регионального значения, поэтому работы велись под контролем областного комитета по охране культурного наследия и при участии лицензированной строительной организации ООО «Томскремстройпроект». В результате отреставрированы наличники, карниз, подзорные доски, элементы деревянного декора. Здание, расположенное по адресу: ул. Гагарина, д. 22, является объектом ценной историко-архитектурной среды, у которого полностью восстановлены фасады, наличники, деревянный декор, входная группа.

В 2020 г. из-за возникших разногласий прекращено сотрудничество общероссийского движения «Том Сойер Фест» с «ТОМск Сойер Фест». Уже в статусе самостоятельного волонтерского движения в 2020 г. завершены работы на объекте по адресу: ул. Войкова, д. 18. В том же году фестиваль перезапущен, координаторами стали С. Савина и О. Павлова. Первым его объектом стало здание, расположенное по адресу: пер. Совпартшкольный, д. 6а, являющееся объектом фоновой исторической застройки, формирующей исторический облик достопримечательных мест или архитектурных ансамблей (рис. 4). В 2020–2021 гг. волонтерами проведены работы с внешним и частично внутренним фасадом здания.

Рис. 4. Объект «Том Сойер Фест Томск» 2020-2021 гг., г. Томск, пер. Совпартшкольный, д. 6а
Примечание. По материалам источника [11].

В 2021 г. движение юридически оформилось в Томскую региональную общественную организацию «Центр сохранения исторического наследия». Сотрудничество с общероссийским движением «Том Сойер Фест» не было утрачено, фестиваль стал одним из векторов деятельности организации. В 2021–2023 гг. волонтерами отреставрированы внешний и внутренний фасады объекта по адресу: ул. Белинского, д. 17, фасады и балкон объекта по адресу: ул. Белинского, д. 17/1. Здания – часть усадьбы, состоящей из четырех домов: ул. Белинского, д. 17 / ул. Герцена, д. 11, ул. Белинского, д. 17а, ул. Белинского, д. 17/1, ул. Белинского, д. 17/2, три из которых – объекты ценной историко-архитектурной среды. Первоначально планировалось провести работы на трех дома усадьбы, дополнительно взяв в работу прилегающий к ней дом, расположенный по адресу: ул. Герцена, д. 9, но в декабре 2023 года несколько зданий (ул. Герцена, д. 9, ул. Белинского, д. 17 / ул. Герцена, д. 11) признаны аварийными [12]. Из-за возникшего общественного резонанса и проведения новых экспертиз, отмены изначального решения об аварийности, работы с восточным фасадом здания, расположенного по адресу: ул. Герцена, д. 9, затянулись. Их завершили в 2025 г., заменив сгнившие фрагменты фальцовки верхнего яруса, отреставрировав наличники, дополнив их отсутствовавшими элементами.

В Алтайском крае движение возникло в 2022 г. и представлено в Барнауле. Его появление связано с желанием сохранить историческую среду города и ее застройку. Волонтеры работают со зданиями, расположенными в историческом квартале по адресам: ул. Анатолия, д. 160, ул. Анатолия, д. 162, ул. Анатолия, д. 164. У домов приведены в порядок фасады и цоколь, обновлена часть декора, проведен ремонт ворот [7].

Таким образом, на примере деятельности волонтерского движения «Том Сойер Фест» можно выделить положительные стороны практики реставрационного волонтерства в Западной Сибири. Важна популяризация идеи волонтерства как общественно-полезной деятельности, а также привлечение к ней молодежи. Благодаря команде волонтеров, организаторов, специалистов (архитекторов, плотников, краеведов, историков), местных жителей, происходит сохранение исторического облика города или села, его историко-культурного наследия. Значимо и формирование у населения, которое участвует в работах, уважительного отношения к историко-культурному наследию и ответственности за его сохранение. Среди волонтеров укрепляется социальная сплоченность во время проведения работ или мероприятий, которые устраивают организаторы для участников движения в том или ином регионе. Добровольцы передают свой практический опыт заинтересованным единомышленникам с помощью реставрационных кампусов или специальных школ для детей и подростков.

Литература

1. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-п (ред. от 06.09.2025) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307324530> (дата обращения: 08.12.2025).
2. Добро качественно: к 2030 году число волонтеров может увеличиться в 5 раз // Известия. URL: <https://iz.ru/1474525/valeriia-mishina/dobro-kachestvenno-k-2030-godu-chislo-volonterov-mozhet-uvlichitsia-v-5-raz> (дата обращения: 08.12.2025).
3. К 2030 году 45 % молодежи будут вовлечены в добровольческую и общественную деятельность // Объясняем.рф. URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/k-2030-godu-45-molodezhi-budut-vovlecheny-v-dobrovolcheskuyu-i-obshchestvennuyu-deyatelnost/> (дата обращения: 08.12.2025).
4. «Том Сойер Фест»: как равнодушные омичи дают вторую жизнь старым домам // Омск здесь. URL: <https://omskzdes.ru/society/80314.html> (дата обращения: 08.12.2025).
5. Том Сойер Фест Ембаево. URL: https://vk.com/tomsawyerfest_embaevo (дата обращения: 08.12.2025).
6. Том Сойер Фест Тюмень. URL: <https://vk.com/tomsawyerfesttmn> (дата обращения: 08.12.2025).
7. Том Сойер Фест Барнаул. URL: https://vk.com/tsf_barnaul (дата обращения: 08.12.2025).
8. Том Сойер Фест Новотроицкое (Тюменская область). URL: <https://vk.com/club211146563> (дата обращения: 08.12.2025).
9. Том Сойер Фест Омск. URL: <https://vk.com/tsfomsk> (дата обращения: 08.12.2025).
10. Том Сойер Фест Тобольск. URL: https://vk.com/tsf_tobolsk (дата обращения: 08.12.2025).
11. Том Сойер Фест Томск. URL: https://vk.com/tsf_tomsk (дата обращения: 13.03.2026).
12. Трифонова А. С. Опыт волонтеров г. Томска в сохранении и популяризации историко-культурного наследия // II Шушенские исторические чтения : сб. материалов науч. конф., Шушенское, 2025. С. 93–95.
13. Хранители домов. Третий сезон «Том Сойер Феста» подвел итоги // Аргументы и факты. URL: <https://clck.ru/3RDwkw> (дата обращения: 08.12.2025).
14. Чернышенко Д. На платформе Добро.ру зарегистрировано почти 8 млн пользователей и свыше 130 организаций // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/54632/> (дата обращения: 08.12.2025).

Сведения об авторах

Асеева Адавият Салаватовна – аспирант, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск. Научный руководитель – Л. В. Алексеева, доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск.

Бауман Даниил Александрович – аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Болкунова Екатерина Викторовна – старший преподаватель, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк. Научный руководитель – В. В. Шевцов, доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, г. Томск.

Веселов Севостьян Игоревич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Галлямова Лариса Васильевна – преподаватель, аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – О. В. Ищенко, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Завьялова Ирина Евгеньевна – студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – О. А. Задорожная, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Зиятдинова Илюза Ильсуровна – студент, Высшая школа нефти, г. Альметьевск. Научный руководитель – С. А. Каримова, кандидат экономических наук, доцент Высшей школы нефти, г. Альметьевск.

Зяблищева Екатерина Юрьевна – студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – О. А. Задорожная, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Исламова Руслана Романовна – студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – О. А. Задорожная, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Кетоков Арсен Бесланович – аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Кирий Полина Дмитриевна – студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – О. А. Задорожная, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Кириллюк Денис Валериевич – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Ковалева Ольга Александровна – аспирант, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск. Научный руководитель – Л. В. Алексеева, доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск.

Кокшарова Марина Владимировна – О. А. Задорожная, студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Кузнецова Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Кутакова Екатерина Алексеевна – магистрант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – О. А. Задорожная, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Магарамов Аслан Аскерович – аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Морозов Никита Ильич – магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск. Научный руководитель – П. П. Румянцев, доктор исторических наук, доцент Томского государственного университета, г. Томск.

Никора Валентина Якимовна – аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Нормайкин Евгений Владимирович – аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул. Научный руководитель – М. О. Тяпкин, доктор исторических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул.

Полиенко Владимир Александрович – студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – С. И. Веселов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Прищепа Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный университет, г. Сургут.

Просвиркина Валерия Владимировна – преподаватель, Муравленковский многопрофильный колледж, г. Муравленко, аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Пядухова Дарья Дмитриевна – аспирант, Томский государственный университет, г. Томск. Научный руководитель – М. В. Грибовский, доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, г. Сургут.

Раздобреев Олег Валерьевич – преподаватель, аспирант, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Сердюков Дмитрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Сташкин Петр Рудольфович – преподаватель, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – А. И. Прищепа, доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Туржанов Евгений Конакпаевич – аспирант, Омский государственный технический университет, г. Омск. Научный руководитель – А. В. Сушко, доктор исторических наук, профессор Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, г. Омск.

Федосеева Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея имени М. Б. Шатилова, г. Томск.

Шевченко Данил Дмитриевич – лаборант, студент, «Северная археология-1», Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – Г. П. Визгалов, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Шурыгин Александр Сергеевич – студент, Сургутский государственный университет, г. Сургут. Научный руководитель – С. И. Веселов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Научное издание

«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ...»

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти И. П. Захарова

Ответственный редактор
Веселов Севостьян Игоревич

Редактор
Л. М. Хисамутдинова

Верстка
Н. В. Шадринной

Подписано для опубликования 22.04.2026. Формат 60 × 84/8
Уч.-изд. л. 15,1. Заказ № 32

Оригинал-макет подготовлен
в Издательском центре СурГУ
Тел.: (3462) 76-30-66

БУ ВО «Сургутский государственный университет»
628400, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, д. 1
Тел.: (3462) 76-29-00